

ЛЮБО ЖИТЬ

Страницы жизни
Лидии Гладкой





ЛЮБО ЖИТЬ

Страницы жизни
Лидии Гладкой

Санкт-Петербург
2020

УДК 82(091)
ББК 83.3.(2Рос-Рус)6
Л93

Л93 «Любо жить»: Страницы жизни Л. Д. Гладкой / Сост.,
вступ. статьи и комментарии Н. Н. Шумских. — СПб.:
ООО «Аллегро», 2020. — 292 с., портр. / ил.

ISBN 978-5-6044007-5-3

Издание книги инициировали родные, ближайшие друзья и товарищи Лидии Дмитриевны Гладкой (1934–2018) уже после ее кончины.

В разнообразных рубриках, сопроводительных аннотациях читатель может увидеть и оценить многосторонность этой неординарной личности и оценить художественную, документально-историческую составляющую недавнего и давно минувшего времени, «бывшее и несбывшееся».

УДК 82(091)
ББК 83.3.(2Рос-Рус)6

© Гладкая Л. Д., тексты, 2020
© Шумских Н. Н., составление,
вступ. статьи и комментарии, 2020
© Елистратова И. В., оформление, 2020
© Сергуненков Б. Б., 2020

ISBN 978-5-6044007-5-3

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	10
Биография.....	13
Поэтическая стезя (1954–1970-е)	
«Загадка бытия — по-прежнему загадка...».....	29
« — Чем ты жива? — меня спросили...».....	29
Первая разлука.....	30
«Душно в доме! Скорей за ворота!..».....	31
«Я вижу: солнце на тоненьких ножках...».....	32
«Не все на свете весело...».....	32
«Начало не новее...».....	33
«Говорят, что я — бродяга...».....	33
«Тому, кто любит Родину...».....	34
Наш дом.....	35
Черные снега.....	36
«Ивушка, как девушка...».....	36
«Я люблю парней добротных...».....	37
Случай на изысканиях.....	38
Сахалинцам.....	38
«Не грусти, что в тайге затерялся...».....	39
«Живу не живая: оторвана...».....	39
«И ты уйдешь, и гулкие шаги...».....	40
«Улица хмурится сонная...».....	40
«Письмо ко мне пожаловало...».....	41
«Я знала с самого начала...».....	41
«Ты отпел меня заживо...».....	42
Письмо.....	43
«Горю для тебя лиственницей...».....	43
«Курортный город, как актер усталый...».....	43
«В радости повинно вино...».....	44
«Хлебнула зла до донышка...».....	44
«Беды — не награда...».....	45

Песня.....	46
«Прощай... Стесняется дыхание...».....	46
«Боюсь я дара своего...».....	47
«Не играю стихами...».....	47
«Как хорошо, когда соседи спят...».....	47
«Что за легкая сила гуляет по жилам...».....	48
«Гиви, Гиви, птица Гиви...».....	49
«И зачем сохранил ты...».....	49
« — Седой и красивый...».....	50
«Мальчики без кожи...».....	50
«До чего же тебе я рада...».....	51
«В дюнах дорога была так красива...».....	52
Рождество.....	52
Колыбельная.....	53
Бессонница.....	54
«Я научилась наблюдать...».....	55
«Кто это только выдумал...».....	56
Польскому гиду.....	56
Сыну.....	57
Салехардским друзьям.....	58
Поэма о черном коне.....	59
Утро в деревне.....	62

Поэзия Леонида Лапцуйа в переводах Лидии Гладкой (1960-е - начало 2004-го)

Первые опыты

Волна.....	67
Салехарду.....	71
Ветры-сплетники.....	73
Утро на Оби.....	75
Вышки буровые.....	76
Геологи.....	77
Мальчишке северянину.....	78
Всегда юное.....	79
Простой человек.....	81
Ледоход.....	82

Письма

Л. В. Лапцуй.....	85
Н. И. Грудинина.....	94

Леонид Лапцуй. «Слово заветное, заповедное»

Л. Гладкая. Предисловие:

«Жизнь — вот главный наш учитель...»	99
<i>«Учи свое дитя добру...»</i>	
«Детство — только мелькнет...»	104
«Будь нежен и ласков...»	104
«На пороге жизни дети...»	104
«Внимай тому, чье слово правдой дышит...»	105
«Воистину учитель — тот...»	105
«Учи свое дитя добру...»	106
«Водой снеговой...»	106
«Доброе слово...»	106

«В рассвете лет крылатых молодых...»

«Ранним утром — день грядущий...»	107
«Взлетишь однажды, как орел...»	107
«Вбирая притоки, река расширяет свой бег...»	108
«В повседневных делах не ищи мелочей...»	108
«Перед работой трудной, друг мой, не робей...»	108
«Если взялся за дело, так делай его до конца...»	108
«Напрасно тратишь силы естество...»	108
«Когда в работе человек горит...»	109
Нудондана	109
«Для человека стать бедою может...»	109
«Смех над бедным человеком...»	110
«К советам дельным мы прислушаться готовы...»	110
«Не думай, камешек подняв...»	110
«Мы в бедах наших...»	110
«Храни природу, чтобы сохраниться...»	111
«Как черная ворона на снегу...»	111
«Никто нам жизни не указывал цены...»	111
«Зла в мире этом...»	112
«Сколько нужно для жизни...»	112

«И глазом моргнуть не успеешь, как нарта твоя — за чертою...»

«Радости мало — от бесконечной...»	112
«Оглянись: по следам прочитаешь судьбу...»	112
Жизнь Человека	113
«Как миллионы лет тому назад...»	114

Переводы Л. Гладкой и С. Макарова

«Мгновенье детства промелькнет с утра...»	114
«Кто вздумал жизнь прожить чужим умом...»	114
«Ты по лицу характер земляка...»	115
«Кто жизни смысл не понял — жалок тот...»	115
«Человеконенавистник...»	115
«Живи лишь тем, что в жизни сам добыл...»	115
«Познай в судьбе и даль, и высь...»	116
«Словно мираж в морозной мгле...»	116
«Ты любовь береги пуще ока зеницы...»	116
«Народ свой оскорбляя сплетней ржавой...»	117
«Бесхитростный не промолчит трусливо...»	117
«Внимая пенью птиц в родном краю...»	117
«Кто искренне братается с людьми...»	117
«Мы по-своему глупее...»	118
«Философский мой вывод непрост и весóm...»	118

Очерки

Островитяне	121
Жил-был человек-песня...	138
Музы верный рыцарь	148

Память Ямала

Телеграммы	159
<i>В. Волошин. О Лобызова.</i>	
Тонкий лирик, вдумчивый собеседник, надежный друг	161
<i>С. Н. Харючи. Хадакоця Лида</i>	162
<i>Н. Л. Бородулин. Письмо</i>	165
<i>Г. С. Зайцев. Отзыв на книгу автора-составителя Л. Д. Гладкой</i>	166
<i>Л. В. Хомич. Краткий отзыв о книге «Прокладывающий тропу»</i>	167
<i>А. Тарханов. Искусству нужны подвижники</i>	169
<i>Л. Гладкая. Великие и настоящие!</i>	171
<i>М. Я. Бармич. Рядом по жизни</i>	174
<i>Л. Ефремова. Она — это Лида Гладкая!</i>	178
<i>О. Ефремова. Мое воспоминание</i>	193
<i>С. и Л. Цупиковы. Наша Лида</i>	197
<i>В. Н. Няруй. Романтик белых снегов и «заиндевелых оленей»</i>	198

Память Петербурга

<i>О. Я. Ремиз.</i> Четверо.....	205
<i>Ю. Б. Петров.</i> Душа моя, Элизиум теней.....	211
<i>Б. Г. Венус.</i> Вспоминаю Ахматову.....	214
<i>В. Калмыков.</i> Ахматова назвала ее поэтом.....	216
<i>Б. Н. Сергуненков.</i> Жизнь сказочника.....	217
<i>Л. Я. Старикова.</i> Не написанный роман.....	221
<i>А. В. Грунтовский.</i> Слово о Лидии.....	243
<i>Ю. И. Тагиров.</i> Подарки судьбы.....	245
<i>О. В. Фомина.</i> Деньги ничто — друзья все.....	247
<i>Б. В. Соколов.</i> Почти письмо.....	248
<i>Н. Севастьянов.</i> В моей памяти.....	250
<i>Е. Ю. Кучинский.</i> «Пересыщенный раствор».....	252
<i>П. Баженова.</i> Уходит эпоха.....	254
<i>Л. К. Горшков.</i> Встречи с любовью.....	255
<i>Монахиня Гликерия.</i> «Лида Митревна».....	258

Зарифмованная память

<i>Г. Морозов.</i> Полярные цветы.....	260
<i>Г. Горбовский</i> «Далеких лиственниц и пихт...».....	261
<i>Сахалиночка</i>	261
«Кто бы видел, как мы с ней прощались...».....	262
<i>Слезы женские</i>	262
«Твой взгляд уходит в память остро...».....	263
«Заиндевелые олени...».....	264
<i>Ю. Тагиров.</i> «Что за женщина такая...».....	264
<i>В. Царева.</i> Раздумье.....	266
<i>А. Домашёв.</i> «О чем хлопочет женщина вон та?..».....	267
<i>В. Ситникова.</i> «О, светлый миг! О, совершенство!».....	268
<i>В. Симаков.</i> «Звенят гитары, льются песни...».....	268
<i>А. Мальцева.</i> «Лида живет в Петербурге...».....	269
<i>Н. Астафьев:</i> «Не для меня журчат ручьи...».....	270
<i>Годовщина</i>	270

Семейный альбом

«Фотокопия нашей судьбы...».....	273
----------------------------------	-----

Предисловие

Книга «Любо жить...» получила свое название от автора — Лидии Дмитриевны Гладкой — и была задумана как поэтическая, то есть как сборник стихов. Но, успев выпустить семитомник прозы, поэзии, песенных текстов Г. Я. Горбовского, она не успела подготовить, выстроить содержание своих произведений. Кончина на 84-м году остановила бурное течение яркой жизни человека исключительно вольного духа, ищущего в разных областях претворения своих мыслей, идей, способностей. Открытая дружескому сообществу, где бы она ни была, чем бы ни занималась, — вся ее неиссякаемая энергия была, несомненно, естественна и плодотворна.

Если определить высоким словом — жизнь ее была служением России, любовью к человеку, помощью талантливым работающим людям. Как будто она восприняла завещанный предками дар, который запечатлелся на многих ее путях-дорогах. Не раз выбирая новое направление деятельности, устремлялась она только к положительному результату, движимая духовной целостностью народной души и памяти.

Ее человеческая природа была страстна и неутомима, душа отзывчива и щедра.

Идеи, образы идей (а их было немало) волновали, увлекали и в конце концов, в чем убеждают страницы биографии, находили свое зримое выражение. А ведь они требовали колоссальных усилий, определенной комплексной систематизации, но последнее служило и творческому развитию, усваивалось на всех этапах обучения, начиная со школьной скамьи, института, в профессиональной практике инженера-геофизика и других — журналиста, переводчика, издателя. Опыт накапливался в работе,

которая, как можно заметить по трудовой книжке, менялась вместе с местом прописки и содержанием более тридцати раз, без учета фактических договоров, с командировками на суше и на море-океане. И везде, на любом поприще, в любом выбранном жанре не исчез след ее трудов.

А выпадали тяжелые испытания, судьба благоволила ей, посылая на подмогу искренних, настоящих друзей, наставников. Среди них был Игорь Григорьев. Лидия Дмитриевна откликнулась благодарным словом на его поддержку в заметке «Автограф незабвенного друга»: «Для меня, принадлежащей к поколению Великой Отечественной войны и Победы, дороги и святы имена многих поэтов и писателей фронтового поколения. Божьей милостью мне дарованы были не только встречи с ними, но и дружба, и даже творческое сотрудничество. К сожалению, сейчас у меня остались лишь их портреты и автографы на подаренных некогда книгах. Я бережно и благодарно храню их как дорогую память о старших братьях по поэзии, добрых, внимательных и доброжелательных друзьях. Одним из таких дорогих мне людей был Игорь Николаевич Григорьев, талантливый поэт фронтового поколения. Берегу как реликвию его книгу “Красуха” вот с таким незабвенным автографом: “Дорогой Лидии Гладкой, веруя, бедую и любя от благодарного сердца моего. Ваш Игорь Григорьев. 25 мая 1974 г.”. Он прислал мне книгу с этими словами в связи с выходом моей книги “Листок ветровой”, после которого на меня началась настоящая травля. Но не только: в то время я получила много писем от писателей и поэтов, фронтовиков с добрыми словами признания и поддержки. Но, пожалуй, именно Игорь Николаевич нашел самые главные и необходимые слова, которые помогли мне стойко выдержать все нападки и злобную критику. Я до конца дней сохраняю благодарность этому прекрасному незабвенному человеку, талантливому поэту, патриоту, моему другу и единомышленнику. Лидия Гладкая».

Так еще раз убеждаешься, как добро перекликается с добром.

Жизнь всех ли талантливых людей заслуживает внимания биографа? Аполлинария Сулова, например, удостоилась такого права, можно сказать, только любовью двух выдающихся писателей. Лидия Дмитриевна в разное время супруга

знаменитых литераторов — Глеба Яковлевича Горбовского и Бориса Николаевича Сергуненкова — свои чувства, сердечно-неспокойные отношения в этих союзах изливала в стихах; они ответно — в поэзии и прозе. И как бы ни складывалась жизнь, занятия Лидии Дмитриевны не пресекались, значимые проекты были важны для страны. Она была одной из тех, кто оставляет задел, в котором дано подняться и процвести многим одаренным людям.

Редакция собирала материалы для книги с целью показать «почву и судьбу» свободолюбивой женщины, вызывающей интерес своей неиссекаемой устремленностью в той или иной деятельности. Запечатленные слова и дела ее, ступенчато возраставшие на разных территориальных площадках, отразились в главной части издания.

Память человеческая коротка, и если остается, то несколько отделенной, то есть индивидуальной. Книга же пополнилась многими воспоминаниями и посвящениями ее друзей, сподвижников и поклонников. Они отмечены достоверностью и любовью.

Биография

После вступительного слова, где труды, творчество, как и собственно образ Лидии Дмитриевны Гладкой, несколько обобщены, наверняка читателя (имеется в виду внимательного) серьезно заинтересует биография развернутая, даже конкретизированная, чтобы уяснить значение совершенного в пределах человеческой жизни. Она ведь нередко определяется со стороны практически-материальной, физической составляющей, и только, без учета духовности и духа времени.

Что нам доступно на сегодняшний день? Воспоминания и публикации, но более тот опыт, что открывается в авторских стихах, очерках, разного рода исторических и личных документах, изданиях, в редких интервью, в закрепленных печатями работах и договорах и, конечно, в письмах, которые, как заметил А. И. Герцен, «...больше, чем воспоминания, на них запеклась кровь событий, это — само прошедшее, как оно было, задержанное и нетленное».

Когда-то И. А. Бунин относительно воспоминаний об А. П. Чехове подчеркнул с укором их свойство: «Слова стали очень дешевы, и хорошие и дурные слова произносятся с удивительной легкостью и лживостью, очень много <...> неточностей, а порой просто скудоумия можно встретить в воспоминаниях». К сожалению, и в XXI веке это мнение остается справедливым.

Редакция взяла в науку сказанное классиками и внимательно проверяла и перепроверяла даты, факты, события, биографии и автобиографии (общим числом 16). Что касается публикуемых воспоминаний, посвящений, они искренны, достоверны и помогают представить портрет Лидии Гладкой.

Выбранный вариант изложения материала объясняется желанием показать в меру уточненную «биографическую карту, или маршрутный лист» (эти обозначения здесь кажутся уместными),

какой встречается в формате Малой серии энциклопедических словарей, в справочниках, правда в данном случае с расширением литературно-публицистического и эпистолярного содержания.

Итак, Лидия Дмитриевна Гладкая, известная как поэт, переводчик, журналист, издатель, правозащитник коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, учредитель творческого содружества «Берегиня» и многих осуществленных полезных инициатив, родилась 28 июня 1934 года в деревне Бор Новгородской области. Здесь, в бывшей губернии, жило не одно поколение родственников матери, которая тоже родилась на этой земле. В стихах часто будет звучать любовь к родине, к чтимому родословию. И если она говорила об этом естественно и уверенно: «Корни мои под Волховом, / Корни под градом Киевом...», то Анна Ахматова чувства, близкие народным, строго и осмысленно, как плод напряженно-душевных переживаний, не сразу ввела в свой поэтический мир, признаваясь:

Спокойной и уверенной любви
Не превозмочь мне в этой стороне:
Ведь капелька новгородской крови
Во мне — как льдинка в пенистом вине.

Кем были родители Лидии Дмитриевны? *Отец* — Дмитрий Матвеевич Гладкий, украинец (1903–1955) — коммунист, врач, участник Гражданской войны, Финской кампании, Великой Отечественной (ВОВ) и Японской войн; награжден орденами Красной Звезды и Отечественной войны II степени. В начале ВОВ совершил героический подвиг в Западной Лице, спасая раненых в госпитале при вражеской атаке. Даже в тяжелых условиях прифронтовой полосы он совершенствовал операционный процесс, чем, облегчая, ускорял выздоровление, и многие бойцы возвращались в строй. После войны — в полуэкипаже Краснознаменного Балтийского флота майор медицинской службы; перехал из Ленинграда в поселок городского типа Большая Ижора.

По семейному преданию, происходил из рода последнего в империи Наказного атамана Азовского казачьего войска Осипа Михайловича Гладкого, служившего во флотилии береговой

обороны Черного моря. В 1852 году в возрасте 57 лет вышел в отставку. Бывший перегонщик скота, бывший двухбунчужный паша турецкого султана, бывший Кошевой Атаман Задунайского войска запорожцев и бывший командир Дунайского казачьего полка получил по царскому указу от 17 августа 1851 года чин генерал-майора (см.: А. Смирнов. Морская история казачества. М.: «Яуза», ЭКСМО, 2006).

Наверно, не случайно через полтора века Л. Д. Гладкая оказалась в длительных командировках как журналист на бортах судов Северного морского флота на Дальнем Севере. «Так может отозваться предков звук через века прошедших поколений». Согласимся и с тем, что бывают «странные сближения...» Одно из них случилось на работе сына Лидии Дмитриевны. Его сотрудник, надежный помощник, доверенное лицо в делах фирмы, Александр Скорописов, предположительно потомок того денщика, кто верой и правдой служил атаману Гладкому.

Мать Лидии Дмитриевны — Биркенгоф (Дмитриева) Наталия Львовна (1909–1990) — врач. Родилась в Старорусском уезде Новгородской губернии в селе Васильевщина, в семье лекаря. Участница Великой Отечественной войны. С 1 августа по октябрь 1941 г. она на Ленинградском фронте старший врач военной базы ВВС Краснобалтийского флота; с ноября 1941 г. по январь 1942 г. — в Ленинградском морском госпитале № 7, а с июля 1942 по март 1946 г. работает в эвакогоспиталях Вологды, Белозерска, Череповца. Награждена медалью «За оборону Ленинграда», орденом Отечественной войны II степени. По возвращении в Ленинград работала с отцом во 2-й больнице водников (СЗРП), психиатрической больнице в Василеостровском районе и в нескольких медицинских учреждениях.

Ближайшие родственники Наталии Львовны Биркенгоф

Отец — Биркенгоф Лев Александрович (1879–1961) — врач; из мещан, уроженец Таврической губернии, крестился в 1893 году. Учился в Александровской гимназии (Ялта), в Новороссийском университете (Одесса), на медицинском факультете Московского

университета. Часто навещал родных и родственников, живших в Ялте не одним поколением. С 1907 г. — земский врач в Старорусском уезде Новгородской губернии; место жительства — деревня Васильевщина Налючицкой волости Старорусского уезда Новгородской губернии. На 1908 г. — холост. 30 апреля/13 мая 1913 г. «согласно Указу Его сиятельства господина начальника Управления внутренних водных путей и шоссейных дорог Лев Биркенгоф назначен участковым врачом санитарного надзора Псковско-Новгородского участка Санкт-Петербургского округа с годовым окладом 1800 рублей. Местом жительства определен Новгород». С начала Мировой войны мобилизован в армию. В мае 1917 г. утвержден старшим врачом Управления отдельного легкого черноморского артиллерийского дивизиона. По окончании военных действий возвращается в Новгород, где работает до переезда в Петроград (1924). Определяется невропатологом во 2-ю больницу водников — Кадетская линия, 15. Не меняет места службы ни до начала ВОВ, ни после эвакуации на Вологодчину. Награды: орден св. Станислава III степени (1917); орден Ленина (1932).

Мать — Дмитриева (Биркенгоф) Лидия Андреевна (1881–1961) — домохозяйка.

Брат — Биркенгоф Андрей Львович (1903–1971) — географ, ученый, известный путешественник, исследователь-этнограф Крайнего Севера. Родился в Ялте. Выпускник Ленинградского лесного института по специальности экономическая география. Еще студентом (1925–1926) изучал природу и хозяйство Европейского Севера и Забайкалья; по окончании института (1927) работал в комплексных экспедициях в Сибири, на Дальнем Востоке в командировках на Камчатке, севере Якутии, в Приамурье. В 1931 г. возглавлял часть экспедиционного маршрута на Индигирку. Обширная правительственная программа с предписанным комплексом работ и задач осуществлялась в тяжелых условиях: три зимы и два лета. Конечный успех обошелся дорого — стоил четырех жизней. По результатам экспедиций написан ряд трудов, в т. ч. монография «Леса центральной части полуострова Камчатка».

В перерывах между маршрутами был привлечен выдающимся географом и специалистом в области статистики В. П. Семеновым-Тянь-Шанским к созданию Географического музея. Академик В. В. Струве предложил ему принять участие в работе по описанию природной среды всех народов Сибири и Крайнего Севера. Великая Отечественная война прервала столь важное дело. После фронта возобновилась научная деятельность Андрея Львовича. Он к. г. н., декан географического факультета, заведующий кафедрой физической географии в Ленинградском педагогическом институте им. А. И. Герцена; преподаватель в институте образования взрослых Академии педагогических наук; продолжал исследования, писал методические пособия, учебники и т. п. Автор книг «Потомки землепроходцев», «К вопросу о древней Новгородской колонии на Аляске», «Берингов пролив и Берингово море», «К истории названия “Острова Гвоздева”», «Описание коренного населения Сибири» и др.

Сестра — Биркенгоф Анна Львовна (1919–2020) — музыковед-теоретик, педагог, заслуженный работник высшей школы РФ (2001), доцент Санкт-Петербургской консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова, автор «Учебника по гармонии».

Прадед — Дмитриев Андрей Михайлович (псевдоним «Барон И. Галкин») (1842–1886) — беллетрист, переводчик, работал в разных жанрах. Судя по датам, печатался регулярно. В сборнике рассказов «С позволения сказать» (М., 1870, 1874) критикой была отмечена, как лучшая, повесть «Падшая». Имели известность книги: «Господин Ловелас» (М., 1872), «В дорогу от скуки» (М., 1876), комедия «Единственная» (М., 1881), «От нечего делать» (М., 1882), а также пьесы, новеллы, шуточного характера литературные миниатюры (см.: С. А. Венгеров. «Источники словаря русских писателей». Т. II). Закончил жизнь в Московской Преображенской психиатрической больнице. *Его жена* — Дмитриева Анна Михайловна.

С младенчества Лидия Дмитриевна жила в Ленинграде на Васильевском острове (4-я линия, д. 61, кв. 2). В январе 1942 г. эвакуирована с бабушкой и дедом на Вологодчину. В Белозерском госпитале в 1943 г. девочка встретила с поэтом, фронтовиком-танкистом Сергеем Орловым. Она подошла к нему и спросила, что надо, чтобы быть поэтом. Он ответил просто: «Надо правду говорить». — «В рифму?». — «Не обязательно». И Лида попробовала писать стихи...

А через четверть века они встретились в редакции журнала «Аврора» в Ленинграде. Лидия пять лет работала под его руководством в отделе поэзии. «Вот так порой складывается жизнь», — вспоминала она.

Победу встречали в Череповце. Здесь была окончена «на отлично» начальная школа. О своем детстве и юности Лидия говорила: «Наше детское сознание получило патриотическую закваску в годы Великой Отечественной войны, особенно при ее победоносном окончании. Наша юность совпала не только с разоблачением культа личности Сталина и тайных злодеяний режима, но и с большими надеждами на прогрессивные перемены. Все это предопределило неизбежность поиска в каждом из нас своего места в деятельном созидании своей страны, служении своему народу. Наше желание в свое время своим трудом принять участие в общей работе всех, кто из века в век старался и старается сделать Отчизну могучей и процветающей, было для нас естественным и глубоко искренним». Ее многопрофильная, никогда не легкая работа в чем-то сродни баумовцам и целинникам, не в спорах московских лириков и физиков, а наяву стала тому подтверждением.

Вернулись из эвакуации в 1946 г. У отца и матери появились новые семьи.

Образование, и не только

В 1952 г. Лидия по окончании средней школы № 32 Василеостровского района поступила в Горный институт им. Г. В. Плеханова. Кроме учебы на геофизическом факультете активно посещала ЛИТО, из которого вышла плеяда знаменитых поэтов и писателей: А. Битов, Г. Горбовский, И. Петкевич, А. Кушнер, Н. Ковалева, Л. Агеев, А. Городницкий, О. Тарутин, В. Британишский, Л. Куклин, Е. Купман и др. Первые публикации Лидии появились в газете «Горняцкая правда», что позволило участвовать в Советствии молодых писателей Северо-Запада, в группе поэта Всеволода Рождественского. Увлечлась сценой и была принята в Народный театр ДК им. С. М. Кирова, где преподавали великие

режиссеры и актеры: Г. А. Товстоногов, О. Я. Ремез, В. В. Меркурьев, Н. К. Черкасов. Успевала заниматься еще фехтованием и гимнастикой, позже интересовалась восточными практиками.

В 1956 г. Лидия и Глеб Горбовский поженились.

Работа по специальности

Получив диплом (1957) и распределение на Сахалин, отправилась на Дальний Восток с мужем. Полугодовалую дочку оставили на попечении Наталии Львовны. В Ленинград приезжала в исключительных случаях, например по командировке (1959) на повышение квалификации в Институт им. В. А. Стеклова. Тогда же успела поучиться в вечерней студии Театра им. Ленсовета.

Работать Лидия начала еще в студенческую пору, о чем говорят даты, должности и места первых и последующих практик. Список достаточно внушителен. Он, конечно, удивит каждого не женской профессией, устойчивым характером и редкой ответственностью при любом звании.

Читаем:

1953 г. — рабочий 3–6-го разряда в геофизических партиях, старший рабочий сейсмоотряда и проявитель в НЕГРИ в Мангышлаке.

1954 г. — старший рабочий топотряда и взрывник 6-го разряда в Башкирском геофизическом тресте.

1955 г. — техник-вычислитель в Ташкентском геофизическом тресте.

1956 г. — инженер-изыскатель, начальник геофизического отряда на участке трассы газопровода Валдай — Ленинград (трест Ленгипроспецстрой).

Сахалин: 1957–1963 гг.

На Северном: техник-геолог, инженер-геофизик, старший инспектор-интерпретатор, начальник камеральной партии.

На Южном: старший инженер Сусунайской региональной двухотрядной сейсморпартии, старший инженер и начальник Далинской партии.

Условия жизни, быта суровые: палатки, буржуйка, спальные мешки на хвойной подстилке.

На свет появляется старший сын Сергей (1958). Муж, работавший взрывником, не связанный строгими обязательствами, покидает заповедные места и отправляется в «свободное плавание».

Несколько раз в двух шагах от Лидии маячила смерть: она тонула в болоте, потерялась в тайге при жесткой посадке вертолета; Глеб Горбовский с Николаем Рубцовым, узнав об этом, спешно собрались вылететь на Сахалин, но получили утешительное известие — жива! Чудом осталась жива и когда уехала на короткое время домой, а ее группа погибла в автобусе, сбитом дрезиной. Счастливый случай? Вряд ли...

Написав три отчета, принятых во Всесоюзные геологические фонды, выработав, как говорится, с перевыполнением сахалинский срок, Лидия переводится в Ленинградский геофизический трест на должность старшего инженера тематической партии аэромагнитной экспедиции-4 (Север русской платформы) и числится в ней с 1963 по 1966 г.; в 1964 г. родился младший сын Борис Сергуненков.

Близок конец выбранного в юности романтического пути. Взысканий в трудовой книжке нет, благодарности — да.

1966 год — своеобразный рубеж жизни, когда она решительно расстается с профессией горняка. Можно сказать, что диплом был отработан «на отлично» и в полной мере познано то, чего желала: «...радость будущих дорог». Конечно, радость была разбавлена и нелегкими испытаниями в личной жизни, и драматическими событиями, и поиском чего-то нового и важного, что отразится в очерках и стихах. Были ли колебания при выборе будущих дорог? Наверное, у нее была своя философия, без которой жизни не осилить. Она осиливала, и творила ее, участвуя в создании проектов по развитию культуры, национальной памяти, полагая, что многие нелегкие общественные проблемы решаются на путях синтеза, и смело одолевала их. Не найти периода, когда бы Лидия Гладкая падала ниже достигнутого уровня в новых профессиях и службах, поддерживаемая знаниями, верою, на платформе науки и правды и неравнодушными людьми своего Отечества.

Литературный путь

Известно, что в ранние годы, со слов Лиды, она пробовала сочинять стихи. В период школьной учебы свидетельств о стихотворной практике не осталось. О первых публикациях мы сказали, не упомянув об участии в двух стеклографических сборниках, второй из которых был сожжен во дворе института в 1957 г. из-за «дерзких» стихов Гладкой и Агеева, а ЛИТО, по идеологическим соображениям начальства, распущено. От репрессий Лидию спасли профессора Горного института, а также поэты-фронтовики: Александр Прокофьев, Ольга Берггольц, Михаил Дудин, Давид Дар, Вера Панова и другие. До отъезда на Сахалин она организовывала студенческие спектакли, являясь автором текстов и режиссером, выступала в группе поэтов на разных городских площадках, чаще — институтских, и стала известной в Ленинграде.

В Народном театре, где Лида занималась и играла, ни по первому, ни по второму разу не могла справиться с простым, казалось бы, заданием — написать частушки для пьесы. И тогда она в каникулы, в одиночку, едет в Башкирию, где, наслушавшись деревенских задорных песенных текстов, усваивает основы жанра и сочиняет в подобном стиле свое, чем радуется всех участников спектакля. Частушки органично звучали на сцене, а затем и в знаменитом фильме «Поддубенские частушки». Возникает вопрос, почему Лидия выбрала Башкирию? Если заглянуть в рубрику «Работа по специальности», увидим, что этот край был ей знаком еще в 1954 г. по практике в Башкирском геофизическом тресте. Тогда, наверное, коснулись ее слуха бойкие народные напевы. А то, что получилось — полюбили и помогало в будущем работать на Крайнем Севере с фольклорным материалом, когда он был еще богат, неистощим.

В этой связи следует остановиться на легендарной личности поэта, переводчика — Глеба Сергеевича Семенова. Он с 1947 по 1981 г. руководил в Ленинграде шестью ЛИТО, в том числе и в Горном институте (с начала 1950-х и до конца 1957-го). Сколько молодежи этот талантливый учитель воспитал и вывел в большую литературу, мы прочли. Стоит поинтересоваться, чему он отдавал предпочтение в области художественного перевода. Его особенно

привлекали и были близки душевному складу произведения славянских поэтов — Чехии, Болгарии, Польши, Белоруссии и авторов, писавших на иврите и греческом. Но что удивительно, так это серьезное внимание, какое уделялось им молодой поэзии Севера. Дать «русский голос» ей считал важной культурной задачей. Студийцы, у которых он имел непререкаемый авторитет, хорошо знали его творчество. Видно, не случайно, не вдруг Лидия Гладкая взялась продолжить столь серьезную миссию, подсказанную наставником.

Впервые приехав на Ямал в 1964 г., она познакомилась с ненецким поэтом Леонидом Васильевичем Лапцуем (1932–1982). С той поры занималась художественно-литературными переводами с подстрочника его уникальных, даже по мировым меркам, философских стихов. Ей оказывали добрую профессиональную помощь опытные поэты — Наталья Грудинина, Сергей Макаров, сам автор и его жена Елена Сусой.

В период работы на Сахалине публикации Лидии Гладкой читают в газетах «Молодая гвардия» и «Утро Родины». Она всматривается в жизнь островитян, собирает материал для большого очерка «Островитяне».

В 1963 г. возвращается в Ленинград и с 1964 г. полностью переходит на журналистскую работу. Стихи Лидии Гладкой в 1966–1972 гг. печатают в альманахах «День поэзии», «Молодой Ленинград», «Сказание о солнце», в журналах «Звезда», «Знамя», «Кругозор», «Работница»; художественные переводы в сборниках: «Упрямые скалы» Йоле Станишича (с сербо-хорватского); «Костер», «Голубая тундра» в «Антологии поэтов Коми» Леонида Лапцуя (с ненецкого); в журнале «Знамя» стихи Мартинайтиса (с литовского).

Ее принимают в группу профессиональных писателей и в профсоюзную организацию Ленинградского отделения Союза писателей РСФСР (1968).

Заметно, что Лидия все более склоняется к жанру очерка. На Ленинградском радио (1966–1969) ведет репортажи «Невская волна», «Мы — взрослые люди», «Атлантика»; работает в редакциях отдела пропаганды «Наука и промышленность», «Слушай, воин»; организует параллельные передачи «Ленинград — это

близко» и ответно: «Салехард — это близко». Беседы и выступления Гладкой с 1969 г. звучат на Вологодском, Костромском, Ивановском, Ярославском, Владимирском радиовещании.

Годы работы старшим редактором в отделе поэзии ленинградского журнала «Аврора» (1969–1974) считала одним из важных этапов своей деятельности. В редколлегии — Михаил Дудин, Сергей Орлов, Ольга Берггольц, Владимир Алексеев, Владислав Шошин. В журнале печатаются два очерка Лидии Гладкой. Они знакомят с поступающим со всех концов СССР огромным литературным материалом, которым она занималась, и с теми трудностями и препонами, что создавались внимательной, жестокосердной цензурой. Стоит удивляться и запомнить смелое, одухотворенно-сердечное сознание, с каким относится редактор к авторскому тексту, нередко спасая ту или иную публикацию. А сколько молодых начинающих поэтов дебютировали с ее легкой руки и обрели известность не только в России. Это — В. Голубев, А. Белов, Г. Морозов, И. Нерцев, Г. Колюжный, С. Молева, С. Макаров, А. Азизов, Н. Галкина, Ю. Шестаков и другие. Накопленный опыт поможет потом создать на Сахалине и Ямале ЛИТО, куда потянулись многие желающие, получившие здесь практическую пользу и знания, и от них — творческий импульс. В результате возникло литературное отделение Ямало-Ненецкого округа при Союзе писателей СССР.

При этой огромной нагрузке Лидия Дмитриевна подготовила рукопись (1964) поэтического сборника «Листок ветровой», имевшего в 1-й редакции название «Островитянка». Он надолго задержался в издательстве «Советский писатель», хотя и получил положительную рецензию В. Шефнера: «Есть поэты, покоряющие нас не совершенством и отделкой стиха, не глубокой продуманностью замысла, не эффектом словесных открытий и неожиданных сочетаний, а силой личности, неистовостью темперамента, стремительной искренностью выражения себя, когда между словом и переживанием как бы нет никаких преград. Такова Лидия Гладкая в лучших своих стихах. Об этой своей безудержной прямоте и абсолютной естественности она не раз говорит сама. <...> В стихах Гладкой предельный накал чувств: любви, ненависти, дружбы, сомнений, отчаяния, радостей и тревог материнства. И все это крупно, безоглядно, без жеманного и манерного

кокетства условно “женской” поэзии, будто перед зеркалом примеряющей переживания, ситуации и судьбы. Гладкой веришь. Силой своих эмоций и реакций на мир она заражает, что, конечно, не спасает ее от множества профессиональных несовершенств, небрежностей, промахов». Стихи, наконец, вышли в свет в 1973 г. На них положительно отозвался В. Британишский — товарищ из ЛИТО Горного института: «В стихах ее нет ни капли актерства, никакой лирики роли, никакой лирической героини — она пишет всегда от себя, о себе, о своей жизни. Не играет: “Не играю стихами, / Дышу ими, плачу... / Ты счастливей меня. / Ты умеешь иначе”».

В следующем году Гладкая увольняется из редакции по собственному желанию, возможно, по причине резких критических публикаций на ее поэзию.

Перерыв в работе был недолгим. В сентябре 1975 г. она вступает в обязанности заместителя директора в Театре им. Ленинского комсомола, вскоре становится помощником главного режиссера по литературной части. В апреле 1976 г. уходит и с этого поста. Далее в трудовой книжке записей до 1987 г. нет. Очевидно, решила работать по договорам, что позволяло чувствовать себя более свободной, да и соответствовало природе характера.

Последовал длительный период командировок (1978–1984) от Ленинградского отделения СП, ЦК ВЛКСМ, Ленинградского и Мурманского радиокомитетов, ряда журналов и газет Мурманской области и на Северном морском пути на кораблях Северного флота ММФ, Мурманского речного пароходства: «Ленинградский комсомолец», на бортах дизельных ледоколов «Капитан Сорокин», «Капитан Драницын», «Капитан Николаев», «Красин», атомном ледоколе «Арктика»; на теплоходе «Шура Кобер» (1981) участвовала в экспедиции на Землю Франца-Иосифа. Она собирает материал для книги «Арктика — это мы»; в поле ее внимания талантливая пишущая молодежь. Ведет прямые репортажи на Москву. До 1986 г. — спецкорреспондент Агропромиздата (Москва) по Крайнему Северу.

Еще в 1984 г. Лидия Дмитриевна была приглашена окружкомом комсомола ЯНАО для выступлений, затем Управлением культуры — для подготовки семинара литераторов в Салехарде. Это начало имело продолжение. С 1986 г. более 10 лет она трудится

в столице Ямала в сфере культуры: старшим редактором методического центра, руководителем Объединения фольклористов и литераторов Ямала, заведующей отделом секций окружного Дома культуры народов Севера (ОДКНС). В итоге организует первый Праздник литературы и фольклора Ямала, первый вечер памяти Леонида Лапцуя, первые «Лапцевские чтения», первые «Обдорские посиделки», фольклорные экспедиции с фирмой «Мелодия».

С 1989 по 1998 г. работает в газете «Красный Север» в секторах национальной политики и региональных органов власти; выходит с инициативой в поддержку Международной экологической экспедиции «Обь-90» («Спасение Оби — спасение Сибири»), акции «Храм — верующим»; участвует в создании организации «Ямал — потомкам», в Международной конференции в Салехарде «Писатели Севера», в основании журнала «Ямальский меридиан», руководит ЛИТО в Салехарде.

У читателя может возникнуть вопрос при знакомстве с поэзией Лидии Гладкой, почему она перешла в другую область работы со словом. Не исключено, что интуиция подсказала ей некое откровение. Да и правда привела к убеждению, что все значимое, дорогое и волнующее, без нарочитого пафоса, отразилось в «Листке ветровом». Жизнь на исходе художественного зрительного изображения искала выходы в другие влекущие к себе области, требующие познания и что называется профессионализма. Были бы задатки! И когда стрелка компаса не сходила с обжитых, познанных городских мест, в ожидании перемен, Лидия развернулась на 180 градусов и определилась в выборе — путь лежал на Дальний Север.

По возвращении в Петербург вдохновение ее не замирает. Она видит, как угасает память о талантливых писателях, живших в Северной столице, и в рамках общественного движения «Берегиня» проводит с единомышленниками чтения и ряд вечеров: в честь 65-летия О. Тарутина (2000), «Вторые Пушкинские чтения» (2001), «Не умирай, любовь...» (памяти А. Азизова, 2006), «Душа хранит...» (памяти Н. Рубцова, 2007), памяти М. Дудина (ноябрь 2011), выступления и концерты на 75- и 80-летие Глеба Горбовского (2006, 2011). Лидия Дмитриевна взяла на себя ответственность оставить России его целостное литературное наследие.

Сотрудничество с издательством «Историческая иллюстрация» успешно продолжалось в течение пятнадцати лет. Здесь выходят подготовленные ею книги: «Окаянная головушка» (1999), «Распутица» (2000) Глеба Горбовского; «Слово заветное заповедное» (2004) Леонида Лапцуня; «Прокладывающий тропу» («Нудондана»: Сергей Харючи, 2007). Как видим, связи с Севером, жизнью и культурой народов дальних земель России не прерывались. Уже после ухода Лидии Дмитриевны в мир иной (02.04.2018) допечатан к составленному ею вышедшему собранию сочинений Глеба Горбовского последний из семи том «На празднике жизни» (2020).

Лидия Гладкая прошла длинный путь, на котором ей и ладно жилось, и не ладно жилось. Следует заметить, что симпатии и антипатии были устойчивы и определяли ее ближний круг. Она любила жизнь и радость, и все, над чем работала, диктовалось, основывалось, строилось, наконец, энергией этих чувств, что сегодня все реже встречается в мире.

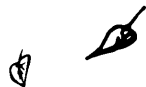
Осмысливая все ее труды, столь разнообразные интересы и служение, невольно возвращаешься к истоку этого бытия и слышишь доверительно-проникновенный голос молодого автора: «И ничего я не страшусь, / Любовь, как царство, принимаю, / Что буду вечно — твердо знаю! / Лишь ты прими, земля родная, / Когда от ветки оторвусь...»



Поэтическая стезя

(1954–1970-е)

В ее судьбе поэзия была...



Расскажу, как текла былая
Наша жизнь, что былой не была.

Сергей Есенин

И люди не плакали;
Кто-то из них
Мне тихо и горько сказал:
«Не догонишь».
1954



Душно в доме! Скорей за ворота!
Город спит беспокойным сном.
На соседней улице кто-то
Кличет свой заблудившийся дом.

Дворник смотрит из шубы косо:
«На ночь глядя пошла гулять,
По плечам распатлала косы —
И куда только смотрит мать...»
Взгляд — как выстрел. Иду я мимо,
А на сердце —

камень пудов...
...Будто я в тоске о любимом,
Стынет в Невке стая судов.
До весны здесь утихли стуки,
И спокойны, душе вопреки,
Берегов этих белые руки,
Обнимающих стан реки.

Здесь сливались две синие тени,
Словно песни одной голоса...
Отчего же в тоске и смятенье
Не зову я тебя, голоса?..

Позову на такие реки,
Где русалок и тех не видать,
Чтобы нежность твою вовеки
Никакой другой не отдать.



...И печальная Муза,
Как слепую, водила меня.
А. Ахматова

Я вижу: солнце на тоненьких ножках
Босиком побежало по лужам.
На крыше светится серая кошка,
Поет воробей, еле жив и простужен...
Уверенно лужи и встречных минуя,
Шагает слепой по невидимой нити
И, только ступая на мостовую,
Просит:
 «Граждане, переведите!»
...А я все не знаю, куда и идти мне,
Дорогу спросить у кого и какую —
То влево, то вправо относит стремнина.
Люди, переведите слепую!
1955



Жить стало легче,
жить стало веселее.
И. В. Сталин

Не все на свете весело,
Не все на свете просто.
Жизнь с легкостью отвесила
Мне тяжесть не по росту.
Мне б холку, как у лошади,
Как у жирафы — шею,
А головы — на грош один,
Чтоб не возиться с нею...
Спокойствие безбрежное —
В сомненьях мало проку...
А сердце? Пусть по-прежнему

Болит тихонько сбоку!
Вросла в него колючка
От проволоки ржавой:
Ведь я — родная внучка
Железнейшей державы.

1956



Народ в ужасе молчит...

А. Пушкин

Начало не новее
Оконченных начал:
Смотрел народ немея,
Юродивый — кричал.
Палач рубил головушки
Буйные с плеча.
Завыли хором вдовушки,
А народ... молчал.
Лизали кровь собаки
На лобных злых местах.
Юродивый — тот плакал,
Молил ради Христа.
Не век царить злодею:
Как в туче грозовой,
В народе молча зреют
Молнии и гром.

1956 (?)



Говорят, что я — бродяга,
Что бродягой родилась.
Это верно — с детства тяга
Помесить ногами грязь.

И впервые на бумаге
Рисовала я не дом —
Страны, красные, как флаги,
Островами —

в голубом...

Мне с тех пор

покоя нету:

Тянет-манит за порог,
Где растрепана по свету
Радость будущих дорог.

1957



Тому, кто любит Родину,
Противна пышность фраз.
Несвойственное вроде нам
Храним
На черный час.

...Когда шагнешь за двери
В огонь передовой,
Словам твоим поверят —
Искренности той...
Не типографской краской
Слова эти со мной...
Отцовской кровью красной
Легли на шар земной
Красноречива алость
Земли, родившей нас!
Поэтому так мало
Мы ценим пышность фраз.
1957

Наш дом

Глебу Горбовскому

Луна заходила к нам прямо в окошко,
В двери входили
Бродячие кошки.
Входили за ними друзья и враги —
Носили нам сплетни и пироги.
Вносили стихов непричесанных ворох —
И было все ясно: тот друг, этот — враг!
Друзья уходили к далеким причалам,
И наша машинка ночами стучала.

Машинка стучала, как пулеметы:
За чистые ноты!
За право работы,
Которой отдаться —
Но не продаться!
Не потерять
Своего
Лица!
Драться — так драться
До конца!

...А сковородка в течение недели
Серую грела кудель вермишели.
Только раз в день, только раз в день —
Тут ни при чем сковородкина лень!
А наши ботинки — и кашу бы ели...
Так в августе было, так было в апреле.
И как этот дом мы покинуть посмели...
1957

Черные снега

Там следов немного,
Тишина — строга.
Далека дорога
В черные снега.
Там подруга — вьюга
И мороз — не брат.
Там умрешь за друга,
Гаду скажешь: «Гад».
Ноги, мои ноги,
Топайте туда:
Обивать пороги —
Тяжелей труда.
Быть рабой убогих,
Обнимать врага?
Нет, давай Бог ноги:
Жизнь мне дорога!

1957



Ивушка, как девушка,
у реки стоит.
Под ветрами ивушка
песенку свистит.
Что-то видит ивушка?
Изморозь небес.
Окружает ивушку
погорелый лес.
Но белеет ивушка
не с тоски и слез —
Инеем окуталась
в мартовский мороз.

Я люблю парней добротных —
 От руля и от ветрил,
 Высоченных, мощных, плотных,
 С набалдашниками рыл.
 Со стихиями играют
 Так же просто, как в гармонь,
 Но от робости икают,
 Обнимаючи тихонь...
 Очарованная,
 Где-то
 Спит их вечная душа,
 И проблема «тьма и света»
 Не волнует ни шиша!
 Но храню в них свято веру —
 В чистоту души и честь.
 Знаю: в этом небе сером
 Золотое солнце — есть!
 Их жалеть бы век не смела —
 Ведь на совесть,
 Не за страх.
 Дело
 Пело и горело
 В мудрых
 В мощных их руках, —
 Больно мне:
 Большие люди
 Слишком малого хотят...
 Вечность будет —
 Вечно ль будут
 В беспробудности котят?!
 ...Безучастны и строги
 В углу скривились сапоги.

1960

Северный Сахалин

Случай на изысканиях

Я шла по болоту в сумерках синих,
Качались гадюки на мертвых осинах,
Ряской зеленой едко лучась,
Под сапогами чавкала грязь.
И вдруг — я свалилась,
В окно провалилась,
Сомкнулось у горла жижи кольцо.
Большое небо совсем не гордо
Смотрело в маленькое лицо...
Я знала: и плакать и звать бесполезно,
Огни вдоль дороги — они не ко мне.
Болото, болото — ошейник железный,
Смертельный ошейник на мне!
Но небо осталось — и я взлегла
Над черным болотом, жилищем гадюк,
Увидела леса мохнатое тело,
Лица своего одинокий круг.
Услышала: филин надрывно заухал.
Эй, рано по мне панихиду петь!
Я буду бабушкой, буду старухой!
Я выше болота, я дольше, чем смерть!
.
И, видите, выбралась!

Сахалинцам

Островитяне, островитяне!
На острова нас тянет!
Горизонты мои — дугой,
Горизонты — лук тугой,
Упругость дорог — тетива,
Острова токуют — тетерева!
Был из радуги мост
На далекий остров...

Полюбился снегами синими,
Дал в товарищи — души сильные.
Щедро сеяна наша молодость —
Да не сгинут всходы от холода!
Тайно тают года —
Туманами белыми.
...Солнце, соль иль беда —
Все разделим мы
С Родиной.



Там где-то пестрый твой платок
Затерян в сахалинской чаще...

Глеб Горбовский

Не грусти, что в тайге затерялся
Твой подарок, веселый платок;
Поищи: вот на карте остался
Чей-то маленький четкий следок —
Только черная точная метка,
Только точка в масштабах страны.
Там, как парни в промасленных кепках,
Буровые вышки стройны...
В землю смотрит, одетую ветром,
Та девчоночка в пестром платке,
Не на аршины —
На километры!
Жаль, душа без любви налегке...



Брошена! Придуманное слово...

А. Ахматова

Живу не живая: оторвана
От самого близкого, нужного...

1959



И ты уйдешь, и гулкие шаги
В груди моей пустынно отзовутся.
Не молвят губы: «Память береги...»
Не позовут тебя

назад вернуться...

Бессильно руки не падут плетью,
Вслед не плеснутся, проклиная, —
Они раскроются: «Лети!»
Они поднимутся — благословляя.
Открытое значенье слов:
«Мужчина», «искренность» и «нежность»,
И яркость дней, и радость снов
Со мной останутся, как прежде.

О нет, разлука эта не беда:
Ты в глубине души остался навсегда...



А. Ахматовой

Улица хмурится сонная:
Там закуривает за дверью
Половина моя — не законная,
А завещанная поверьем...
Он уходит к своей законной,
Обездоленной четвертине
От меня, теперь законной, —
Словно спасшийся из трясины.
Та к нему,
Как под ветром травинка
Сникнет,
Слабое сердце кляня,
И, снимая с плеча волосинку,
Скажет: «Черная...» —
про меня.



Глебу Горбовскому

1

Ты отпел меня заживо,
Замертво пропил.
Неужели все зажило —
Помню только
 профиль
Над столом в поклоне
Неслышному голосу,
В светлой короне
 русую голову...

2

Люблю смотреть в огонь
Я синими ночами,
Огонь, мой рыжий конь,
Уносит от печали.
Неси, неси меня
До самого начала
От ясного огня
Последнего причала.
...Настольной лампы свет,
И профиль наклоненный...
Шотландский красный плед,
Небрежно оброненный...
Люблю, люблю, люблю...
Лицо мое пылает!
Большому кораблю
Не якорем была я:
Сама плыву, плыву
По огненному морю,
Пою, пою, пою
На самом гребне горя.

Письмо

То не синяя река —
Только синяя строка.
Но по синей по строке,
Как по быстрой по реке,
Моя нежность доплывет
До тебя — точно плот.



Горю для тебя лиственницей
Ярко, жарко, истинно.

Грейся — не обожгись,
Береги жизнь!

Ров, верст — пусть так!
Десять тысяч — пустяк!

.
Милый, задымился никак?!



Курортный город, как актер усталый,
К полуночи
Дождем умыл лицо.
...А море львиными устами
Держало берега кольцо.
Топазами мерцали будки
С названием «Курортный спрос»...
Старушки, как немой вопрос,
У этих будок спали чутко.

Тот миг был вырванной страницей
Из книг чужого бытия.
От счастья надрывалась птица,
Смогла счастливой быть и я...
Когда с тобой — смешные люди —
Кружили улицей пустой,
И нам казалось: счастье будет
И в нашей жизни непростой.
...Там розой пахло нежно-нежно,
Плеча касалось плечо,
Но будущее и прежнее
Здесь было вовсе ни при чем...



В радости повинно вино
И в бедах.
А мне бы иного
Зелья отведать:
Синего неба
Ковшиком звездным
Испить мне бы,
Пока не поздно.



Хлебнула зла до донышка —
И сон приснился мне:
Как будто я — Аленушка
В омуте, на дне.

На шее два булыжника —
Забот и суеты.
А сердце — будто выжжено...
Любимый, где же ты?

Свечой сквозь темень-тьмущую
Родной мне голос плыл:
«Твой милый с ведьмой злющею
Забыл тебя,
забыл!

Глаза его зеленые
Злым зельем налиты...
Сестра моя, Аленушка,
Певунья, где же ты?!

Я сам нечистой силой
В козленка превращен —
И что ей нужно было,
Что надо ей еще?!»

Не ты ли, брат пригожий,
Всю ноченьку скорбел,
А месяц парой рожек
Во лбу твоём горел.



Беды — не награда,
Горе тоже есть —
Естество их надо
Как-то перенести.

Перенесусь в тихий лес,
На речной, спокойный плеск,
Встану на большие камни,
Потянусь к небу руками —
О любовь,
Возвратись ко мне!

Песня

Альберту Азизову

Что-то солнышко редко кажется,
Все за тучами да за облаком.
Оттого ли, что дело к осени,
От меня ли нарочно прячется?

Люди добрые и недобрые
Заприметили, засудачили:
Мол, дрожит душа не от холода —
День за днем все ждет,
Да не солнышка...

И красой меня не обидел Бог,
И мой дом слывет полной чашею,
А любовь моя, точно нищая,
У чужих ворот побирается.

Оттого ли, что дело к осени,
Все твержу я слова печальные:
«Ты живи, сияй, мое солнышко, —
Хоть за тучами, хоть за облаком».



Прощай... Стесняется дыханье...

Огнем

гасить такой огонь!

Прошу: руки моей не тронь —
Ты причиняешь мне страданье...
Глаза — взведенные курки —
Укрой, помиловав, под веки,
И как уходишь ты навеки,
Я не взгляну из-под руки.

В моих глазах погаснет темень,
Ворвется чистый-чистый свет —
И беспощадная, как время,
Я превращу любовь в сонет.

А он смеялся мне в ответ:
«Жаль, в этих строчках правды нет».



Боюсь я дара своего:
В нем ненависть — любви сильнее,
Но, совладать с ней не умея,
Писать не смею ничего...

Утихнет вздыбленная гордость,
Тщеславия змеиный свист —
И, как из почки — к солнцу лист,
Так песня вырвется из горла!



Не играю стихами:
Дышу ими, плачу...
Ты счастливей меня,
Ты умеешь иначе.



Как хорошо, когда соседи спят,
Визжать за окнами перестают трамваи:
Свободна я от головы до пят —
Заботы забываю.

Пусть дети спят (как хороши они),
Колеблют сумрак ветерки дыханья.
...Я тихо разожгу огни,
Которые зовут стихами.

Узор нерукотворный на окне,
Как чей-то тайный знак,
Меня тревожит,
Как будто кто-то помнит обо мне,
Но докричаться до меня
Не может...



Геннадию Дюбину

Что за легкая сила гуляет по жилам,
Как ветер по майскому лесу!
«Ты веришь, что осень моя наступила?» —
Я умника-бражника и повесу —
Старинного друга, смеясь, расспросила.

Мой друг закадычный врунишкою не был...
Вздыхнул — и взглянул на морозное небо.
Там звезды дрожа освещали деревни,
Там месяц гулял вдоль по улице древней —
Совсем как молоденький, но... на ущербе.
И друг протянул мне (по-рыцарски щедрый)
Пушисто-багровую веточку вербы.

Теперь он по звездной деревне гуляет...
Мне спать не дает стук шагов его гулких.
На Млечной дороге меня поджидает —
Продолжить беседу и нашу прогулку.



Художнику Гиви Манткава

Гиви, Гиви, птица Гиви,
Как летает диво-кисть!
Кадмий радостный так чист!
Лишь одна прекрасна серость —
Серость чистого холста.
Пусть его окрасит вера —
Бескорытна и проста...
Пусть крылатые персты
Льют на холст веселый ливень!
О, живи на свете, Гиви!
О, живи!



Александрю Шевелеву

И зачем сохранил ты
В грустной песне живой
Угол ночи гранитный
Над весенней Невой,
Две крылатые тени
Под крылатым мостом
И проросший сквозь стену
Одинокий росток...
Пораздвинув корнями
Серый камень гранит,
Колокольчик над нами
Словно в поле, звенит.
Он, как ты, не отсюда,
И отважен, как ты!
Ленинградское чудо —
В мертвом камне цветы...



Гарегину Севунцу

— Седой и красивый,
Что гложет тебя?.. —
Люди спросили. —
Что сушит тебя?
Писатель известный
Цветущих краев,
Признайся нам честно,
Чем нездоров?
— Сердцем, сердцем...
Гудит, как набат:
Беден, бездомен
Не я, но мой брат.
Народ мой разметан по лику земли —
Причалы печали снега замели.

Жестока предавшая сердце твое:
Другому, другому песни поет...
Но знаю: Армении-матери свят
Бездомного сердца бессонный набат.

1962

Ялта



Риду Грачеву

Мальчики без кожи,
Неплотские мальчики,
В красках ваши курточки,
В чернилах ваши пальчики...
В мире вас немного,
В России вас не мало —
Подвижники в берлогах,
На чердаках, в подвалах.

Вы небу задаете
Вопросы... Нет ответа.
Душа у вас в полете
И зимой и летом.
До старости до самой
Обиженные дети...
Темно без вас,
Темно без вас,
Темно на белом свете!



Сергею Макарову

До чего же тебе я рада,
Брат певучий, друг огневой!
«Ненаглядной красой», «отрадой»
Величаешь меня, дорогой.

Уговорной, узорной речью
Не на шутку приворожил,
Будто навек обнял за плечи,
И надежду опять оживил!

Вот чего давно не хватало —
Видно, мир все казался не чист, —
Чтоб, как сабля, блеснул удалый
Твой веселый, залиvistый свист.
Чтоб у невского у причала,

Как на вольном твоём Дону,
Песня русская царевала,
Как хозяйка в родном доме!

Нам обоим с лихвой досталось:
Клеветы и бессовестной лжи,
Звонкой силы самую малость,
Чтобы пелось, друг, одолжи!



Людмиле Царицной

В дюнах дорога была так красива
Под ласковым взглядом небес яснооких,
Там веяло свежестью, новой силой
От близкого моря и сосен высоких.

Мне северный ветер Борей был попутным:
Как мальчик играя, толкал меня в спину.
И словно шептал, я расслышала смутно:
«Люблю навсегда, никогда не покину!..»

Мне были знакомы слова эти, звуки
Любимого голоса нежность признаний...
Казалось, что это любимого руки
Меня обнимают на тайном свиданье.

И стало мне страшно — и радостно вместе —
Любовь распознать в этом явленном чуде...
Так я поняла, что не сгину без вести:
Любовь моя вечно под солнцем пребудет!

Вы, может быть, скажете: «Все это — бредни,
Невосполнимой утраты страданье!..»
Но я-то ведь знаю: не все в мире бrenно —
Нетленны любовь и любви упованье!

Рождество

И сугроб-то под рябиной
Был что баба на сносях...
Человеческого сына
Породила я в лесах.
Я в таких жила хоромах —
Только душу береги!

Я носила кирзохромы —
Удалые сапоги.
По своей немудрой воле
Я мужских хотела дел.
Но, как поле яровое,
Бабий
Ждал меня удел!
Ты чревато поле хлебом,
Не одним огнем дотла,
На тебя с большого неба
Влага светлая текла...
Потучнело
Щедро тело,
К свету вырвался росток —
Мальчик, аленький цветок!

Колыбельная

Ты расти, расти, цветочек,
Свет Иванушка-Иван!
Колыбельную рокочет
Старый дедка Океан.
Подарю тебе, сударик,
В небе синем
Желтый шарик,
Этот шарик не простой —
Это мячик золотой,
До конца деньков последних
Будешь с ним играть, наследник!
Вся земля — твоя кровать
(Лучше нет, хоть не нова).
Для тебя под снежной ватой
Порасстелена трава,
Непростая, шелковáя
Приготовлена трава.

А под этой под травкою,
Знай, сыночек, наперед,
Парню с буйной головою
Отдохнуть придет черед.
От тебя скрывать не буду:
Ты на бой рожден и труд,
Для тебя растят Иуду
И венок терновый вьют.

Бессонница

«Усни, любимая», — сказал мне ты.
Закрыла веки я покорно,
 как ребенок.
Приснились мне морозные цветы —
Узор таинственный нерукотворно тонок.

Но вдруг опять меня
Знакомый звук
Сорвал, как вихрь,
С блаженнейшей постели:
То дети плачут
От недетских мук...
Не убеждай меня,
Что это —
 воплъ метели!

...Иванушка мой спит.
Неведомо ему,
Что значит
 крова не иметь
 и хлеба...

Да не увидеть
Сыну моему,
Как может рухнуть,
Расколовшись, небо!

Иванушка мой спит...
Но нет покоя мне:
Не спят спокойно
Матери на свете,
Пока под пулями,
Под бомбами,
В огне —
В кровавом мире
Гибнут
Наши дети!

...На стеклах светятся
 тайнственно
 цветы,

Как детские головки из пеленок...
В мое окно
Сквозь холод красоты
Кричит двадцатый век,
Как раненый ребенок!



Я научилась наблюдать,
Как будто сверху — третьим оком
Себя — почти что ненароком,
И вижу в этом благодать.

...А лес, как будто и не жаль,
Под ноги стелет плащ багровый
И с радостью сестры суровой
Крылами обнимает даль.
И ничего я не страшусь,
Любовь, как царство, принимаю,
Что буду вечно — твердо знаю!
Лишь ты прими, земля родная,
Когда от ветки оторвусь.



Кто это только выдумал,
Как он посмел мне высказать,
Будто с землей я не связана,
Будто чужая я ей?
Корни мои под Волховом,
Корни под градом Киевом,
Скрывают их степи ковыльные,
Кормят грудью поля.
Озера — моя задумчивость,
Ветры — моя запальчивость,
Надежда моя — будто радуга,
Радость моя — цветы.
Леса, как душа, дремучие,
Реки, как вера, чистые,
Болота, как страсти, зыбкие, —

Земля моя — разве не я?

Польскому гиду

Когда вы поведете в храм старинный
Туристов иноземных, пани гид,
Не плачьте, если иностранка
Возьмет и хлопнет деревянного Иисуса
По зацелованной веками голове
И расхохочется раскатисто — и гулко
То хрюканье по храму разнесется:
Господь простит животное свое...

Сыну

Если стану землей, не грусти, мой любимый,
Выходи на дорогу, что в снежное поле ведет:
Знай, над белым простором с черной тучею

мимо

Все печали пройдут, и тоска уплывет.
Я упругому шагу буду верной опорой,
Грудью щедрых полей стану сына кормить.
Лес тебе подарю — и узнаешь ты скоро,
Что жива твоя мать — и не может не жить:
Это сердце мое вечно в небе сияет,
Протяни к нему руки, крикни имя мое —
Тебе ветер ответит, на соснах играя,
И малиновка песню мою допоет!
Загляну тебе в душу глазами девчонки —
Ты ее не обидишь, тайну жизни открыв.
Прибегу к тебе дочкой, веснушчатой, тонкой...
Обласкаю волной, когда летом

нырнешь под обрыв.

В час беды, не найдя у людей утешенья:
Ты к земле припади — на мою материнскую грудь,
И, мужаясь, поймешь, как ничтожны

отчаянье, зло

и сомненье.

Ты поднимешься сильным —

и легким покажется путь.

А в назначенный срок, беспощадно строгий,
Срезан черной косой, как трава, упадешь,
Будто тонкие нити, прервутся земные дороги —
И тогда ты обратно в мое лоно придешь...

Салехардским друзьям

Я этот город покидала много раз,
Но знала, что опять к нему вернусь.
Не навсегда прощаюсь и сейчас,
И в багаже моем любовь и грусть.

Я в этом городе за три десятка лет
Несметное богатство обрела:
Друзей, цены которым нет,
Дела, которым душу отдала.

До дрожи холодно бывало здесь порой,
Обидно, больно до горючих слез...
Друзья вставали за меня горой,
И отступали сплетни и невроз.

Теперь мой дом на берегу Невы,
Но вам, друзьям, скажу и не солгу:
— Моя душа осталась там, где вы,
По-прежнему живет на обском берегу.

Пилот — каюр небесных нарт —
Меня умчать по облакам готов...
Прощай, столица сердца — Салехард,
Не забывай моих заветных слов.

Поэма о черном коне

Поэтессы носят челки,
Чтобы скрыть свой лоб высокий,
А девчонки носят челки,
Чтоб сойти за поэтесс.
Я остригла челку в детстве
Первый раз, когда влюбилась:
Мне хотелось быть похожей
На колхозного коня.
Он был краше всех в округе
И сильнее всех в деревне,
Им гордился председатель,
Одноногий инвалид.
...Пахло мятой и полынью
Над вечерней тихой степью...
На латунном горизонте —
Черный конский силуэт.
...За день на поле намаясь,
Спали тетка и хозяйка,
У хозяйки под щекою
Белый уголок письма.
А в избе не пахнет хлебом,
Мужиком в избе не пахнет —
Радость выела до крошки
Распроклятая война!
Смутно помнила я город
С ясными глазами окон.
Говорили, будто стал он
Полумертвый и слепой...
Тишина в избе печальной,
Даже мыши не скребутся.
...Где-то мой отец в окопе,
Мама в буре огневой.
...За скрипучей хриплой дверью
Не было ни зги не видно;

Месяц не спешил родиться.
Веки смежило звездám...
В черной глубине пространства
Были только я да ветер —
Вместе с ветром я бежала
К светлой точке золотой.

...У костра лежал мальчишка,
А храпел он по-мужичьи,
И, косясь тревожно в пламя,
Конь стреноженный стоял.
Не одна была я в мире
В этом мире черноротом:
Как окно был глаз огромный
И таинственно мерцал!
Не забыть мне конский профиль,
Величавый профиль дивный,
Полюбила я навеки
Мудрую его печаль!

...На заре мальчишка рыжий
Каждый день с конем купался:
Ноги белые мелькали
В маленьком моем зрачке.
Из пруда летели брызги —
Хватать их в быстрые ладоши!
Бусы сине-золотые
В рыжий падали песок!..
Тихо-тихо в полдень жаркий...
Как натянутые струны,
Серебрятся ярко ноги —
Гордость черного коня.

Помню, только степь дохнула
Пряным ртом своим зеленым —
Те серебряные струны
Заиграли на бегу!

Заиграли, замелькали,
Удаляясь к горизонту, —
Птица черная взлетела
Между небом и землей!

...Говорит хозяйке тетка,
Распахнув поутру окна:
«Мы с тобой проспали, Марья,
Наш Орел идет на фронт!
Бабы вслед руками машут,
В плуг на озими впрягаясь...
Глянь-ка, Ваня-председатель
Слезы вытер рукавом...»
...Плечи травы распрямили,
От меня следы скрывая, —
Вдруг лицом в траве мальчишка
Кочкой рыжей на пути...
Всю-то ноченьку не спалось:
Черные скакали кони —
Все копытами гремели
По чугунным небесам.
Это точно были кони,
Кони с белыми ногами.
Зря наутро говорили —
Небывалая гроза!

Я давным-давно забыла
Ту избу и ту деревню,
Я порога не припомню
Первой нажитой беды.
Но заметили соседи,
Что о ком-то все тоскую,
Плотно двери закрывая,
Будто вход в небытие.
Там под синим светлым небом
Скачет по степи весенней,
Удаляясь, черный конь.

Утро в деревне

Запах свежего хлеба —
Горевать нет причин!
Солнце лезет на небо,
Я слезаю с печи.

У крыльца, словно пальма,
Распушился лопух...
Будит сонную память
Хриплым воплем петух.

Умываюсь я нынче
Не слезами-бедой,
А прозрачной, обычной
Ключевою водой.

Славлю нынче окрошку,
Хлеб с парным молоком,
Деревянную ложку
С расписным черпаком!

Как мальчишка бедовый,
Тонкий солнечный блик
Засмотрелся в суровый
Божьей Матери лик.

А потом в телевизор
С тихим белым бельмом...
Рядом бабушка Лиза
Ладит к смерти белье;

Напевает чуть слышно
Невеселый причет,
Кот глазастый и пышный
Прыгнул ей на плечо.

Как в окошко, из рамы
Смотрят те, кто ей мил,
Смотрят весело, прямо
Те... из братских могил...

Сыновья молодчины —
К молодцу молодец,
Крутит ус казачина —
Их бедовый отец.

Он почти мой ровесник —
Нестареющий дед...
Но с Гражданской известья
От него так и нет.

Я спросить не посмела —
Не хватило мне сил:
Кто был красный, кто — белый,
Кто фашистов громил...

Где вы, дедовы кони?..
Как без вас наугад
Мне сыскать свои корни
На бескрайних лугах?..

Ты не режь меня, время,
С корня, будто траву!
...Только ржавое стремя
Я сыскала во рву.

Тщетно звать с того света
Ускакавших коней!
Гаснут слезы рассвета
На ресницах полей...

В небе плещутся крики
Звонкогласых девчат.
Словно головы, кринки
На заборах торчат!..

Но вцепившийся в гриву
Мчался вихрем мой сын!
Пела спелая нива
С сердцем в голос один.

И не верилось мне бы
В жизнь без края-конца,
Если б не было небо
Ясным глазом отца.



Поэзия Леонида Лапцуня
в переводах Лидии Гладкой
(1960-е – начало 2004-го)



Земля хотя и не родная,
Но памятная навсегда,
И в море нежно-ледяная
И несоленая вода.

Анна Ахматова

Поэтическое начало Лидии Гладкой, коротко прозвучавшее в конце 1950-х –1960-х годов, предшествовало многим другим занятиям. Она довольно быстро изжила личные настроения в своей поэзии. Встретив жесткую критику, не получив признания в литературной среде при выходе сборника стихов (она не была принята в Союз писателей), ей на память пришли слова Виссариона Белинского: «Всякая поэзия только тогда истинна, когда она народна, то есть когда она отражает в себе личность своего народа», и уроки Глеба Семенова, который уделял особое внимание литературному творчеству северян. И Лидия попробовала переводить с ненецкого Л. Лапцуня на основе авторского подстрочника и со временем преуспела. Конечно, этому направлению способствовали учеба и поддержка профессионалов да и сам автор. Первые опыты относятся к 1964–1969 годам.

В рубрике отражены все периоды переводческой деятельности Л. Д. Гладкой.

Первые опыты

Волна

Неприрученным оленем
В низких впадинах озерных
Не находишь ты покоя,
Вечно мечешься, беснуясь.
Скачешь, бешено вздымаясь,
Рассыпаясь вьюгой пены,
В гневе яростно швыряешь,
Как песчинки, — валуны...
Ты похожа на оленя,
Да, на белого оленя:
Хочет он на хмуром небе
Серых туч догнать аргиш!

...А сегодня ты колышешь,
Будто люльку, мою лодку,
Ползает малютка-ветер
По пружинистой спине;
Осень холодом пещерным,
Темнотой грозящей давит —
И прижат я к днищу лодки
Злым дыханием тоски.

Чу! Волна взметнулась дико,
Лодку бросила в пучину —
Будто не волна — судьбина,
Словно лодка-человек...
Но не дам попасть я лодке
Между губ волны раскрытых,
И напрасно челюстями
Жадно щелкает злая смерть!

Я с тобой, волна, так близок —
Слышу: бьется твое сердце,
Вижу: белыми зубами
Рвешь на части темноту!
Оттого и тьма исчезла —
В небе розовые птицы,
И волна выносит солнце
На танцующих плечах!
Как похожа эта встреча
На слияние с любимой:
Радость огненной рекою —
Встреча солнца и волны!
Тают звезды, как снежинки,
В мощном солнечном сиянье:
Так ручьи стекают в реку,
Исчезая в глубине.

...Тут поднялся сонный ветер,
На груди волны упругой,
Потянулся, просыпаясь,
И, мужая, взял разбег.

И как лебедь, выгибая
Белокипенную шею,
Ты, волна, бежишь упрямо —
Не догнать и не вернуть!

О, волну я знаю с детства!
На рыбацкой легкой лодке
Я мальчишкой просыпался
На пружинистой волне.
То ее живая влага
Мне давала свежесть силы,
Сделала мой взор отважным,
Ясно-синим и прямым.
И, когда стоять случалось
С тяжким неводом рыбацким,
Не меня ль ты обнимала
С ног до головы, волна?
На спине твоей упругой
Я всплывал утенком вертким,
С гребней рушился в пучину —
Лыжником со снежных гор!

Это ты, волна родная,
И бесформенных мечтаний,
Как кристалл, гранила душу,
Пробуждая ото сна...
Я хватался за твой гребень,
Оседлать тебя пытался;

Я мечтал о дивных далях —
Тех, что в жизни не видал!
Но волна из рук неловких
Рыбою живой сквозила,
Между пальцев лился гребень
Из серебряных волос...
Я тогда садился в лодку:
За тобой, волна, в погоню.
Весла кедровые пели,
Будто струны, от любви.
И я спел впервые песню,
Ту, что весла мне внушили,
О любви неразделенной
К чистой девушке волне.
А волна все уходила
Вслед за синим горизонтом.
Я же, тайною томимый,
Оставался на земле:
Я летел совой полярной,
Молчаливой и угрюмой,
Потому что тундра звала
С материнскою тоской.

Но теперь пора настала —
Приоткрыл я двери тайны:
Разгадаю непременно
Душу темную волны.
Лодка легкая без весел —
Песня на волнах воздушных:
Я гагарою ныряю,
Чтоб поймать живую суть.
Не боюсь под белой пеной
Черной и грозящей глыбы:
За серебряную гриву
Цепко я схватил волну.

Ветер крепко сжал ладони —
Он трепещет в них, как птенчик,
Что упал, не оперившись,
Из родимого гнезда.

Это вы, волна и ветер,
Закалили мою душу,
Оттого ей неизвестны
Страх, покой или предел.
Как волна, мой крут характер:
Все влечется к звездным высям,
Презирая боль падений,
Вечно рвется к высоте!
И подобно тебе, ветер,
Нет мне жизни без свободы,
Моей песне — легкой чайке,
Чтобы жить, нужен простор!

Ветер, ты мой верный парус!
Дай примерить твои крылья:
Пусть волна вращает мощно
Мышцы крепкие мои!
Славная пора настала
Мне подняться к звездным далям,
Чтобы время и пространство,
Словно братьев, обнимать!

Салехарду

Триста семьдесят зим,
Триста семьдесят вьюг пролетело,
Побелела твоя голова, Салехард,
Горд сильных и добрых, веселых и смелых,
Город молодости, Салехард!

Древний город, родной мой седой богатырь.

Триста семьдесят лет по-над Обью

идут хороводом

Триста семьдесят девушек — белых ночей —

И поют, как влюбленные, пароходы —

Самой лучшей, последней, ничьей...

И спешат вслед за ней, за зелеными льдами,

Словно рыбий косяк, словно стая белух.

Самолеты на север летят лебедями...

Чья-то тихая песня ласкает мне слух...

Для ненецкого края ты — сердце живое

Ты — скрещенье дорожных артерий и вен.

Я — кровинка твоя, — и чего же я стою,

Если в песнях тебя не прославлю навек!

Триста семьдесят лет,

Триста семьдесят вьюг пролетело.

Побелела твоя голова, Салехард, —

Город сильных и добрых, влюбленных

и смелых,

Город будущего — Салехард!

1965

Ветры-сплетники

Ветры-сплетники шумливо

Налетели на меня,

Нашептали, как глумливо

Где-то мой народ бранят:

Дескать, маленькое племя

Диких нищих северян

Время не возьмет за стремя:

Ненец грязен, вечно пьян;

Прикрываясь жухлой шкурой,

Он в невежестве погряз,

Не нужна ему культура —

Скоро вымрет — близок час...

Колдовской шаманский бубен
В темной-де душе звучит,
Он во мраке мертвых буден,
Как медведь-шатун, урчит...
Дескать, чувств людских не зная,
Мы не любим, не поем...
Клевете не видно края
О народе о моем!
Ветер за язык свистящий
Крепкою рукой схвачу,
Говорить о настоящем
Братьев-ненцев научу!
Кто вас, болтуны-громилы,
Языком учил трепать?
Злое прошлое в могилу
Мы сумели закопать!
Здесь на ледяных торосах
С древности огонь горит,
Стужа мой народ не косит,
Вьюга с ненцем говорит!
Здесь издревле слышен голос —
Нежный девичий напев,
Презирая холод, голод,
О любви всегда он пел!
Песня — с тетивой упругой —
Тьму умеет сокрушать:
Как весенний лед, у друга
Таает солнечно душа!
...Вы летите, злые ветры,
За холодный океан,
Люди, клевете не верьте,
Размечите свой обман!
...Вы, продажные писаки,
С мелкой злобностью своей
Не вместите в ваши враки
Широту земли моей,

Не найдете вы мерила
Высоты души ее:
Лишь любви сыновьей сила
Мерой служит для нее.

Утро на Оби

Распахнула Обь ягушку белую —
Приоткрыла розовую грудь:
Чтоб весну полярную несмелую
Захотела поскорей вдохнуть.
Таится солнце за холмом высоким,
Но втайне радость трудно сберечь:
Подобна Обь от устья до истока —
Расплавленному солнцу в берегах.
Летит бударка ястребом на гребень,
На волнах солнечных она едва видна:
Вот на бок вдруг ложится в крене,
Гагарой смелой достигает дна!..
Но на корме рыбак бывалый
Спокоен, как седой Урал:
Ведь ни причала, ни привала
В Оби коварной он искал!
Его стада бегут в глубинах —
Обские рыбы косяки, —
И ночь зимы их не убила
Ударом ледяной руки.
...Стрелой чайка устремится
К волнам из пены облаков:
Стада обские пасет птица —
Подруга смелых рыбаков.
Стада бегут, а это значит,
Из века в век, из года в год
Навстречу рыбаку удача,
Как рыба, по Оби плывет.

Л. Д. Гладкая в 1969 году осуществила переводы Л. В. Лапцуй наряду с другими ленинградскими поэтами в сборнике «Каюр». Ее консультировала Наталия Грудинина, чьи стихи тоже были опубликованы в этом издании.

Вышки буровые¹

Тучи — как гуси на волнах...
Хлещет ветрище плетью...
Утром над Обью вольной
Туманы пропахли нефтью...
Я ехал по тундре летней,
Ветрами не поделенной,
И видел черные ленты
На тундровой шубе зеленой.
Оставили их не боги —
Геологов славное племя,
Жгли тундру людские ноги,
А вслед им спешило время.
Оно торопилось не слишком,
Аргиш идет без помехи,
Встают буровые вышки —
Труда и отваги вехи.
И скважины пядь за пядью
Вонзаются в грудь Ямала,
Кинжальной рукоятью
Каждая вышка стала!
Мой дед не поверил мне бы...

Такого вовек не бывало:
Рванулась из скважины в небо
Вулканом душа Ямала.
Она была в тайне хранима —

¹ Лапцуй Л. Каюр. Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во, 1969.

Источник тепла и силы,
Скрытый дремотой равнины
В груди моей тундры милой...
Как утро узнаешь за тучей?
Но если б и солнце не встало —
Узнал бы по вехам могучим
Советское время Ямала.

Геологи

Стужу лютую курткой рабочей
Не отгонишь, не победишь,
Но упрямо полярною ночью
По долинам шагает аргиш!

Ветер, тундры хозяин исконный,
Вьюге бороду всю истрепал,
Мол, не будь, как медведица, сонная,
Мол, геологов полон Ямал!

Ты ударь-ка в открытые лица им,
Доберись-ка до самой души!
Путь от волчьего воя не спится им,
Пусть им сердце тоска сокрушит!

Только вьюга напрасно старалась,
Била зря ледяною рукой:
Алым флагом заря заплескалась
Над сибирскою Обью-рекой.

За лыжнею ложится дорога,
И над тундрою вышки встают:
В крыше злого подземного бога
Окна-скважины люди пробьют.

Эти люди подобны кедрам:
Плечи-кроны сдвигая в борьбе,
Открывают ямальские недра,
Забывая в трудах о себе...

Здесь они покорили природу
И прославили нашу страну.
Им в награду летящие годы
Занесли на виски седину.

Мальчишке северянину

Мальчишка — сын оленевода,
Ты в люльке начал кочевать,
Плывут к тебе, как в лодке, годы
В волнах-сугробах вековать.
На вкус ты знаешь колкий иней —
Приправу с детства к молоку.
А первый шаг ты сделал в синем
Пушистом мартовском снегу —
И вот уже бельком-тюленем
Ныряешь в снежную волну,
Рисуешь силуэт олений
И ветра пробуешь струну!
Берешься рано ты за дело:
Аркан, хорей или весло...
И с детства постигаешь смело
Отца святое ремесло!
Чем ты быстрее растешь — тем горше
Живется хищникам-волкам.
Летит стремительно, как коршун,
И на ветру свистит аркан!
Когда без компаса и карты
Пускаешься по тундре в путь,
По звездам направляя нарты,

С пути умеешь не свернуть!
Да будет путь твой жизни долог,
А страх не властен над тобой,
Ведь небо — это звездный полог,
То черный он, то голубой...
И жалости тебе не нужно,
И не простишь ничьих обид.
Ты с Севером сроднился व्यужным,
Как нельма с волнами Оби.

Всегда юное

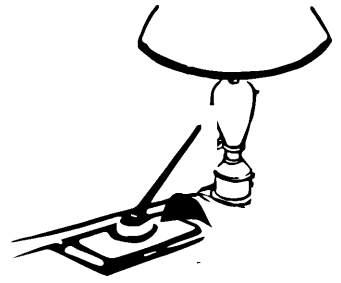
Есть гнездо у каждой птицы,
Есть гнездо у человека,
Медучилище мне стало
Этим гнездышком родным.
Как бескрылые утята,
Неокрепшею походкой
Начинали путь свой к знанью
Я и сверстники мои.
Помню, лекции читала
Нам Наталья Николавна...
Был подобен ум наш детский
Самодельному сверлу.
Любопытство, как растение,
Быстро выросло в пытливость —
Так цветок весенний в тундре
Вырастает средь снегов.
Память петлями тынзяна
Я сегодня собираю...
Анатомии страницы
Повторяю наизусть.
Разлетелись по Ямалу
Медучилища питомцы —
В белоснежной нашей тундре

Есть где силы приложить.
По дорогам ледянистым
Разбежались блики солнца.
Это — солнце наших знаний,
Это — дружбы нашей свет.
В самый дальний стан рыбачий
Кто пришел на стоны к чуму? —
Операцию умело
Сделал медик Мартынец!
...Есть ли тропы на Ямале,
Где Тамара не ступала?
Хорошавина Тамара
Все селенья обошла! —
Спит сегодня даже ветер,
И пурга угомонилась,
Но не спит болезнь людская —
Потому и врач не спит.
Потому из мглы туманной
Самолет с ладони звездной
Плавно на землю слетает,
Как полярная сова.
Кто храпит в тепле спокойно,
Если горе стонет рядом,
Пусть узнает: врач и летчик
Посчастливее его!
Бродят в тундре олени
И не ведают, как долго
Этой ночью в мир стучался
Самый новый человек...

Мать его глаза открыла,
И халат узнала белый:
Спас ей жизнь ненецкий парень,
А зовут его Сусой.
Не забыть гнездо родное,
Не забыть друзей любимых;

Ледоход

На крыльях ночи белой
Весенний ледоход
Спешит, как воин смелый,
На битву каждый год.
Глухим раскатом грома
Звучит его язык.
Тревожно и знакомо
Он в душу мне проник:
Не тысяча оленей
Бежит по мерзлоте,
Не первый гром весенний
Гуляет в высоте!
А облака над льдами,
Как лебеди, плывут,
В сиреневые дали
Вслед за собой зовут.
...Река, о как мне ведом
Крутой твой поворот!
Взъерошенным медведем
Встает здесь дыбом лед.
Река, ты победила
Гнет ледяного сна,
Тебе вернули силу —
Солнце и Весна!
Река моей Отчизны —
Бессмертный мой народ,
Во имя вечной жизни
Твой славлю
 ледоход!



Письма



Кланяюсь всем, кто учил,
хотя учиться несладко.
На лбу опасная складка,
на пальцах слякоть чернил...

Римма Казакова

Публикация писем Л. В. Лапцуй и Н. И. Грудининой многое открывает в проблемах перевода, в трудностях, что, естественно, встретились Лидии Гладкой. И как же пригодились тактичные советы наставников, серьезные профессиональные уроки, учившие правильному прочтению авторского текста, и технике перевода, и мастерству передачи всей богатой палитры мудрой национальной поэзии, которая получила в итоге «Русский голос».¹

Письма Л. В. Лапцуй

Здравствуйте, Лидия Дмитриевна!

С приветом Вам Лапцуй Л. В. Я в адрес Грудининой выслал две рецензии и редакторское заключение от издательства «Советский писатель». Вы должны обязательно с ними ознакомиться, поскольку включаются Ваши переводы в сборник и буду включать еще в процессе работы. Кроме того, я выслал все Ваши переводы, чтобы могли еще раз внимательно просмотреть. Мне сказали в газете «Литературная Россия», жур. «Дружба народов», «Юность» и многих других изданиях, что переводы сделаны хорошо, именно переводчица сумела уловить то, что надо, но только беда — в некоторых стихах техническая погрешность. И все! Я в декабре должен издательству представить вместе со стихами подстрочники, и поэтому над этим надо нам подумать, чтобы мои подстрочники соответствовали переводу. <...>²

¹ Письма опубликованы с рукописных оригиналов.

² Здесь и далее встречаются недатированные письма.

Здравствуйте, Лидия Дмитриевна!

С приветом Вам Леонид. Только что получил от Вас письмо со стихами и сразу спешу Вам сообщить, что очень и очень большое спасибо за хорошие переводы. Разрешите от души Вас крепко обнять и пожелать Вам самых лучших творческих успехов. Просто Вы, чувствуется, работали от души, это прекрасно, а главное — поняли мой поэтический дух; это уже успех в нашей совместной работе.

Только вот что, Лидия Дмитриевна, часто встречаются во всех переведенных стихах слово: «черноротая мгла, или темнота», также и «бог». Я понимаю, они нужны для рифмы, но желательно в некоторых случаях их избегать, а также повторность слов. Стих «Сердце пылает» послал в газету «Правда», не знаю, что ответят.

Лидия Дмитриевна, Вы посмотрите четверостишие, начиная со слов: «Дорога, синяя дорога...» и кончая словами: «Ты вся оплачена (?) сполна», может быть так оставить, если сделать ничего нельзя. Имею в виду «Путь на Север»; также в этом стихотворении на первой странице, 15 строка, нельзя ли заменить слово «черноротая», если нет, то можно оставить.

Одним словом, очень хорошие переводы. Лидия Дмитриевна, Вы случайно не посоветовались в отношении переводов этих двух стихов с Натальей Иосифовной Грудениной? <...>

Теперь я уверен, что те стихи, которые выслал Вам для обработки, будут хорошие и их в скором будущем получу; конечно, работы многовато, но зато будут хорошими, и поэтому их упорно и настойчиво жду, надеюсь, в ближайшее время получу; сразу же предложу вместе с авраменскими стихами в журнал «Дружба народов». Если Вы их где-нибудь сумеете протолкнуть — пожалуйста, я возражать не буду, и только сообщите мне. <...>

Вот что я могу Вам сообщить и обрадовать хорошими переводами, а то, видимо, Вы совсем духом упали.

Нет, не надо падать духом, будет все хорошо, только отдельные шероховатости, но это дело поправимое.

Жду стихи!

С уважением, Л. Лапцуй.
20/X-66 г.

(фрагмент)

Лидия Дмитриевна, мне хотелось иметь Ваши стихи и переводы в изданном виде, в журналах сам постараюсь разыскать, только сообщите, где, когда и какое издание.

Мне очень приятно, что Вы пропагандируете в литературных вечерах мои стихи, спасибо Вам. Лидия Дмитриевна, в отношении переводов, где Вы согласны с моими замечаниями, их оставляйте так, как я тогда об этом писал Вам. Высылаю Вам еще два стиха для перевода, посмотрите. <...>

Здравствуйте, Лидия Дмитриевна!

Я получил от Вас весточку и очень и очень рад за то, что Вы работаете не покладая рук. Большое спасибо Вам, что проявляете заботу о Севере во всех вариантах.

Лидия Дмитриевна, только я Вас об одном прошу: немного берегите себя и детей, иногда так бываем увлечены своей работой и забываем о себе и окружающих нас людях, имею в виду близких, ведь иногда тоже им надо немного уделять внимания. Я не говорю, что Вы этого не делаете, а просто мой добрый совет. Почему я предупреждаю, потому что мне знакомы такие явления.

У меня в Ленинграде живет вторая мать, и она меня научила очень и очень многому — любить жизнь, уважать людей, откликаться на горе людей и по силе возможности им помочь в беде. Я всегда ее называл дорогим словом — матерью, она является моей литературной матерью. Это Наталия Иосифовна Грудина. Вы очень похожи на нее по духу, делам и мыслям. Она забывает о самой себе, у нее столько работы, не знаю, только как она успевает. У нее дома хватает дел по хозяйству, но — то надо перевод сделать, то надо молодым поэтам помочь, то в работе Северной комиссии надо участвовать, и кто только к ней за помощью не обращается, и она все делает с душой; разве все перечислишь... Это привел для того, что Вы тоже похожи на нее, вот что хотел сказать.

Я весь материал уже отпечатал, только жду материал от Вас и Наталии Иосифовны. Вы ей позвоните, а то мне очень трудно связываться по телефону, потому что нет связи. Как только материал получу, вышлю по многим редакциям. Лидия Дмитриевна, Окружком комсомола обратится в областной комитет комсомола (Ленинграда) с просьбой, как к своим шефам, чтобы в Ленинграде выпустили мой поэтический сборник в переводе ленинградских поэтов в четыре печатных листа, примерно. Когда письмо, т. е. официальный документ, будет выслан, я об этом сразу же поставлю Вас в известность.

В отношении этого Вы вместе с Ириной (нрб.) и Наталией Иосифовной, Семеном Ботвинником напишите, чтобы подготовили почву, безусловно, надо планировать на 1969 год, т. к. раньше теперь уже невозможно. Это как раз будет шефская помощь в развитии культуры в нашем округе, надо им сказать, что у нас в области (в Тюмени) нет своего книжного издательства. То, что я буду давать другим редакциям, Вы и Наталия Иосифовна молчите. Вы поняли меня?

Лидия Дмитриевна, если у Вас просят журналы подборку Ваших стихов, то нельзя ли иногда давать мои стихи в Вашем переводе, я разрешаю. <...>

Здравствуйте, Лидия Дмитриевна!

Предыдущие Ваши переводы отдал для перепечатывания машинистке, буду высылать по редакциям, время не терпит ждать. Я еще раз внимательно прочел их, переводы, как тогда говорил, хороши, но если редакции сделают замечания, то потом мы с Вами сделаем хорошо.

Теперь для издательства «Советский писатель» я буду высылать к 25 декабря, так что время есть; они просили примерно к 1 января 1967 года, видимо, полностью рассматривать будут в 1967 году.

Кроме того, жду от Наталии Иосифовны поэму, без нее посылать тоже не могу, она мне обещала к 20 ноября, так что высылаю подстрочники, возможно, успеете к этому сроку, это было бы очень хорошо. Мне не хочется как-то представлять по частям книгу.

Во-первых, в этом случае что-то теряется, во-вторых, для рецензента была бы полная ясность. По-моему я убедил или нет?

Вы на меня не обижайтесь, работаете очень хорошо и добросовестно. Этого у Вас никто не отнимет.

Жду письма.

С уважением, Л. Лапцуй.

13/ХI-66 г.

Здравствуйте, Лидия Дмитриевна!

Во-первых, приношу Вам массу извинений за долгое мое молчание, которое зависело по независимым от меня причинам. Вот, наконец-то, 20 мая, я сижу за своим рабочим столом. Все мое путешествие длилось более месяца.

Когда я вернулся из Москвы, после моего письма, которое написал буквально через несколько дней, я срочно выехал на Север, где умер мой средний брат, находился там около полумесяца. Только вернулся домой, на другой день меня вызвали в Тюмень на отчетно-выборное собрание Тюменского отделения СП РСФСР. <...>

Сейчас при выборах меня опять оставили председателем ревизионной комиссии. <...>

Собрание провели 10 мая 1967 года, после этого в наш Салехард самолеты не летали ввиду распутицы (аэродром — сухопутный, совершенно раскис), и мне пришлось от Тюмени до Салехарда плыть на теплоходе за льдом. Недалеко от Салехарда стояли несколько суток, <...> нам путь преградили льды. Вот по таким-то причинам не мог ответить на Ваше письмо. Когда прибыл домой, на столе лежала куча писем, сел сразу за ответы.

По содержанию Вашего письма.

Да, Ваши переводы были взяты Всесоюзным радио, но они должны были еще отобрать. <...> Сейчас я им пишу и одновременно сообщаю Ваш новый адрес. Кроме того, в журнале «Октябрь» — Николай Агеев, в «Урале» — Леонид Шкавро. Стихи должны пойти, по их разговору, к концу этого года, где-то в № 9–10–11.

Да, правда, в некоторых стихах не представиться. Конечно, могу дать такой материал, но сейчас дел просто по горло. Как свободнее буду, можно будет думать. Очень много времени отнимает служба, ведь я же при своем отделе в окружке. <...>

На 1969 г. мои стихи в издательстве «Советский писатель», их рецензируют, и после этого будет редакторское заключение.

Кроме того, в августе, не позднее, должен представить рукопись (стихи) для Средне-Уральского книжного издательства, тоже на 1969 год, и вот для них постепенно готовлю материал.

Лидия Дмитриевна, если будете где-нибудь летом отдыхать, то сообщите Ваши координаты.

Жду ответа.

С уважением, Ваш Л. Лапцуй.
21/V-67 г.

Здравствуйте, Лидия Дмитриевна!

Недавно вернулся с командировки и думал от Вас получу переведенные стихи, но оказалось ни стихов и ни письма. Конечно, это очень обидно. Ведь я Вам говорил, что часть Ваших переводов будет включена в мой поэтический сборник, который будет выпускать Средне-Уральское книжное издательство.

Редактором будет Фалеева Светлана Прохоровна из Тюмени, это очень хорошо, что мне известен редактор. Кроме того, часть Ваших переводов идет в издательстве «Советский писатель», это тоже Вам прекрасно известно.

Но для меня неизвестно одно, почему, Лидия Дмитриевна, до сих пор задерживаете переводы, которые Вам передавал еще летом, кроме того, для меня непонятно, что не пишете письма.

Сейчас Ваши переводы были очень нужны для составления сборника для Тюмени. То, что я летом выслал Ваши переводы, на них пришли положительная рецензия и редакторское заключение, а сборник включается в план 1969 года, ведь это очень хорошо...

Очень прошу, вышлите переведенные стихи и напишите хоть маленькое письмецо.

С уважением, Л. Лапцуй.
18/XII-67 г.

Здравствуйте, Лидия Дмитриевна!

Я был в Москве, разговаривал с Корниловой Галиной Петровной, она работает в редакции журнала «Знамя». Сообщила, что в отношении окончательной публикации стихов решится вопрос где-то осенью, так как редколлегия еще не рассматривала.

Стихотворение «Вышки буровые» опубликовано в журнале «Кругозор» №6 за 1968 г., в этой редакции встретился с Винокуровой Татьяной Марковной. Она обещала Ваши переводы пропустить в журнале «Кругозор» и по Всесоюзному радио «Маяк», и поэтому я сегодня ей выслал все Ваши переводы. Она не знала Ваш последний адрес, и я тоже ей передал, возможно, она напишет Вам.

Больше пока не имею никаких новостей, но вот чуть не забыл. Как Вам известно, в этом году в изд-ве «Советская Россия» выходит мой поэтический сборник, но так немного не хватало стихов, и поэтому я передал 7 стихов из Ваших переводов. Редактор будет Карунный Михаил Данилович, а сколько туда войдет, я точно не могу сказать.

Теперь я со Свердловском и Тюменью еще не связывался и поэтому ничего вразумительного сказать не могу.

Совещание молодых поэтов и прозаиков примерно будет 20 октября 1968 года с участием писателей, поэтов из Тюмени, Москвы — Ленинграда — Свердловска. В этот семинар будут приглашены поэты, прозаики из Ханты-Мансийска, Ненецкого национального округа, с Архангельской области; об этом шел разговор сегодня в окружке партии.

Мне очень хотелось, чтобы Вы тоже приняли участие в этом совещании. Но дело в том, что Правление Союза писателей РСФСР будет откомандировывать в Салехард за счет Союза только членов Союза писателей СССР, и поэтому надо подумать в отношении Вашей командировки заранее, именно за счет какой организации, пока есть время на это, чтобы обдумать все вопросы.

Какие будут новости, я постараюсь Вас поставить в известность.

Какие дела у Вас, как в отношении песни?

Жду ответа.

С уважением, Л. В. Лапцуй.

21/VIII-68 г.

Здравствуйте, Лидия Дмитриевна!

Большое спасибо Вам за письмо и за беспокойство за мое здоровье. Пока прогрессирующего не наблюдается. На днях специалисты провели исследования при помощи всяких аппаратур; они мне сказали, что есть большие изменения, но если очень строго будете соблюдать предписания лечащего врача, то все будет хорошо.

Немного стало лучше, но быстро почему-то устают глаза, где-то внутри болят. Правда, такие боли не впервые, их ощущал раньше изредка, но они как-то быстро проходили.

Лидия Дмитриевна, я очень тронут, что проявляете такую заботу, просто это говорит о Вашей большой человечности. Спасибо Вам, будет хуже, сделаю по Вашему совету. Обязательно сделаю. Пока состояние улучшается. <...>

Здравствуйте, Лидия Дмитриевна!

Спасибо за письмо. В настоящее время болею, неважно с глазами, много работать невозможно, врачи думают о глаукоме, особенно левый глаз сильно болит изнутри.

Я уже говорил в предыдущем письме, что переводы хорошие, но немного надо их почистить, т. е. отредактировать. Мне кажется в стихе «Судьба» начало оставить, остальное пойдет так, т. е. только начальное 4-стишие. Почему я передал Наталии Иосифовне, потому что Ваше долгое молчание меня начало тревожить. Я ей уже написал, что Ваши переводы возможны. Только отредактировать.

В отношении детских стихов и сказок пока у меня ничего не выходит, потому что я долго работать за столом не могу, а врачи вообще велят сделать мне перерыв, но я вопреки всему стараюсь по возможности работать. В связи с этим также пока не могу исполнить просьбу в отношении ненецких текстов, это оставим до неопределенного времени. <...>

Лидия Дмитриевна, Ваши переводы вместе с другими переводами выслал в следующие редакции:

- 1) журнал «Нева»,
- 2) журнал «Звезда»,

3) газета «Советская Россия»,

4) журнал «Сибирские огни».

Не знаю, что ответят. Вы связались ли с нашим редактором Фалеевой? Как в отношении журнала «Знамя»?

Жду мною высланные переводы, их надо мне выслать в издательство, т. е. Фалеевой.

С уважением, Л. Лапцуй.

17/II-68 г.

О моей болезни забудем, не хочу думать, так легче переносится, а когда думаешь о ней — это, наоборот, плохо, человек может оказаться в плену болезни.

Что слышно в отношении стихов в «Знамени», пожалуйста, напишите. Теперь Вы связались ли с Фалеевой С. П., с моим редактором Ваших переводов, я ей тоже на днях постараюсь написать небольшое письмецо.

Пожалуйста, жду от Вас письмо с переводами, что-то Грудинина их долго (нрб.).

С уважением, Ваш Л. Лапцуй.

20/II-68 г.

Здравствуйте, Лидия Дмитриевна!

После большого перерыва наших молчаний решил написать письмо. Надо сказать, что у меня почти не было времени, работы очень много, хотя Вы этому не поверите. Как Вы видите, в высылаемом поэтическом сборнике, что я старался любыми путями протолкнуть Ваши переводы, так что Вы зря не думайте, что вообще о Вас забыл. Нет, это будет заблуждением с Вашей стороны, даже не в обиду скажу, что немного надо смотреть на завтрашний день, ведь мы живем не только сегодняшним.

Из всего сказанного делаю вывод, что нам все-таки нужно восстанавливать былые наши отношения. Неплохо начать вновь переводческую работу. Могу сказать, что остальные переводы включаю в другие сборники, которые выходят и будут выходить в Москве.

Видимо, за переводы из Свердловска получите гонорар, но я лично еще не получал никаких гонораров. Видимо, сделают окончательный расчет. Для гонорара я передал в издательство Ваш адрес, но можете им напомнить. Стоимость одной стихотворной строки — 1 руб. 40 коп., так что эта сумма делится пополам.

Лидия Дмитриевна, не обижайтесь на меня, так долго молчал, пишите письма, как Вы живете.

С уважением и наилучшими пожеланиями, Л. Лапцуй.
28/IX-69 г.

Письмо Наталии Грудиной

Дорогая Лида!

Получила твои письмо и переводы и спешу ответить, т. к. отсутствие у тебя телефона — вещь убийственная для работы. Стараетесь ли вы его поставить?

Во-первых, хочу тебя успокоить насчет Лапцуя, который тебя, вижу, всерьез волнует со своими подстрочниками. Я всегда слушала твои подозрения вполуха, считая, что ты находишься попросту в плену тех слухов, которые сами северяне друг о друге пускают. Я думаю, что в царское время потому не было войн между северными племенами, что у них не было грамоты. Теперь вот она появилась, и, как водится, появились литературные междоусобицы, ибо без оных поэты никогда не обходятся. Дело с его стихами обстоит следующим образом. Лапцуй никогда в жизни не писал рифмованных стихов. Все его творчество разделяется на песни, где он еще кое-какого ритма метрического придерживается, и — стихов, написанных верлибром, т. е. ритмической прозой. Я знаю об этом, во-первых, потому, что он мне свои стихи неоднократно читал на родном языке, во-вторых, потому, что на двух северных конференциях стихи его подвергались критике со стороны людей, знающих ненецкий язык. Критиковалось однообразие манеры, т. е. сам факт неизменной ритмической прозы, а также — длинноты, рыхлая композиция, перегруженность метафорами, не связанными с общей идеей стиха.

Из всего этого ясно, что стихи на родном языке он пишет и что писать их ему необычайно легко, т. к. если поэт не связывает себя ни рифмой, ни размером, то плодovitость его — естественное следствие такого метода работы. Кроме того, когда он впервые прислал мне очень длинную поэму «Рождение Ямала», то я беседовала с его женой Леной Сусой, женщиной совершенно честной и рентабельной, которая мне эту поэму привезла в подлиннике и объясняла некоторые непонятные мне места. Из разговора с ней я выяснила, что, составляя подстрочник, Лапцуй часто увлекается, дает объяснительные строки, которых в подлиннике нет, и эти объяснения тоже сопровождается разветвленными метафорами. Я тогда же написала Лапцую, чтобы он таких вещей не делал, т. к. в переводе может возникнуть невольное несоответствие.

Далее, Лапцуй очень неважно владеет русским языком, не чувствует его нервов, скорее болтает, чем разговаривает, а потому писать одни подстрочники на русском языке для него значительно труднее, чем писать стихи на ненецком языке, тем более что это всего лишь ритмическая проза. Именно в силу свободного стиха он и не может тебе выслать ритмического ключа, т. е. той графически изображенной мелодии, которую мы привыкли видеть под подстрочниками других поэтов. Теперь о переводах. Почему я лично перевожу эти стихи в метрической системе и с рифмой? Это — мой принцип, который я последовательно отвоевываю у издательств, т. к. разговоры об этом у меня уже были с издателями «Северной России», когда представители были на последнем совещании два года тому назад в Москве. Я считаю, что Лапцуй — очень талантлив, его образы и тропы чрезвычайно самобытны и доводить их до русского читателя необходимо. Но русский читатель устанет от верлибра, ему надо давать более привычную для него форму. Поэтому, никогда не скрывая факта изменения лапцуйевской ритмики, я неизменно перевожу его тем размером, который наиболее емко в смысле сохранения метафоричности того или иного стиха.

Ты мне однажды говорила, что Лапцуй просил тебя привести подстрочник в соответствие с переводом. По-моему, ты неправильно его поняла. Об этом же самом у него был разговор и со мной — по телефону и письменно. Речь шла о том, чтобы переводы привести в соответствие с подстрочником, т. к. он боится за их вольности

у тебя, Гордина и Ботвинника. Я не видела раньше подстрочников, с которых ты делала переводы последние, те, что ты мне прислала. Теперь они у меня есть, причем в двух разных вариантах. Я имею в виду тот факт, что стихи «Судьба», «Ледоход», «Салехард» и «Сердцем узнаю» были присланы мне недавно в подстрочниках, чтобы я их перевела, т. к. Лапцуй не надеялся получить переводы от тебя из-за твоей болезни. Таким образом, я, получив и твои подстрочники этих стихов, могла сравнить их с имеющимися у меня. Только подстрочниками эти стихи быть не могут. Оба варианта выглядят как русская интерпретация ненецкого стихотворения, но сделанная дважды с подлинника. Фразы построены неодинаково, с разной степенью безграмотности, но смысл и образы остаются в обоих подстрочниках одинаковыми. Ясно, что он дважды делал подстрочный перевод стихотворений, написанных по-ненецки и, естественно, совершенно одинаково, в смысле порядка слов и т. д. перевести не смог. Но вот твои переводы (последние) вызвали у меня некоторые сомнения, и я понимаю, почему Лапцуй взволновался и просил приблизить перевод к оригиналу, а может быть, тебя он просил об обратном, т. е. приблизить подстрочник к оригиналу — это глупости.

Твои переводы, как русские стихи, звучат очень неплохо, нуждаются только в небольшой редакции. Но они очень, очень далеки от подлинника. Настолько далеки, что даже сама мысль оказывается иной. И в этом виновата не одна ты, но и сам Лапцуй. Подстрочники сделаны очень небрежно, безграмотно, путанно, не всегда можно докопаться до смысла той или иной строки. И это привело тебя к естественному соблазну создавать на базе Лапцуя свои собственные стихи, т. е. делать вольные переложения с вложенными в них твоими собственными мыслями. Такие подстрочники подсовывал мне Лапцуй и раньше — я их ему возвращала, чтобы самой не впасть в соблазны и не делать вольных переводов. И одно время мои зуботычины имели успех — Лапцуй стал аккуратней составлять подстрочники, очевидно, с помощью своей жены, которая русский язык знает лучше своего мужа. Далее, сами его стихи, и эти в частности, весьма многословны. Это как бы материал, из которого надо выкроить стихотворение путем сокращения — и очень сильного. Это тоже беда Лапцуя, и я за это тоже

неоднократно тыкала Лапцуя носом, особенно в поэмах. Поэтому, поскольку эти стихи нужны очень срочно, и притом для книжки, и поскольку издательство требует с него и подстрочники и подлинники — то я, с твоего разрешения, несколько подредактирую твоё стихотворение «Ледоход» и пошлю ему, а остальные сделаю сама, хотя, видит Бог, я на них никакого времени не имею, они мне как снег на голову. Ну да ладно, посижу пару ночей, чтобы не задерживать книжку, в которой много переводов и твоих, и моих, и других переводчиков. Это — относительно Лапцуя.

Теперь о тебе: почему ты решила, что я тебя избегаю. Это — болезненная мнительность, Лидуха, у тебя нет телефона, а у меня он то выключен, то занят, то меня нет дома. Я спасаюсь от молодых поэтов, потому что с тех пор, как, по известным тебе причинам, мне пришлось распустить Центр. ЛИТО, я не могу ни жить, ни работать от звонков. Ребята оказались бесхозными, на мели. Надеюсь, что это временно, но мне-то от этого сейчас не легче. Если бы ты посидела у меня два-три часа, ты бы поняла, что телефон, если он включен, для меня — удав, который дезорганизует всю мою жизнь.

В последний раз мы виделись около вахты в Союзе, когда и тебя и меня дергали, кроме того, ты была с ребятами, и поговорить нам не удалось. Насчет твоей фразы о том, что ты не будешь мне больше жаловаться и т. д. — она меня очень удивила. Ты неврастенично восприняла что-то в моем отношении к тебе. Пойми, Лида, будь ты на моем месте, ты бы тоже не стала помогать в деле, которое задумала ты. <...>

Ну а теперь о самом главном. Ты ощущаешь груз перепроизводства стихов, тяжесть непечатанья — отсюда и накопившаяся ярость. Это не новость ни для кого из поэтов. Но в этом тебе могут помочь только воля, рассудок, терпение. А главное — очень упорная работа. Я хочу посмотреть книжку, которую ты сдала в издательство. Нет ли в ней перегрузки в части стихов безысходных и т. д. Они ведь тебе присущи. И никакая ярость не поможет тебе напечатать безвыходную книжку, потому что русский читатель по природе своей борец и оптимист. Это национальное свойство, если хочешь. Раньше были тупики — царизм, но и тогда процент писателей с безысходной тематикой (напр., Гаршин) был очень

невелик, и читали эту литературу очень немногие. Сейчас тупиков нет по той простой причине, что есть пути для переустройств, хотя и очень тяжелые подчас, но есть. И на этих путях поэт обязан поддерживать в людях если работу — то плодотворную, если ярость — то активную, направленную на определенные объекты. Но это — разговор большой, слишком большой для письма. Давать только тезисы — означает быть тобою не так понятой. Поэтому я хочу получить книжку и подробно ее разобрать для тебя и для себя. Может быть, когда ты будешь здорова, ты начнешь над ней работать. Все это в том случае, конечно, если книжка такая, какой я опасаясь. Но, может быть, дело просто в издательской волоките, а не в книжке. Тогда — дело другое.

Северный проект у меня на полке. Соболев мне ни слова не ответил. Поэтому, когда поправишься, мы начнем пробивать брешь с нашего парторга Союза Кукушкина, которому я говорила подробно о твоём проекте. Он заинтересовался и обещал помощь.

Ну вот пока и все. Возьми себя, ради Бога, в руки, не изводи себя ни бесполезной яростью, ни мнительными подозрениями насчет твоих друзей.

Крепко целую тебя. Н. Г.

P. S. Насчет группкома: я говорила о тебе с Набатовым, и он нарисовал мне грустную картину, которая убедила меня в его полной невозможности кого-либо сейчас принимать. Сейчас Набатова переизбрали. Это не к лучшему, так как в бюро группкома оказался неопытный и крикливый молодняк. Но для тебя это может оказаться к лучшему. Пока они еще не набедокурили по разным вопросам — они что-либо для тебя могут сделать. Для этого надо, чтобы ты сдала в группком стихи и перечень того, что напечатано. Сделала ли ты это? Я ведь не знаю.

Пиши мне, потому что по телефону можешь не дозвониться, я его по-прежнему стараюсь выключать.

1969 г.

Лидия Гладкая переводила стихи Л. В. Лапцуй не только при его жизни, но и после кончины в 1982 году. В 2004 году вышла книга «Слово заветное заповедное»¹, в нее вошла собранная Еленой Григорьевной Сусой непеведенная часть творческого наследия выдающегося поэта ненецкого народа. При внимательном рецензировании Сусой был осуществлен художественный перевод Лидии Гладкой вместе с С. Г. Макаровым.

В публикацию включено предисловие Л. Гладкой; сохранены книжные рубрики, подбор стихов сделан из всех разделов издания и определен по принципу «Избранное».

«Жизнь – вот главный наш учитель...»

У каждого народа есть свой небосклон поэзии с солнцем и луной, звездами и кометами, метеорами и звездной пылью...

Ненецкий народ щедро одарен поэтически и художественно, и у него тоже есть поэт, чье творчество источает воистину солнечный, негасимый свет любви к жизни, к родной земле, к людям, — это Леонид Васильевич Лапцуй. Как все смертные, он был человеком своего времени, но творчество сделало его национальным поэтом на все времена.

В одном стихотворении он утверждает: «Жизнь — вот главный наш Учитель, /самый добрый, самый строгий». С восхода до заката жизнь действительно щедро питала его солнечный талант, и его поэзия, искренняя, правдивая, стала нужной людям.

Верным и надежным другом, любимой женой поэта — Еленой Григорьевной Сусой — бережно сохранен автобиографический текст «Мань иле “мями”» («Моя жизнь»), написанный Леонидом Васильевичем на родном языке и датированный 25 января 1982 года. Через полгода после кончины автора текст перевела на русский язык Анастасия Васильевна Пуйко, известный ямальский педагог, жена талантливого поэта Геннадия Алексеевича

¹ Лапцуй Л. В. Слово заветное заповедное/Сб. стихотворений. — СПб.: Изд-во «Историческая иллюстрация», 2004.

Пуйко, который тогда же создал стихотворение-плач памяти друга «Твои песни не умрут!» В литературном переводе Юрия Кукевича оно широко известно любителям поэзии.

Фрагменты автобиографии поэта на русском языке Е. Г. Сусой использовала при написании книги «Леонид Лапцуй. Страницы жизни и творчества» (Тюмень: Софтдизайн, 1995), расширив интереснейшими комментариями и дополнениями, проиллюстрировав яркими поэтическими примерами. В сокращенном виде издание появилось в апреле 1990 года на страницах окружной газеты «Красный Север», где получила развитие идея проведения «Ежегодных Лапцувских литературных чтений». Мы решили познакомить с основными моментами биографии поэта читателей, чтобы показать, сколь плодотворно он использовал в творчестве уроки своей жизни. И не только: исторический, нравственный и духовный опыт ненецкого народа тоже нашел отражение в поэзии Леонида Лапцуя, благодаря чему с годами она становилась философичнее и чеканнее.

Уже в раннем детстве будущий поэт впитал доброту и любовь к песне. Он навсегда запомнил заветы отца, который до ареста, по навету клеветников, успел научить сына трудовым навыкам тундровика — оленевода, охотника, рыбака; уроки сформировали характер, силу личности юного северянина — мужественность, честность, любовь к отчизне, уважение к природе и человеку, веру в добро и справедливость. <...>

На пороге жизни будущий поэт приобщался к бытовой и духовной культуре своего народа, к его мудрым вековым традициям и обычаям. Народная ненецкая мудрость гласит: «Настоящий человек живет от земли, неба и воды». Но настоящий человек не может жить и без песни, звуки которой ласкают его слух с младенчества, пробуждают юную душу к творчеству: это колыбельная песня матери, мелодия песни, подаренной кем-нибудь из близких родных, вдохновленных радостью появления на свет нового члена семьи...

С песни начинается познание красоты мира, гармонии природы. Очень рано, благодаря песням и другим формам устного народного творчества, он осознает себя в единстве с землей и небом, рекой и морем, в нем укореняется чувство родства не только с людьми, но и с теми, кто населяет природу — птицами, зверями, травами,

деревьями, а раньше всего — с домашними животными, в особенности — с оленями. И неудивительно, что первые попытки песенного и художественного творчества у ненецкого ребенка бывают порождены любовью к такому же малышу — олененку, щенку, птенчику. Не был исключением и первый детский опыт Вэсако Лапцую, как звался по-ненецки будущий поэт в дошкольные годы.

Имя Вэсако (Мудрый старец) таинственно предопределило современное отношение к личности и творчеству поэта, хотя его земная жизнь прервалась незадолго до 50-летия и стариком он стать не успел. И не случайно он в школьные годы принял второе имя Леонид, доставшееся как бы в наследство от русского человека-фронтовика — мужа его первой учительницы.

Фамилия поэта в переводе на русский язык — Убаюканный — представляется тоже полным тайного смысла: разве с колыбели его душа не была обласкана звуками материнской песни, заморожена ее красотой и нежностью? Разве не песня подарила Вэсако Лапцую сокровенный сон поэзии и гармонии? Разве не песня прославила его поэзию и разве он не остался песней и легендой в своем народе?

Задолго до школы, до первого знакомства с младописьменной литературой на родном языке, до первого удачного сочинения, позволившего школьному учителю пророчески предсказать Лене судьбу и славу писателя, началось восторженное и пылливое знакомство с богатейшим ненецким фольклором. Так началась дорога Леонида Лапцую в национальную и мировую литературу. Вначале ему посчастливилось попасть под крыло мудрого и доброго, опытного литератора Ивана Григорьевича Истомина, поощрявшего его увлечение фольклором. Затем, в 1961 году, на поэтическом семинаре в Доме творчества писателей в поселке Комарово под Ленинградом он обрел замечательного друга и литературного переводчика — поэтессу Наталию Груднину, неутомимую наставницу молодых поэтов.

Сорок лет тому назад, с ее благословения, я познакомилась с молодым поэтом Леной Лапцуюем на его родной земле, в столице Ямала Салехарде, и начала сотрудничать с ним как поэт-переводчик. Результаты совместных трудов публиковались в газетах, журналах, альманахах и авторских поэтических сборниках.

Кроме меня, Леонид Васильевич в 1960–1970-е годы работал и с другими переводчиками, но плодотворнее всего, в течение двадцати лет, с той же Наталией Иосифовной Грудининой, которую называл «литературной мамой». Их связывала дружба и сердечное понимание; они обоюдно восхищались талантом друг друга, что не исключало споров в отношении переводов. В письмах и личных беседах со мной и Наталия Иосифовна, и Леонид Васильевич не раз делились мыслями о том, как следует работать в этой области поэту, не знающему языка оригинала, при наличии расширенного авторского перевода-подстрочника и возможности общаться с автором, работать с ним как «в два сердца». У меня были серьезные сомнения, можно ли называть такую работу переводом, надо хотя бы указывать, что перевод сделан с авторского подстрочника и при участии поэта. Но это было не принято, хотя многие языка оригинала тоже не знали...

Для того чтобы точнее передать смысл, идейные и художественные достоинства, Леонид Лапцуй сознательно расширял текст подстрочника, делая его не дословно, а добросовестно и талантливо как поэт-соавтор русского варианта, смело вводил новые метафоры, образные разъяснения всех непереводаемых идиоматических выражений, понятий и слов оригинала. Его щедрый дар часто увлекал переводчиков, и они рисковали по-своему дополнять и расширять текст. Тем же грешила и я... Если Леонид Васильевич считал, что это на пользу дела, то не слишком противился, но очень резко возражал, если искажался смысл, подменялись понятия, неправильно истолковывались в русском варианте идиомы оригинала. Работать с ним было очень интересно!

За несколько лет до его кончины наше сотрудничество прекратилось по целому ряду причин. Об уходе его из жизни Наталия Иосифовна сообщила в телеграмме, полученной мною на борту ледокола в Карском море. После кончины Леонида Лапцуя вышла в свет поэма «Тер» («Крик») в переводе Н. Грудининой. Она написала воспоминания о Леониде Лапцуде «Лучшие годы моей жизни»; посвятила памяти друга прощальный цикл стихов и до конца дней не переставала популяризировать его поэзию на русском языке. Достаточно прочесть приведенную в книге библиографию, чтобы убедиться, как много осуществили эти поэты совместно.

В 1984 году мне выпала честь, теперь уже с помощью дословного подстрочного перевода Елены Сусой, перевести последнее стихотворение Леонида Лапцуя, его лебединую песню-гимн «Жизнь человека».

Кроме изданных книг поэзии и прозы на родном и русском языках, многочисленных публикаций в коллективных сборниках и в печатной периодике Елена Сусой систематизировала неизвестную часть письменного багажа Леонида Лапцуя, собиравшего образцы народной мудрости: пословицы, поговорки, образные выражения, по сути, национальный нравственный кодекс, сложившийся в течение многовековой истории. На этой основе поэт создал множество коротких образных философских стихов и афоризмов. В них содержатся заветные мысли автора о сути человеческой жизни, о вечных и преходящих ценностях бытия, а также заповеди-запреты и страстные отповеди, напрямую обращенные к землякам — обладателям самых разнообразных достоинств и недостатков. Все говорит о благородной цели — помочь людям достойно пройти жизненный путь, которым смогут гордиться потомки.

К счастью, поэт успел сделать оригинальные подстрочники, послужившие для литературных переводов, представленных в книге. В подлиннике стихи были не рифмованы, в краткой свободной форме, с основной четкой мыслью, идеей. Текст авторского русского подстрочника расширен за счет введения метафор, поэтических разъяснений, идиоматических выражений.

В литературном переводе наряду с зарифмованными встречаются белые, или свободные, стихи. Следуя наставлениям Наталии Грудиной, стихотворения и афоризмы в русском варианте представлены в той форме и ритмике, которые наиболее точно передают смысл, идею, образность.

В столь ответственной трудной работе мне помогал известный санкт-петербургский поэт-переводчик Сергей Георгиевич Макаров, а создание книги было бы невозможно осуществить без участия и руководства научного куратора, рецензента, кандидата педагогических наук Елены Григорьевны Сусой — автора публикации материалов о жизни и творчестве Леонида Лапцуя, хранителя его архива.

Лидия Гладкая

«Учи свое дитя добру...»



Детство — только мелькнет,
словно сумерки вечера летом,
но всю жизнь озарит
несказанным, немеркнувшим светом!



Будь нежен и ласков
с ребенком своим:
земное дитя,
словно солнце, люби.
Сыновью любовь
ты получишь в ответ,
и свет, и тепло у его очага.
И радостью мирной
наполнится грудь,
и старости
будет наградой покой:
своей добротой
ты его заслужил,
коль светится в детях —
твоя доброта.



На пороге жизни дети
оленьями резвятся,
у них солнечные души,
словно воздух утра — мысли.
Любознательным, глазастым,
все им хочется увидеть...
Разглядеть бы им не сразу,
сколько в мире темных тропок!

Подражают людям взрослым —
и делам их, и манерам,
нам об этом помнить надо:
мы для них примером служим!
Так пускай они резвятся,
приноравливаясь к жизни,
и щебечут, словно птички,
наслаждаются игрою.
Пусть у жизни привыкают
уму-разуму учиться:
жизнь — вот главный ваш Учитель,
самый добрый, самый строгий!



Внимай тому, чье слово правдой дышит,
кто множество дорог по свету исходил,
кто много повидал и много песен слышал,
кто для людей живой легендой был.
Обточенные временем на диво,
слова его, как море, глубоки,
как птицы — и крылаты, и красивы,
как стрелы лука древнего, метки.
Знай: люди будут их ловить веками,
летающих, как свет, над облаками!



Воистину учитель — тот,
кто знанием велик,
в ком светлый дух
и разум благородный:
с душою пламенной
его прилежный ученик
стать может для людей
звездю путеводной.



Учи свое дитя добру,
покуда тянется само
к познанию жизни и к тебе —
как воплощению ее.
А то ведь станет голова
дитяти — тверже чугуна:
словами будешь ты стучать —
не достучишься до ума...
Ребенка в тундру уводи:
светлее станет детский ум,
окрепнет тело и душа,
заветы — мысли окрылят.
Скорей учи дитя — летать,
пока он слушает тебя,
пока не выпал твой птенец
вдруг из родимого гнезда.



Водой снеговой
умывайся к приходу зари:
бодрым ты будешь, румяным,
опрятность храня.
На жизнь и людей
никогда не смотри
с лицом неумытым
глазами вчерашнего дня!



Доброе слово
укажет дорогу,
добрых людей
созовет на подмогу.

Доброе слово
поднимет упавшего,
научит добру,
его прежде не знавшего.
Доброе слово
мир не нарушит
и оживит даже мертвую душу.

«В рассвете лет крылатых молодых...»



Ранним утром — день грядущий
встреть с поклоном благодарным:
не приветив день грядущий,
сам себя ты не приветил!
Сам себя не уважаешь,
так тебя за это тоже
уважать не станут люди,
молчаливо, стороною
обойдут без интереса...
Проживи весь день с улыбкой,
не ищи на солнце пятна,
от него в тени не прячься,
поспеш за горизонтом!



Взлетишь однажды, как орел,
душой свободной в поднебесье,
то значит — силу ты обрел
над суетой подняться песней!
Увидит сверху зоркий глаз
всю жизнь земную без прикрас...



Вбирая притоки, река расширяет свой бег.
В работе становится шире в плечах человек.
Река очищается быстрым могучим теченьем.
Душа человека — в труде обретает свечение.



В повседневных делах не ищи мелочей:
мелочь — в дело впадает, как в речку — ручей.
Вот и наша судьба быстрой речке сродни:
в жизнь, впадая ручьями, вливаются дни.



Перед работой трудной, друг мой, не робей:
не покладая рук, ты совладаешь с ней!



Если взялся за дело, так делай его до конца,
вдохновенно, не пряча от дела лица;
ты обидишь работу, ее прерывая,
ведь любая работа не любит лентяя!



Напрасно тратишь силы естество
и нечто тщишься сотворить натужно:
есть у тебя и ум, и мастерство,
но инструментов не хватает нужных.
В делах стоишь, но будто — на бегу:
рыбак — без лодки, без сетей — на берегу.



Когда в работе человек горит,
он жив на свете не единым хлебом:
ногами — прочно на земле стоит,
а головою — достигает неба!

Нудондана¹

Стал ведущим — не бойся ни бездны, ни кручи,
ни снегов, ни зверья, ни поземки колючей:
люди следом идут... Протори им дорогу!
Приустанешь — они поспешат на подмогу.
Гордо молвят потомки в далеком грядущем:
«Был наш предок отважный — надежным
ведущим».



Для человека стать бедою может
стремление в чужой покрасоваться коже:
в чужой одежде, даже самой модной,
всегда неловко быть и как-то неудобно...
Чужой присвоить ум,
залезть в чужую шкуру?!
До этого дойти возможно только сдуру!
Когда ей угодно, как черная туча,
без спроса приходит беда неминуемая:
как сон, подкрадется без шума и шороха,
коварнее зверя и лютого ворога!
Беспечность — как слабость себе запрети:
иначе не сможешь беду обойти!

¹ Нудондана — прокладывающий тропу, ведущий, идущий первым
(по целине впереди аргиша).



Смех над бедным человеком
нашей совести противен.
Бедность — зла и беспощадна,
никого не пожалеет.
У нее сестры нет, брата,
для нее равны повсюду
все живущие на свете
и сокрытые во мгле...



К советам дельным мы прислушаться готовы,
но самолюбье человека — свято...
Во всеуслышанье бряцая острым словом,
ты без вины остался виноватым...
Помочь решишься человеку словом —
вдали от всех шепни ему на ухо:
и для души это полезно, и для слуха,
и отклик будет благодарный уготован!



Не думай, камешек подняв,
что в мире этом всех сильней.
Не спорь с природою ни дня:
мы все ничтожны перед ней.
Всему живому давшей жизнь,
как матери родной, — природе поклонись!



Мы в бедах наших
сами виноваты,
за них роптать
ни на кого не надо,

когда они — за наше зло расплата,
за наши собственные
слабости — «награда»...

В нас и добро, и зло
природа заложила,
и каждый избирает
что нужнее...

Служить добру
у тех хватает силы,
кто сущностью своей
других людей нежнее...



Храни природу, чтобы сохраниться:
ты — царь ее, но все-таки — частица!



Как черная ворона на снегу,
плохое людям видится прекрасно.
Зато хорошее — как заяц на бегу,
мелькнет и скроется, безгласно и неясно...
Длиннее, чем аргиша колея,
вслед зла, как рана, остается часто...
Зато добро, сиянье затая,
следов не оставляя, дарит счастье!



Никто нам жизни не указывал цены,
но путь земной мы оплатить должны:
дерзать и созидать,
не разрушать —
творить стараться,
чтоб за любовь
любовью рассчитаться.



Зла в мире этом повсюду много,
и не стихает сердец тревога...
Куда б судьбою ни занесло,
исправь повсюду чужое зло!



Сколько нужно для жизни —
не меньше, не больше —
у природы бери,
чтоб дружить с нею дольше.

***«И глазом моргнуть не успеешь,
как нарта твоя — за чертою...»***



Радости мало — от бесконечной,
бесцветной, тягучей, беспесенной жизни,
если она ни следа не оставит,
заметного людям на долгой дороге.
А чья-то короткая жизнь — словно светоч,
немеркнувшим светом, уйдя, вспыхивает:
кометой хвостатой помчится сквозь годы,
людям подарит сиянье и радость...



Оглянись: по следам прочитаешь судьбу...
Ты увидишь опять ту кривую тропу,
где впечатал однажды позорный след, —
не исчез он, не стерся за давностью лет.
Сожалея, стыдясь, скажешь: «Я — виноват...» —
Слишком поздно: уже догорает закат...

Жизнь Человека

Жизнь Человека
по шири
с рекою сравнить невозможно.
Жизнь Человека
шагами никто не измерит.
Жизнь Человека
струится везде
и повсюду следы оставляет,
не все из них видимы глазу...
Жизнь Человека
похожа на аргиш,
где каждая нарта
имеет свое назначение.
Жизнь Человека
на древней дороге
солнцу поет
величальную песню.
Жизнь Человека
шагает
со временем в ногу:
то мчится стремглав,
то тянется вязко...
Жизнь Человека
соединяет
прошлое с будущим
радугой разума,
кольцом горизонта.
Жизнь Человека —
сияние лика планеты,
свет этот звездный —
в зрачках всех живущих.
Жизнь Человека
конца не имеет:
могучая песня любви
непрерывна!



Как миллионы лет тому назад,
Земли весенней расцветает сад.
Уйдешь на время или навсегда —
знай, это будет лишь твоя беда...
Но лучше прахом стать земли родной,
чем на чужбине сохнуть чахлою травой!

Переводы Л. Гладкой и С. Макарова



Мгновенье детства промелькнет с утра,
день предваряя жизнерадостно и резво,
и улетит, как искорка костра,
за полуобруч горизонта резко.
Упругой нашей памяти дано
стать тетивою горизонта-лука...
Вернется детство: прилетит оно,
стрелами солнца осветив округу.
С улыбкой незабвенного лица,
румяней летней тундровой морошки,
поскачет детство с нами по дорожке —
и жизни путь осветит до конца...



Кто вздумал жизнь прожить чужим умом,
тот жизнь свою уже обрек на слом...
Кто нарту смастерить не может сам себе,
в чужой — обузой станет в нарте и в судьбе.
...Чужой аргиш вдруг круто повернет,
из нарты выпадешь — никто не подберет...



Ты по лицу характер земляка
определить оплошно не спеши:
вдруг не является лицо наверняка —
зеркальным отражением души?



Кто жизни смысл не понял — жалок тот,
и звездный час он проворонит свой:
в расцвете сил без цели он бредет,
поникнув бестолковой головой.



Человеконенавистник,
лжи зловредный сочинитель,
как паук сплетает сплетни;
ядом злобы убивает
у людей покой и радость —
и находит в этом счастье,
и считает жизни смыслом!..
Мнит, что все его соседи —
на него строчат доносы
и мечтают уничтожить:
по себе людей он судит!



Живи лишь тем, что в жизни сам добыл,
и не воруй чужих задумок жадно:
возьмешь чужое — что бы ты ни мнил, —
тебя осудят люди беспощадно.



Познай в судьбе и даль, и высь,
любви будь верен и надежде,
за дело только то берись,
которому учился прежде.
Ведь от зари и до зари
ты знаний собирал крупичицы,
теперь из вместе собери,
а после — начинай трудиться.



Словно мираж в морозной мгле,
богатство промелькнет:
как свет вечернего костра,
не долговек его.
Бесследно в пропасть дней былых
богатство уплывет.
Гордиться им не станешь ты:
ведь бедность за углом.
Ты лодку жизни нагружать
богатством не спеши:
ведь с лишней тяжестью
на дно скорее угодишь...



Ты любовь береги пуще ока зеницы
и не вздумай ломиться ты к ней напролом:
не обидь, не спугни эту дивную нежную птицу,
чтобы горько не плакать в разлуке потом.
Никого ты не встретишь прекрасней любимой...
Как весенне щебечет твое сердце в груди!
Пламя верной любви не уйдет в небо дымом:
будет радость и счастье вас ждать впереди!



Народ свой оскорбляя сплетней ржавой,
как будто птицу ты подранил на лету...
Слюною ядовитой, словно жаба,
ты осквернил земную красоту:
ты на родную землю плюнул зло и шумно —
душа твоя черна, бессовестна, безумна!



Бесхитростный не промолчит трусливо:
он выложит всю правду без утайки.
Душа его светла, как летом — небо,
где нету облаков, где только чайки!



Внимая пенью птиц в родном краю,
ты музыкой украсишь жизнь свою:
заноет наболевшая душа —
рассветных птах сочувственное пенье
ей мягко принесет успокоенье,
и снова жизнь — светла и хороша!



Кто искренне братается с людьми,
кто знает цену дружбы и любви,
с дороги не свернет, идя вперед,
тот счастье по круплицам соберет!
Из недр родной земли — из родника
воды целебной зачерпнет рука
ладонью, что вместительней ковша, —
напьется счастьем чистая душа.

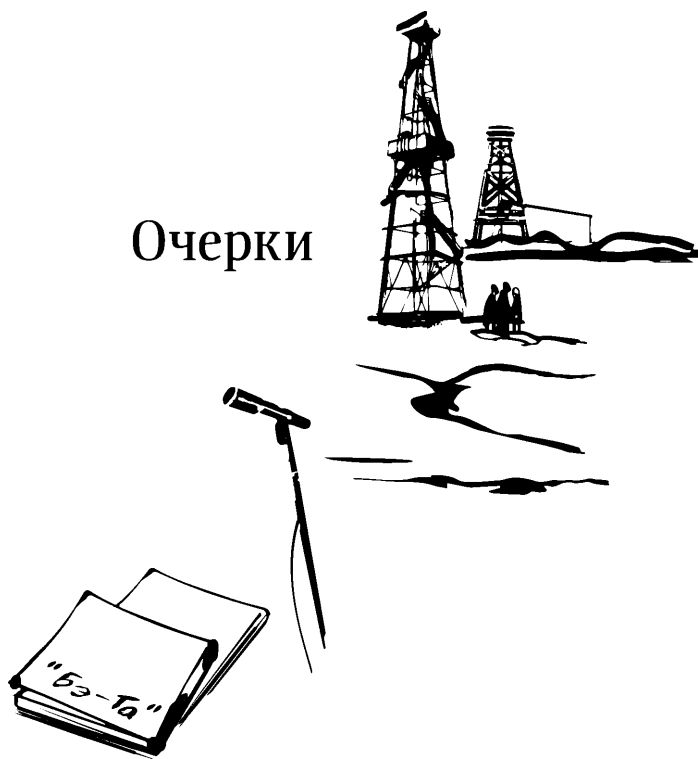


Мы по-своему глупее
прочих всех глупцов на свете —
тех, которые считают,
что умней их не бывает.
Высотой столб чем выше,
тем от основанья — дальше.
Человека ум чем выше,
тем к земле и небу — ближе...



Философский мой вывод непрост и весóm,
но вы согласитесь со мной без труда:
коль были бы люди похожи во всем,
то жизнь бы на жизнь не похожей была.
Я — певец и поклонник живой красоты,
обращенная к солнцу живая душа.
Люди разные все, словно в тундре цветы,
многоцветная жизнь, как весна, хороша!

Очерки



Все удерживает память,
Все впечатано в судьбу...

Рашид Назаров

Лидия Гладкая по возвращении в Ленинград после геологических практик выступает как журналист. Ее очерки звучат на радио, печатаются в журналах и альманахах. О чем она пишет? О тех, кто был ей дорог, памятен, и о том, чему свидетелем была: о Сахалине, где работала шесть лет, приобрела товарищей, не забыла ни трудностей, ни радостей той нелегкой жизни.

Она не изменяет этому жанру и в предисловиях ряда книг ушедших друзей-поэтов.

Можно заметить, что автор никогда не бывает сторонним. И его тексты в какой-то степени схожи с мемуарами, правда, в них много больше своего «я».

Островитяне¹

1

Мой родной остров — Васильевский. В какую сторону ни пойдешь — обязательно выйдешь к воде, а над водой мосты — большие руки, которыми остров держится за остальную ленинградскую землю. Ночью — усталые эти руки размыкались (а взрослые говорили: развели мосты), и я, маленькая островитянка, мечтала о том, чтобы остров, словно корабль, отплыл в какие-нибудь неведомые моря.

Сколько раз, едва раскрыв глаза, я бежала на старый пирс Малой Невки и верила, что увижу новые моря и земли! Но там все было неизменно: свинцово-серая, в пятнах машинного масла, невская вода, тихо плескавшаяся у замшелых свай; спокойная линия Петровского острова, старые, скрипучие баржи... Взрослея, я поняла, что придется мне распрощаться с моим родным островом. Иначе не повидать новые земли и воды.

¹ Альманах «Молодой Ленинград». Л., 1964.

...Закачался и упал дом напротив. Это называлось: бомбежка. Бабушка распоролла подушечку, в которую втыкала всегда иголки, вытряхнула из нее пшено и сварила суп. Это называлось: голод.

Падающие дома, свистящее небо, холодные, пустые комнаты, где нет ни папы, ни мамы, запах крови и гноя в госпитальных палатах, голод и страх — все это называлось: война. Все это прочно и навсегда связалось с одним шипящим, как гадюка, черным словом — фашизм. Так научили меня ненавидеть.

В годы детства, в годы войны не встретилось мне ни одного человека, который не верил бы в нашу победу. Верила моя бабушка, верили все люди, взрослые и маленькие, в нашем старом доме на Васильевском острове. И я научилась верить. В Россию. В огромный, родной мой остров, который казался мне окруженным врагами, как водой в наводнение.

С тех пор мне захотелось сделать руками что-нибудь полезное для родной земли. Уже в четвертом классе я решила, что буду геологом.

2

После школы я без раздумий поступила в Горный институт. Специальностью выбрала геофизику. Это поэтическая профессия. Связь между геофизикой и поэзией на первый взгляд незаметна, так же как связь между музыкой и математикой. То и другое — искусство, то и другое имеет одно начало — гармонию. И геофизик без воображения — что ремесленник, как и поэт без фантазии — скучный рифмач.

Интереснее всего стать сейсморазведчиком. Людям моей профессии необходимо знать геологию, математику и физику, разбираться в бурении, понимать взрывное дело и топографию. Но этого мало. Надо еще хорошо понимать экономическую сторону дела, надо научиться работать с людьми. Очень важно иметь здоровое, выносливое тело.

Горный институт подготовил меня к жизни сейсморазведчика. В студенческие годы я не только слушала лекции, пришлось быть рабочим второго, потом четвертого разряда, получить удостоверение взрывника, поработать и коллектором, и старшим рабочим

топотряда, и вычислителем в камералке. Постранствовала вволю: Крым, псковские леса, башкирские степи, Мангышлак, Ферганская долина... Но мне по-прежнему хотелось поехать как можно дальше, и я выбрала себе самый дальний остров — Сахалин. Наступил возраст, когда все стало не так ясно и просто, как в годы детства. Наступило время поступков.

Дали путевку — и прощай, Ленинград! Легко сказать — прощай...

Что я знала о Сахалине? Японцы, каторжники, бродяга, который хочет отдохнуть, рыба, Антон Павлович Чехов, нефть, Крузенштерн, Невельской... Моя бабушка горько рыдала: «За что тебя, девочка? Я тебе сколько раз говорила: не пропускай лекции, не пиши стишки! Неужто за это в каторжное-то место?...» Зато братик здорово гордился мной, а дворовые мальчишки смотрели на меня, раскрыв рты.

Когда самолет летел над Татарским проливом, мне думалось: «Надо быть готовой ко всему. Какие там люди? Наверно, с аэродрома придется ехать на собаках». На коленях лежала объемистая посылка для моего однокурсника. Ее со слезами вручила мне его мама и наказала беречь «пуще глаза своего». Сахалин встретил ярким солнцем. И никаких собак! Шофер такси с аптекарской точностью отсчитал возле гостиницы сдачу.

По улицам Охи шли модно одетые девушки. Они косились на меня, закутанную, прижимающую к груди злополучную посылку. Встречные спрашивали сочувственно: «Вы не со Шмидта?»¹ В гостинице от батарей центрального отопления шел пар и уютное тепло, работал душ. Я была немного разочарована: где же здесь трудности? Но разочарование оказалось преждевременным: трудности начались на следующий же день.

Неласково встретил меня начальник производственного отдела геологоразведочной конторы: оказывается, не очень-то меня здесь ждали и можно было не приезжать. Но не тут-то было! Я хотя и заревела, но твердо решила: останусь. И осталась.

Определили меня техником-геологом в полевую партию. Управляющий геологоразведочной конторой внимательно оглядел меня — мои голубые брючки, мою челку, лиловые, по моде, губы, прикинул про себя мои возможности — и дал такое назначение. Ну что ж, посмотрим...

¹ Северная оконечность Сахалина.

И вот я опять на аэродроме. Метет зябкая поземка; Ан-2 — «Аннушка», — как человек, дрожит на ветру. В самолет загрузили газеты, письма, детские подарки, лыжи и меня. Потом высокий человек в кожанке хмуро прошел к пульту с приборами.

Погода не обещала ничего доброго. Вот остался внизу аэродром, превратились в едва заметные точки провожающие. На белых снегах, как на листе чистой бумаги тушью, разбрызнулась реденькая чернота леса. «Веселенькое местечко», — подумалось мне невесело. На коленях ерзала посылка. Лыжи то шпыняли в бок, то падали на голову: самолет кидало. Становилось все холоднее. Внизу не было ничего, кроме белесой мглы.

Сбоку хорошо было видно лицо пилота. В его сосредоточенном взгляде, в его цепкой, напряженной посадке почудилась непонятная веселость, дерзкая радость наездника, берущего в шоры строптивного коня. В который раз этот человек рисковал жизнью?.. «Аннушка» как миленькая шла по заданному курсу.

— Вот и прибыли, — сказал пилот неожиданно будничным, хриловатым голосом. Но я увидела внизу только белое-белое пространство — и ничего больше. Вскоре на нем стало возможно различить черные точки, которые быстро превращались в бегущих человечков, а после стали правдашними людьми.

Среди встречающих было несколько знакомых лиц — на год раньше приехавших сюда на работу выпускников нашего геофизического факультета: Галя и Коля Поляковы и тот самый Виля Жарков, которому я привезла посылку. Но несмотря на это, настроение у меня было неважное: на голой снежной плешине, откуда пришли все встречающие, не было видно ничего, кроме черных, похожих издали на дымящиеся сигаретки, труб, торчащих прямо из снега, да у обрыва реки стояла нахохленная палатка, над которой тоже торчала труба, но не дымилась.

— Ну, старуха, пошли в гости. Вот мой особняк, — гордо указал Виля на палатку.

В «особняке» стояло несколько кроватей со спальным мешком на каждой.

— Вот мое ложе, — величественно продолжал Виля.

Тотчас же из мешка высунулась препротивная собачья морда и лениво зевнула.

— Грется, бедняжка, — снисходительно объяснил хозяин. — Сейчас раскроем посылку, затопим печку!

Я с сомнением посмотрела на огромную дырку в палаточной крыше, в которую уходила труба и откуда сыпался снег и не таял на печке. Но вот печка загудела, завыла, в палатке действительно стало тепло. Собака лениво вылезла из мешка, легла у огня.

Появились остальные обитатели — «итеэровцы». Посылку Виля уже вскрыл, осталось лишь развернуть бумагу. «“Колбаса московская” и торт “Сюрприз”», — сказал мечтательно кто-то. «Столичная!» — уверенно пообещал хозяин посылки. «Вишневое варенье», — причмокнули с порога.

Тут бумага порвалась, на пол посыпались банки со сгущенным молоком. Двенадцать баночек с голубыми этикетками... Одна из них упала на собаку. Она обиженно залаяла.

— У нас этой сгущенки на складе завались, — простонал Виля.

...На складе пожилой дядька в очках достал толстую лохматую книгу, помусолил карандаш и вывел на новой странице мою фамилию. Отныне отсутствие денег перестало волновать меня: если бы мне вздумалось сварить одну из промерзших розовых мясных туш, подвешенных на стенах, в книге лишь появилась бы новая запись под моей фамилией — и бери, волоки, вари себе. А в получку высчитают, нечего беспокоиться, сполна. И чего только на складе нет, даже уксус, и лавровый лист, и перец. А вот и мой земляк, знаменитый василеостровец — «Беломор» фабрики Урицкого!

Эко нас с тобой, брат, занесло...

3

Праздновали мой приезд в землянке у Гали Поляковой. Она сказала: «Мы с Колей землянку сами построили». Дверь в землянке открывалась внутрь — на случай, если занесет снегом. Стены и потолки аккуратно обиты белой бумагой, полы чисто вымыты. Мебель вся самодельная — стол, шкаф, полка с книгами... По сути дела, это была комната, уютная и просторная.

— Выкопали на берегу реки бульдозером яму, — продолжала Галя, — поставили столбы, обшили их досками, стволами

листвяшек и пихт, законопатили ягелем щели, сделали из досок полы, печку железную поставили, крышу дощатую обшили толем, ну а потом завалили домишко землей.

Я представила себе, как я проделываю все эти операции, и у меня на лице появилось такое выражение, что Галя улыбнулась: — Ничего здесь страшного нет.

Пришел Коля — большой, ладный, с порога объявил: «Надо идти детишкам елку искать, а то кругом одни пихты и листвяшки». Это было открытие: тут живут дети! И еще Коля добавил: «Клуб надо достраивать, а то Новый год где же праздновать? Тоже мне комсомольцы: надо делать, раз начали». Коля был очень серьезен, но эта серьезность ничуть не старила его. Я смотрела на него и верила: все, что он говорит, — так и есть. И все встали и пошли к большой палатке, стали обивать ее изнутри. Я с удовольствием стучала молотком. Тук, тук, тук! Тут, тут, тут мое место! Здесь предстояло мне жить и работать, «совершать поступки», и мне не терпелось узнать и полюбить это мое новое «тут».

Втайне я очень гордилась Колей, радовалась, что ребята его уважают: как-никак земляк, ленинградец, «горняк»... А сейчас Коля Поляков — главный геофизик геологоразведочной конторы на Северном Сахалине. Знай наших!

Виля Жарков повел меня по тропинке вдоль берега узкой таежной речки.

— Набережная сынов лейтенанта Шмидта, главная улица «Копайгорода». Осмотрим наши общественные здания, — предложил Виля.

От «набережной» к сугробам с дымящими трубами шли снежные коридорчики. Мы свернули с «набережной» в один из них и скоро очутились в камералке.

В просторной землянке со стенами, обитыми бумагой, топилась печь. На стенах висели закатанные в трубки графики, карта Сахалина. На передней стенке четырьмя кнопками аккуратно прикреплен портрет Ленина. В углу стоял ящик, в нем хранились сейсмограммы — длинные белые полосы фотобумаги с черными извилистыми дорожками сейсмической записи. Мне не терпелось сесть за стол, разложить перед собой эти полосы — шифрованную запись земных тайн — и читать их, разгадывая тайны ключом физики, математики и воображения, переводить их на язык

геологии. И я не удержалась: села на табуретку за самый большой стол.

Выйдя из камералки, я потянула носом: вкусно, тепло пахло горячим хлебом. Виля повел меня на запах. Мы вошли в большую чистую землянку. Суховатая опрятная женщина в белом переднике и белом платке вытаскивала из большой печи формы с белым хлебом. Хлеб был душистый, хорошо пропеченный. Похрустев корочкой, поняла, что мне очень хочется есть. И внезапно с острой болью вспомнился Большой проспект Васильевского острова, где у Двдцатой линии славно пахнет свежим хлебом и его аромат вдыхают морозными вечерами «горняки», еще не покинувшие Васильевский остров...

А Виля продолжал хвастаться:

— У нас и баня есть!

Баня и прачечная были в одном помещении — тоже в землянке. В раздевалке на скамьях стояли чистые сухие баки, по стенам висели веники. В углу неожиданно выступил ящик электростиральной машины «Белка». Баня как баня: котел с водой, вделанный в печь, скамьи вдоль стен, шайки.

Все было обжито, устроено: партия стояла здесь базой третий год. Внезапно зажглась электрическая лампа — заработал движок — своя электростанция. Мне стало совсем весело.

...Впоследствии вся эта таежная роскошь не давалась мне так легко: я приезжала вместе с партией на голое место, и все, что здесь было так хорошо налажено и устроено, приходилось налаживать, строить и устраивать самим.

Прачки пошли развешивать белье, и мы за ними. Их было двое. Одна — молодая, румяная, с большими красными руками и прозрачными голубыми глазами — несла огромный таз с мокрым бельем. Другая, постарше, живая, чернявая, с крикливым голосом, надела на шею веревочку с прищепками, как ожерелье. Первая поставила таз на землю, встряхнула моментально затвердевший на морозе вкладыш к спальному мешку и набросила его на веревку. Вторая быстро пристегнула вкладыш прищепками, и вот он, твердый, голубоватый от синьки, развеивается между листвяшек. А большие красные руки с набрякшими венами все мелькают и мелькают, делаются все краснее. И вот уже, как паруса, разве-

ваются простыни, отчаянно шагают штанины кальсон, набухают ветром наволочки; сушится на морозе белье. А жрицы чистоты надевают рукавицы, забирают таз, снимают с шеи веревочку, на которой больше нет прищепок, и идут в баню, как будто ничего не произошло. Я стояла и дивилась на голубое чудо, сотворенное этими руками. Потом сняла рукавицы и посмотрела на свои руки со следами ленинградского маникюра.

...Осмотр лагеря оставил во мне какое-то смешанное чувство: это была жажда деятельности, желание скорее стать здесь своей и необходимой — и в то же время какое-то смутное недовольство. Казалось, я быстро узнаю здесь все, что мне интересно, и наступит скука; что мирок, сосредоточенный на снежной поляне, островок среди узенькой речонки слишком малы для меня, не способны заставить забыть о том громадном мире, в котором остались мои друзья, мой Ленинград, мой Васильевский остров.

Захотелось побыть одной. На берегу голые деревца тоненько скрипели, словно жаловались — до чего холодно! Вкусно, крахмально скрипел зеленый снег. Лыжный след привел к проруби, закрытой мешковиной. Под тоненьким стеклышком льда — видно, недавно брали воду — всплеснула рыбина; ледок раскололся, тоненько зазвенел, будто засмеялся.

И я, не знаю чему, тихо рассмеялась, а за мной — лесное эхо, вся зеленая лунная красота, которая меня обступила.

— Никак, топиться вздумала? — пробасил кто-то за спиной. — Тебя на разнарядку зовут, а ты — топиться? Ха-ха-ха!

И снова все вокруг засмеялось добро, радостно. Я подождала, когда снова наступит торжественная тишина, и сказала вслед уходящему:

— Дурак ты, что ли?

А спина передернула ватником и тоже спокойно ответила:

— А кто тебя знает, пуговицу? Может, тебя тоска разбирает по материке. Тут тебе не шуры-муры. Знай поворачивайся.

4

Представьте себе лес на холмистой равнине, снег два-три метра глубиной, зиму с крепкими ветрами и морозами, а летом — болото, марь и лес, то худосочный, мертвый, горелый, то дремуче-угрюмый.

Здесь нужно проложить сейсмические профили. Здесь может быть нефть.

Сначала идут топографы, рубят просеку, разбивают пикетаж. Длинная дорожка, много приходится топтать. Так и окрестили их «топики». С ними идет бульдозер — «бьет» дорогу. По этой дороге ползут буровые станки на гусеничном ходу, пригнувшие свои мачты, похожие на зверей, готовых к прыжку. Вот они вгрызаются долотами в землю, урчат насосами, выбрасывают шлам — раздробленную породу.

Коллектор следит за породой. Нужно определить глубину, на которой целесообразнее заложить заряд взрывчатки. Самые удачные взрывы — в слоях водоносного песка, над пластами глины. Взрывная волна, как упругий мяч, отскакивает, отражается от различных слоев земной коры и возвращается к поверхности земли. Чуткие приборы сейсмографы, установленные на профиле, преобразуют упругие колебания в электрические сигналы. Сейсмостанция при помощи оптической системы записывает сигналы на фотоленту. Так получают сейсмограммы, которые помогут мне смотреть в землю не на аршины, а на целые километры. Получает сейсмограммы оператор — хозяин профиля. Ему нужна техника: трактора, трактора, трактора! Люди, работающие на профиле, должны быть сыты, тепло одеты и бодры. Оператору нужно совладать не только с хитрой, капризной сейсмической аппаратурой, но и с этими сложными людьми, которых кто-то неразумный придумал называть «простыми».

Волочат по немыслимой сейсмической дороге железную будку на санях два трактора. Зимой сеймики катят на лыжах в таких местах, где классные слаломисты не вдруг решатся. Нароботаются за день, крепко умаются люди.

А потом в будке на санях разлеглись в своих спальных мешках, как в хоромах; спят уставшие люди, такие разные и так одинаково уставшие. И могучий храп сотрясает жидкие стенки. Кто-то читает книгу при слабом свете аккумулятора. Лампочка освещает ящик с продуктами, печку, двойные нары...

Женщины спят на нижних нарах, мужчины наверху. Не спит один из них, рабочий-взрывник Глеб Горбовский, пишет стихи:

Проснулась от холода. Ухо примерзло к мешку. Печь давно погасла и была холодна, как будто стояла всю ночь на дворе. Пришлось вскочить, затопить, а солнце тем временем наполнило землянку светом. Ровно в девять утра появилась на пороге вся камеральная группа и началась настоящая жизнь, в которой надо было действовать самостоятельно.

...Старший инженер Саша Авербух оказался очень серьезным и строгим. План все время перевыполняли, работы было много. Никто никого не звал по имени-отчеству, но все равно было заметно, как все уважают Сашу, ждут его совета и одобрения.

Поэтому я едва не заплакала, когда на моем первом старательном самостоятельном сейсмическом разрезе он молча написал: «Дичь». Слабенько так: «Дичь» — карандашиком. Однако сказал, что разрез ничего, приличный.

Ночью мне не спалось. Я встала и снова все проверила. Но все было правильно. И я уснула крепко, хотя очень боялась длинноносых мышей, которые шуршали на стенах камералки и падали с потолка, разрывая бумагу.

Мне тогда и не снилось, что через год стану старшим инженером и с благодарностью вспомню строгость и придирчивое внимание моего первого начальства — Саши Авербуха.

На следующее утро заметила, что у начальника на затылке смешной детский вихор и глаза под очками не строгие, а со смешинкой. Под словом «Дичь» я тоже карандашиком написала:

Кто ищет край света,
узнает,
что нету пределов,
что, дело не сделав,
не естся, не спится.
Поймет, почему
перелетная птица
обратно стремится.
Повсюду, всегда — непонятно,
стремится вперед —
и обратно.

Первая моя зима на Сахалине была трудная, бурная. Солнце видели редко. К Новому году стало не выбраться из землянок — белая завихрень. Но Коля все-таки ушел на лыжах и срубил где-то настоящую елку, притащил обледевшую в новый клуб. Все восемнадцать детей нашей партии были доставлены первого января в клуб-палатку. Елка так и сверкала! Старшим детям матери сшили костюмы клоунов, снегурочек и зайчиков... Малыши сидели на руках родителей, таращили глаза на прекрасную невидаль: на нарядную елку и Деда Мороза. Старшие прыгали, читали стихи, пели; матери толпились в углу, и каждая, естественно, думала, что ее ребенок — самый лучший и веселый.

Наконец Дед Мороз раздал детям подарки, и все разошлись. Дед Мороз оторвал красный нос и посетовал: «Все-таки неважные подарки на этот раз».

...А потом мы сыграли в клубе шикарную свадьбу инженера Вили Жаркова и Раи, техника-геофизика. На сцену вынесли стол для новобрачных и ближайших друзей, в зале расставили для остальных приглашенных столы с винегретом из консервированных овощей, пирогами, пельменями, соленой кетой, селедкой, картошкой с мясом — таежные деликатесы.

Все сидели нарядные. Хор спел величальную новобрачным. Песня была несколько нескладной, но исполнялась с большим воодушевлением.

Женщины на морозе в ватниках и ватных штанах, накутаные, в валенках, многие казались грубыми, некрасивыми, старыми, а тут сидели разрумившиеся, аккуратно причесанные, в красивых платьях, и оказалось, что большинство как раз составляют ладные, красивые, веселые, с округлыми руками и высокой грудью. Никто из них обычно не сидел без дела: убирала, варила, сторожила, пилила дрова, пекли хлеб, растили детей, некоторые работали на профиле наравне с мужчинами. Как без них можно было бы построить чистую, бодрую человеческую жизнь и уют на голой лесной поляне?

Подумалось: какую душевную силу надо иметь, чтобы работать от зари до зари годами, растить, не жалуясь ни на что, детей

в палатках и землянках, кочевать по мертвой болотной земле! Только испытав все полной мерой, можно понять, как нелегка жизнь этих женщин, научиться понимать и уважать их силу и слабости...

Но вот все смолкли: запела тоненькая, черноглазая, с большой косой Мира Суховеева, и ее голос, низкий, свободный, летал над нами:

— Валенки, валенки
Не подшиты, стареньки...

И верилось, что это она, Мира, прибежала к милому по морозу босиком. И мне захотелось тоже вот так, в одних туфельках, выйти навстречу лесной свежести.

Над палаткой носились снежные вихри. Брезентовые стены клуба колыхались, а сосульки звенели, звенели... Новенький красный флаг над нашим клубом хлопал, будто стрелял. Слышен был дробный топот и звуки баяна, но сосульки звенели прозрачнее, тоньше и явственнее: «Сгинь, сгинь, сгинь», — твердили они бурану.

К утру все разошлись по домам, новобрачные остались в клубе — идти им было некуда.

Когда они возвратились из Охи со штампами в паспортах, проехав по снежным ухабам восемь часов в будке, прикрепленной к трактору, начальник партии Володя Рогожин пожертвовал им старую будку. Ее обили внутри одеялами и засыпали снаружи снегом. Там они и зажили. Иногда опаздывали на работу, потому что часы у них останавливались от холода, но, ей-богу, их никто не жалел, потому что они были очень счастливы.

Я впервые опоздала на работу в августе, в день рождения моего сына. Накануне вечером тракторист, с которым мне предстояло осматривать будущий профиль, сказал угрюмо и решительно:

— Не поеду, Дмитриевна, — и покраснел.

— Почему это?

— Да потому что родить ты можешь. Я ведь не карета «скорой помощи», а трактор, и здесь не асфальт какой-нибудь, а сопки — кочки, болото.

Так и не поехали. Пришла в палатку, встала перед зеркалом, а оно маленькое, виден один нос в веснушках и больше ничего. Вечером и муж сказал: «Тебе того... не пора ли?» Полночи мне не спалось. Проснулась, когда все были на профиле. Партия стояла в сорока километрах от Охи, то есть близко, так что фельдшера у нас не было. Пошла тихонько в камералку:

— Ребята, у меня схватки.

Все вскочили, разом закричали. Кто-то побежал на рацию, самая молодая и энергичная в столовую за клеенкой и зачем-то в библиотечную будку. Я тихо пошла за ними.

А после послушно глотала бруснику, размятую с сахаром, слушала цитаты и отрывки из книги «Мать и дитя», советы и поучения. Откуда-то появился сторож дядя Костя. Он принес бутылку, в которой еще остался спирт. Это был царственный поступок. Жертва. К тому же дядя Костя недавно дал последнее нерушимое обещание разведкому не прикасаться к треклятому зелью больше никогда.

— Это чтоб руки обмыли, кто сына будет принимать, — сказал он, умиляясь своей щедрости, и поставил на печку зеленый сосуд.

Тут появился самосвал с Тунгора, который тащил на буксире ЗИЛ «скорой помощи». Из него вылезла фельдшерица со сбитой на сторону косынкой и закричала тоненько:

— Ну, кто здесь рожает?

И почему-то поглядела на дядю Костю.

Когда я робко сказала: «Я», она недоверчиво оглядела меня:

— Садись, повезу в Оху, нескоро еще дело будет.

Тем временем самосвал уехал. ЗИЛ тронулся самостоятельно. В машине не было никого из нашей партии, и я стала не стыдясь орать. Наконец-то у фельдшерицы не оставалось сомнений, что буду рожать именно я, а не кто-либо другой. Но тут ЗИЛ засел. Мы загородили дорогу большой буровой машине с обсадными трубами, ехавшей на Тунгор.

— Вот засели, а она рожает, — отчаянно сказала фельдшерица подошедшим буровикам и показала на меня пальцем. Я почувствовала себя виноватой и замолчала.

Дальше все было как в сказке. Дюжие парни мигом вынесли ЗИЛ на руках из рытвины. А после в заднее стекло мне было видно, как они стоят, машут руками и смеются, а один крикнул:

— Родится сын — назовите Сережей. В честь Есенина!

И конечно, родился сын. Конечно — Сережа. Маленький островитянин. Громко завопил, взял свое. А немного погодя родились и стихи:

В углу кособочились
Сапоги рабочие.
Зеленый брезент — кровом,
Из дырок — звезды.
Для счастья скромного
Мешок двуспальный создан:
Седьмого неба не выше ли —
Мы даже тайфуна не слышали.
...Напиться мне, привереднице,
Ты принес из ковша Медведицы.
Поэтому у сына
Глаза такие синие...

6

Там, на Северном Сахалине, для меня, моих товарищей работа была самым главным. Нужна нефть. Мы делали прогнозы новых месторождений. За нашей работой следил весь остров, даже Дальний Восток. Огромный край, тысячи людей, машин и заводов ждали сахалинскую нефть. И люди работали дни напролет, три года без отпуска. Была ли такая необходимость? Никто не принуждал людей. Мы очень любили такую песню: «Забота наша простая, жила бы страна родная...»

«Производственная необходимость...» — магические слова. Какими «длинными рублями» можно оплатить короткую молодость, полностью отданную работе? Среди геологов и геофизиков мне не встретилось на Сахалине ни одного стяжателя. Не довелось слышать и красивых фраз...

Помню, необходимо было дать срочные рекомендации для глубокого бурения на площади Западное Сабо. Сейсмобригада полтора месяца не выезжала с профиля на базу партии. Люди знали, что от них зависит все, и не жалели сил и времени. А я и старший

геолог Володя Кононов строили предварительную карту площади. Глаза у Володи запали, голос охрип от споров со мной. Его жена Галя и только что родившийся сын были с нами. Мальчишка деловито сопел в спальном мешке на ящике с сейсмолентами, а Галя топила печку и варила без конца черный кофе, чтобы мы не уснули.

И вот — готово! Одуревшие, но счастливые, мы нарисовали «балеринкой» кружочки на карте — здесь нужно бурить глубокие скважины. Но предстояло еще испытание: защитить свое мнение перед опытными и взыскательными людьми.

Утром мне принесли письмо. В нем были строчки: «Там где-то пестрый твой платок/затерян в зазвеневшей чаше». И я, трясаясь в кабине шумного тягача, прижимая к груди тубус с картой, складывала ответ: «Не грусти, что в тайге затерялся/твой подарок, веселый платок...»

А тягач оставляет за собой полосатый след, и непонятно, что длиннее: ночи и дни работы, часы сна или минуты одиночества, когда чувствуешь себя затерянным в океане островом.

Прошло пять лет. Я вернулась на родной Васильевский остров. Старого пирса больше нет, набережную заковали в бетон. Васильевский так никуда и не уплыл. «Что ты там так долго делала, на этом Сахалине?» — спрашивает старый давнишний друг. Что ответить? Хотелось рассказать, как строилась, росла Оха, как на глазах выросли мои друзья «молодые специалисты», становились настоящими людьми. Хотелось рассказать о том, как открылись мне здравый смысл, сложная, деликатная простота, доброта, прямотушность людей, с которыми пришлось жить и работать. Как лихо, крепко и красиво движутся их руки, как немногословны речи, щедры души. Еще о том, как прекрасны в марте сопки в Южно-Сахалинске, как идет нереститься кета — рыба к рыбе, и таежные речки на перекатах бурлят и горбятся. И отчего снится мне Тихий океан, его волны, как вспышки залпов, светящиеся в ночи у прибрежных скал... Но друг все бубнил: «Что за любовь к крайностям? Край света, Крайний Север!»

И, чтобы он замолчал, я прочла ему стихи: «Островитяне, островитяне...»

Жил-был человек-песня...¹

Вырубается лес... И чем реже стволы,
Тем труднее стоять в ожиданье пилы...
И чем меньше друзей, тем разряженной круг,
Тем пронзительней ветер грядущих разлук.

Глеб Горбовский

Жил-был солнечный человек-песня, поэт-жизнелюб Альберт Азизов. И вдруг — это, казалось бы, совершенно несовместимое с его личностью слово: смерть... Не верилось двадцать лет назад и не верится до сих пор, что никогда уже не услышу удивительный по богатству интонаций и эмоций голос, характерный тихий смех, что никогда не загляну в веселые глаза, излучавшие такой ясный, золотистый свет...

Наша дружба началась сорок лет назад, могла быть еще старше: в студенческие годы в период кратковременной и призрачной «хрущевской оттепели» мы одновременно начали публиковать свои стихи и выступать с их чтением. В 1956 году первая публикация моих стихов состоялась в институтской многотиражке «Горняцкая правда», и тогда же в «Смене» появилось стихотворение «Рыжик» Альберта Азизова. Мы принадлежали к одному литературному поколению, но наставников имели очень разных.

Знаменитое ЛИТО Горного института, где я училась геофизическим методам разведки нефтяных и газовых месторождений, возглавлял поэт Глеб Семенов. Мы, «горняки», «глебсеменовцы», славились как вольнодумцы. При редакции газеты «Смена» по пятницам под свое крыло молодых сочинителей собирал бывший фронтовик, поэт Герман Гоппе, и среди них самым ярким был «корабел» Альберт Азизов.

Рожденные в 1930-е годы, мы ничего или почти ничего не знали о кровавой подоплеке лет «трудового энтузиазма и грандиозных свершений». <...>

В 1957 году я окончила учебу в Горном институте и сразу уехала работать на Северный Сахалин, так и не познакомившись с Альбертом. Вернулась через пять лет. За эти годы стихи Азизова

¹ Азизов А. Не умирай, любовь... / Стихотворения и поэма. – СПб.: Изд-во «Историческая иллюстрация», 2004.

не раз публиковались и в ленинградских, и в центральных газетах, в журналах «Звезда», «Смена», а также в коллективном сборнике «И снова зовет вдохновение». Но все эти публикации мне были не известны.

С поэзией Альберта Азизова в печатном виде познакомилась лишь в 1964 году, когда мне в руки попала тонюсенькая брошюрка под названием «Колумбы», только что увидевшая свет в первой ленинградской «кассете» книг молодых поэтов Ленинграда. Художник В. Саксон в блеклой серо-зеленой гамме изобразил на обложке небо, море, кораблик и сверху жирными черными буквами: АЛЬБЕРТ АЗИЗОВ.

Помнится, прочитав эту книжечку, подумала, что автор еще не вполне осознает себя как «вечности заложник у времени в плену»: для него важнее право говорить от имени деятельных участников жизни, «влюбленных в дело парней», и себя как одного из таких...

Однако в его стихах явственно присутствовали искренние, живые чувства, его поэтическая одаренность. На собственном горьком опыте очень хорошо знала, как трудно было тогда издать первую книгу стихов, особенно искреннюю исповедальную лирику. Можно было, конечно, вовсе отказаться от попыток печататься и писать, что душе угодно, «в стол», ожидая лучших времен. Легко было догадаться: автор книжечки «Колумбы» на самом деле интересный поэт и личность. Убедилась в этом, когда на какой-то поэтической тусовке Альберт подошел ко мне и представился. Не скрою: внешне он понравился гораздо больше, чем его художочная первая книжечка. В этом парне ладного сложения, казалось, что-то искрилось и сверкало изнутри, и этот пульсирующий свет рвался наружу: и в открытом взгляде янтарных глаз, и в белозубой улыбке, и в тихом смехе, и в мелодичном голосе... Этот живой свет нельзя было не заметить, когда он читал свои стихи — артистично, выразительно, без модных «канторских» завываний (которые я тоже терпеть не могла). С этого вечера начались наши прогулки по городу вдвоем, которые продолжались в дальнейшем — через разные промежутки времени — почти 20 лет... Во время прогулок мы вели откровенные разговоры обо всем на свете. Но главное — о поэзии и поэтах. Читли Михаила Лермонтова превыше всех, даже

Пушкина... На ходу громко читали стихи — свои и чужие, иногда даже пели. Рассказывали друг другу о своих скитаниях по стране и миру, вспоминали военное детство, первых учительниц — провинциальных интеллигенток золотой пробы, влюбленных в отечественную литературу и театр, заронивших в детские души искорки пламени стремления к творчеству; любовались городскими реками и кораблями, звездным небом.

Альберт был умным и внимательным собеседником. Я не могла не зауважать такого знатока и тонкого ценителя литературы, музыки, изобразительного искусства. «Сто лет одиночества» Маркеса, «Чайка по имени Джонатан Ливингстон» Р. Баха, «Пир» и другие диалоги Платона, сочинения Плутарха навсегда остались со мной благодаря Альберту. Он был полон душевного и физического здоровья, исходившего от него, отсутствием ущербных комплексов; радовало его всегдашнее доброжелательство и добродушие, веселость характера. О нем сплетничали: называли ловеласом. Поначалу меня, если говорить честно, не на шутку затронуло его мужское обаяние, но, к счастью, мы вовремя припомним стихи Горбовского: «целовались два поэта, а ведь это — неприлично...» Да и знакомство с женой Алика Людмилой, и мое второе замужество предотвратили опасный поворот в наших отношениях. И они сохранялись в чистоте долгие годы. Мы откровенно делились житейскими и семейными заботами, говорили о своих детях. О Людмиле и своей матери Альберт всегда отзывался с благодарным уважением, называл обеих «вечными труженицами». Доченькой Мариной хвалился, радовался, что она растет умницей и красавицей. Как жаль, что он не успел порадоваться и на двух красавцев-внуков: воображаю, как любил бы их, как гордился бы...

Людмилу я впервые увидела, когда вместе с Аликом однажды, весьма поздно, явилась в их квартиру на Краснопутиловской. Она оказалась симпатичной и по-русски гостеприимной женщиной, тоже с веселыми и лучистыми глазами. В ее доброте мне довелось за последующие почти четыре десятилетия не раз удостовериться, и решение издать третью книгу Альберта на свои трудовые сбережения меня ничуть не удивило, я с радостью согласилась ей помочь. Вместе искали название будущей книги и выбрали из многих вариантов «Не умирай, любовь...» Первый раз я редактировала

стихи Альберта Азизова еще тридцать лет назад, когда работала в журнале «Аврора» в отделе поэзии (1969–1974). Моими кураторами в редколлегии журнала были Михаил Дудин, Сергей Орлов, Ольга Берггольц, Владимир Алексеев, Владислав Шошин. Они заинтересованно следили за отбором стихов для публикации. Одним из первых авторов, получивших единодушное «добро», был Альберт Азизов. Работать с его стихами и поэмой «Вторые» было интересно, тем более что он никогда не злился и не комплексовал, выслушивая замечания и советы.

Поэма «Вторые» была опубликована в апрельском номере «Авроры» в 1970 году и только через восемь лет во второй книге поэта «Середина поля» (Лениздат, 1978). В свою третью книгу эту поэму Альберт, однако, решил не включать, и мы выполнили его волю. Скорее всего, через десять лет после написания поэма показалась автору «пройденным этапом», потому что к началу восьмидесятых годов прошлого века его уже не устраивала прямолинейная декларативность, воинствующий романтизм поэтических монологов. Несмотря на несомненную искренность, актуальная эмоциональная публицистичность со временем утратила для него значимость.

Он, как и многие из нашего поколения, которые были не только людьми слова — литераторами, поэтами, но и реального дела, к сожалению, по молодости, до поры до времени упорно игнорировал аксиому: никогда, ни при какой власти поэт, писатель свободного честного слова не может быть угоден государству. Уважаемые нами в молодости литературные наставники, в отличие от нас, гораздо острее чувствовали леденящее мертвенное дыхание «зияющих высот» Советской Родины и отлично знали, насколько честное занятие литературой, поэтическим творчеством в нашей стране — смертельно опасно. Наученные горьким опытом, они учили нас «держаться фигу в кармане», пользоваться эзоповскими приемами иносказаний, намеков, подтекстов. Они по-своему пытались оградить нас, молодых, от вполне реальной опасности — гражданской и, увы, физической гибели. В результате употребление в поэзии слов Родина и народ стало считаться чем-то недостойным. Выражение в стихах любви к родной земле, стремление осознать исторические корни, связи с прошлыми поколениями тоже предлагалось понимать, как ни странно, сопричастным с рабским

служением существующему режиму, чем-то даже граждански подлым и, как ни парадоксально, вовсе не патриотичным. Но далеко не все поэты нашего поколения соглашались с этим поветрием, а это было опасно, так как от оногo зависело общественное мнение о литераторе. Так что на азизовский пафос надо было иметь большое мужество...

Он ни за что не хотел признавать себя пасынком, изгоем в своей стране, ибо причислял себя к деятельным работникам, которым «за вторые полвека первыми отвечать». «Фиги в кармане», эзопов язык были не для Азизова. И в повседневности он не осторожничал в критических высказываниях о внешней и внутренней политике властей, не скрывал непримиримого отношения к литературным репрессиям, травле лучших отечественных писателей. Времена-то вскоре после выхода его первой книги и до трагической кончины становились, как известно, все опаснее для правды-истины... Так что автор поэмы «Вторые» оказался между двух огней.

В своих убеждениях он, особенно когда дело касалось стихов, стоял на своем, был крепким орешком. Откуда бралась такая стойкость? Альберт рассказывал, что с детских лет рос без отца, но при любящей матери-труженице.

Александра Ивановна Амяльева, русская женщина 1907 года рождения, в числе 25 тысяч прочих была направлена на подъем сельского хозяйства в Костромскую область из Ивановской, в годы войны работала в военном госпитале в г. Нея, где в 1936 году родился и окончил среднюю школу сын Альберт. Его отец, Сергей Маркович Азизов, по национальности тат, умер от туберкулеза в Ярославле, когда сыну исполнился год. Российская глубинка, где он вырос, подарила ему любовь к песне, да и к людям, которые испокон веков без песен не живали. Думается, еще в детстве научился Алик доверию, уважению и вниманию ко всякой человеческой личности, умению сочувствовать и сострадать людям. Отсюда его всегдашняя готовность прийти на помощь, принять участие, разделить с друзьями и горе, и радость. И с детских лет, не иначе, органически возникли и его сынóвья любовь к родной земле, уважение к ее работникам и защитникам, желание найти свое место среди них. И было бы совершенно неестественно, если бы эта любовь не пела в его стихах, не была бы золотым стержнем его личности и творчества.

Итак, отношение к Альберту Азизову как поэту было неоднозначным. С одной стороны, ему удавалось чаще сотоварищей публиковаться в различных газетах, журналах, коллективных сборниках, да и побеждать во всесоюзных конкурсах поэзии, однако вторую книгу «Середина поля» издали только через 14 лет после первой.

С 1976 года, по совету нашего общего друга композитора Славы Пожлакова и с согласия жены, Альберт решил полностью перейти на литературное поприще. К концу 70-х относится его попытка стать членом Союза писателей СССР. Кроме Глеба Горбовского рекомендацию Альберту написал его старый «гуру» — поэт Герман Гоппе, считавший, что «Альберт Сергеевич Азизов давно профессионально и талантливо работает в советской поэзии. <...> Молодого поэта обошли многие модные поветрия, завихрения стихотворного свойства. Обошли потому, что все внимание сосредоточил на действительно важном и выстраданном. И прятать отсутствие мысли или несозревшее вдохновение за густой метафорической имитацией, за расхристанностью стихотворной формы, за свободой ассоциативного потока ему не надо».

Герман Гоппе утверждал, что «Азизов в обеих изданных книгах с художественной убедительностью и публицистической страстностью воспеваает праздник труда — работу...», что «главные герои его стихов — духовные наследники тех, кто в сражениях отстоял нашу Родину»; кроме того, он подчеркивал, что «внимание поэта сосредоточено на древнем источнике зла — инертности, на проблеме мещанства». Всего лишь?! Думаю, что такие формулировки скорее повредили, чем помогли Альберту: ведь он, как поэт, был талантливее, тоньше и умнее. Дело не спасала и мажорная концовка этой рекомендации: «Стихи А. Азизова интересны по сюжетному построению, образному видению, чужды описательности. В них всегда видна деятельная, определенная в своих симпатиях личность. Горячо и со всей ответственностью рекомендую принять Альберта Азизова в члены Союза советских писателей».

Дело с приемом Альберт внезапно отложил: решил готовить к печати третью книгу стихов и книгу для детей «Не от солнышка светло вам», которые не успел издать...

В создании песен успехи были весьма ощутимы. Еще в 60-е годы Азизов успешно дебютировал как поэт-песенник и с тех пор начал активно подвигаться в песенном жанре. Большой удачей была дружба с замечательным музыкантом и композитором, руководителем ансамбля «Поющие гитары» — Анатолием Васильевым, постановщиком первой в Советском Союзе рок-оперы «Орфей и Эвридика», удостоенным специального Лондонского диплома и объявленного «Человеком 1975 года». В 1978-м талантливый шоумен поставил вторую рок-оперу «Фламандская легенда», в 1982-м — мюзикл «Гонки», а затем несколько музыкальных спектаклей в Молодежном театре на Фонтанке. Почти сорок лет на эстраде и в эфире не перестает звучать «Синяя песня». Поэтичный русский текст Альберта Азизова и нежная музыка французского композитора Н. Седака, благодаря великолепной транскрипции Анатолия Васильева, составили удивительно прекрасное и органичное целое. Эта песня была лишь одной из многих на стихи Азизова, исполнявшихся ансамблем «Поющие гитары» с середины 60-х годов. Среди них, помнится, — песня «Землянам» (музыка А. Розенбаума), «Добры молодцы» (музыка Ю. Геворкяна), «Нет тебя прекрасней», «Смелость» (музыка Ю. Антонова) и другие. И еще не раз русские поэтические тексты Азизова звучали в исполнении «Поющих гитар» в органичном сочетании с музыкой зарубежных композиторов — Адамо, Моранди, Массиаса, Владивеноса в талантливых аранжировках Анатолия Васильева.

Успешным стало сотрудничество поэта и с ансамблями «Романтики», «Веселые голоса», с Ленинградским мюзик-холлом. Широкую популярность заслужила песня Азизова и композитора Анатолия Милославского «Прости меня, комбат»; «Балтийский берег» и «Четыре времени любви» Станислава Пожлакова; «Песня про царя Гороха и веселого скomorоха», написанная вместе с композитором Я. Дубровиным; «Тоска по Звенигороду» в музыкальном пересказе барда Бориса Полоскина; победительницей конкурса «Песня-72» стала песня «На взлет», созданная с композитором Александром Морозовым в исполнении Эдуарда Хила.

Наверное, можно было бы издать еще одну отдельную книгу — «Альберт Азизов и его песни». Более 46 песен на его стихи прозвучали на радио, телевидении, эстраде. Многие записаны на пластинках,

дисках, кассетах, но далеко не все зарегистрированы как его интеллектуальная собственность в Агентстве авторских прав, а некоторые знакомые мне тексты Азизова присвоены накрепко другими. Не только после его ухода, но и при жизни — с согласия его щедрой души.

Мы с Альбертом как-то рассуждали о том, как нынче создаются песни. От Азизова впервые услышала о так называемой «рыбе» и «подтекстовках». Он утверждал, что в песне главное — слова, поэзия, и музыка должна писаться на стихотворение, никак не наоборот, — за редким исключением, когда музыка вдохновляет поэта на поэтическое истолкование.

Под влиянием этих разговоров я написала три стихотворения, они потом стали песнями. «Колыбельная» и «К сыну» положены на музыку несколькими композиторами, третья, которая так и называлась «Песня», посвящена Альберту Азизову. Она кончается так:

Оттого ли, что дело – к осени,
Все твержу я слова прощальные:
«Ты живи-сияй, мое солнышко, –
Хоть за тучами, хоть за облаком...»

У каждого, даже самого жизнелюбивого человека, случаются моменты, когда жить становится невмоготу. Был и у меня такой момент в жизни, и, если бы не Алик, не писать бы мне этих строк. Целые сутки он был рядом, помогая набраться мужества, не падать духом, собираться не на тот свет, а в новую дорогу — на Север, на корреспондентскую работу в студеных морях, осуществить свою заветную мечту, о ней Альберту было поведено давным-давно. Это с его легкой руки я семь лет почти не появлялась в Питере: мечта о море, о плавании на ледоколах-атомоходах стало реальной жизнью.

...Мы виделись все реже и реже. Последний раз встретились в 1983 году в холодный, ветреный, но солнечный осенний день на набережной Фонтанки. Встреча была случайной: буквально столкнулись на бегу. Я спешила за авиабилетами в Архангельск, откуда мне предстояло отправиться в плавание на остров Хейса архипелага Земля Франца-Иосифа; Альберт торопился в Дом дружбы народов на какую-то деловую встречу. Я была счастлива

и радостно возбуждена предстоящим, Альберт, напротив, необычно печален, эмоциональной привычной энергии не чувствовалось.

«Это замечательно, что ты сбежала отсюда на севера, на моря», — сказал он довольно весело, но лицо его осталось грустным. «Да что это с тобой?» — не выдержала я. «Здесь стало очень опасно, Лида. Я стал ощущать это, как будто туча грозовая нависла. Улетай, беги скорее отсюда», — ответил он. Тревога погасила мою радость, захотелось заплакать, когда Альберт добавил как-то совсем тоскливо: «Завидую тебе, на флоте люди совсем другие, не то что в шоу-бизнесе. Этим палец в рот не клади. Откусят и не подавятся. Даже талантливых интересует не столько творчество, сколько самоутверждение и деньги. Мани, мани и еще раз мани — вот и все...» Таким потерянным, не похожим на себя видела его впервые. На вопрос о его домашних последовал короткий и странный ответ: «Виновен, не прощен, но помилован». Я не решилась на дальнейшие расспросы... Прощаясь, Альберт сказал: «Как вернешься, сразу позвони: будем живы — встретимся по-человечески, а не так...» Я выполнила его наказ: как только вернулась (через год!), позвонила, но никто мне не ответил. И еще долгое время не знала о трагической гибели друга, лучше которого у меня не было.

За двадцать последующих лет при самых разных ситуациях, в горе и в радости, сколько раз думалось: «Эх, был бы Алик...».

...Бывало, зазвонит среди ночи телефон — хватаю трубку, а там — молчание... И приходит мысль — Алик не молчал бы, сказал: «Привет, дружище! Хорошо, что застал тебя в городе» (ведь мы оба постоянно куда-нибудь уезжали, улетали, уплывали, сбежали из Питера); затем он почитал бы мне новые стихи (я — ему) или прислонил бы трубку к магнитофону, чтобы я могла слышать его новые песни. А потом мы договорились бы встретиться где-нибудь на набережной — у Сфинксов или на причале около «Железного Вани» — памятника славному кругосветному мореплавателю Ивану Крузенштерну. И побрели бы по нашим любимым улицам города, наперебой рассказывая, где побывали, каких людей встретили, пустились бы во взаимные откровения о делах сердечных и семейных. И конечно — стихи, стихи и стихи, песни и частушки, визиты в мастерские друзей-художников, в мансарды и подвалы, разумеется, не с пустыми руками, а «с хлебом, вином

и котлетами», как положено «людям из долины». А там снова были бы стихи и песни! Да еще и рисунки, и картины, и нешуточные споры о смысле жизни, о литературе, искусстве, политике.

Увы, все это было бы сейчас невозможно: ныне почти всех бывших хозяев этих мастерских можно навестить только на кладбище: одни из них упокоились в родимой земле, а другие — в обетованной, но чужой. Немногие оставшиеся остепенелись, на родине или за ее пределами, и уже не так радушно приняли бы непрошенных гостей. Не смогли бы встретиться и с друзьями молодости — поэтами: ни с Леней Лучкиным, ни с Валерой Козлиным, ни с Леней Агеевым... Да и со Славой Пожлаковым, Божией милостью композитором: пока готовилась к печати эта книга, куда он вставил об Алике доброе слово, дорогой друг тоже ушел из жизни при невыясненных трагических обстоятельствах...

Казалось, человек добрый, щедрый, Альберт не мог иметь врагов, но обладая редким даром пронизательности, умел замечать в людях скрытые червоточины, стыдные и тщательно скрываемые, мог сказать об этом или прямо спросить у человека, справедливы ли его подозрения. И частенько попадал, как говорится, не в бровь, а в глаз, что не раз вызывало в ответ злобу, даже слезы, мужские и женские истерики. Многие завидовали ему: одни — как красивому мужчине, который нравится женщинам, другие — как талантливому и востребованному поэту-песеннику. Кое-кто не прочь был присвоить его тексты, использовать его строки, творческие замыслы. «Все было веселым в начале, все стало печальным в конце...» — как сказал незабвенный Николай Рубцов, убиенный на одиннадцать лет раньше Альберта Азизова. Убийца Николая известна и наказана, а вот убийцы Алика ушли от возмездия.

Альберт Азизов предугадал свою гибель: понял, что не угоден тьме. Она беспощадно старается поглотить тех, кто излучает свет. Но, к счастью, этот несказанный свет — негасим: он остается людям — в музыке, в стихах и песнях, таится в книгах, рукописях, творениях изобразительного искусства, кинолентах. Он звездно сияет в памяти любящих сердец.

Алик, мы помним тебя!

Музы верный рыцарь¹

Борис Тайгин — личность в Петербурге легендарная. Он петербуржец подлинный, природный, а посему — в силу своей крайней скромности и порядочности — никогда не искавший ни громкой славы, ни широкой известности в литературном мире России.

Впрочем, подобно многим другим его и моим землякам — талантливым поэтам и литераторам, вернее, рыцарям отечественной словесности, не обуянным бесом тщеславия, демоном гордыни... Но известность и слава когда-то сами приходят к таким, как Тайгин. И очень хорошо, когда это случается все-таки при жизни. Является не как мыльный пузырь, а навсегда — покуда живо русское слово, пока бьется сердце русской поэзии, как честно заслуженная награда за труд всей жизни...

Глеб Горбовский о Борисе Тайгине так написал в предисловии к его первой книге «Право на себя», изданной в 1992 году: «Бориса Тайгина я знаю более тридцати лет, то есть всю сознательную жизнь. Чем занимались мы все эти годы, помимо неизбежной “борьбы за существование”? Служили, как могли, поэзии. Верили в нее, молились ей, потому что она была нашим земным богом. И если я издавал книжки своих стихов, то Борис издавал книжки друзей, и не только друзей, но почти всех даровитых стихотворцев своего времени, чьи стихи отметала с порога издательств цензура или стихи хоть и печатались помаленьку в периодике, но далеко не все и в искаженном виде. Итак, речь о самиздате. Домашнее (подпольное) издательство “Бэ-Та” просуществовало с середины пятидесятых до наших дней. Тиражи мизерные — от одного до, самое большее, десяти экземпляров. Но книги все ж таки рождались, открывали глаза и видели свет».

Об издательстве «Бэ-Та» и об авторах я расскажу подробнее несколько позже и поэтому опушу пока сказанное об этом Глебом, ибо с тех пор прошло около десяти лет, и многое можно теперь добавить, зато уже «не вырубешь топором» вот что: «Я знал, что Борис Тайгин сам пишет стихи. Такой человек не мог не писать. Под их властью и чарами совершалась его жизнь. Но почти никто не был с этими стихами знаком. Писались они “в стол”, для себя.

¹ Борис Тайгин в воспоминаниях друзей / Сост. А. Ф. Домашёв. — СПб.: Изд-во «Историческая иллюстрация», 2012.

И вот — для себя же и для своих друзей — Борис Тайгин решил, наконец, издать эти стихи за свой счет. По-моему, благое дело. С удовольствием приобрел бы такую книжечку, названную “Право на себя”. Потому что книжечку эту написал подвижник...»

Горбовский честно признается, что не может препарировать — анализировать творчество Бориса Тайгина, потому что стихи принадлежат «человеку, отдавшему поэзии больше, чем жизнь, — душу». Слова, написанные 14 мая 1991 года, ничуть не устарели.

Передо мной кроме первого сборника «Право на себя» (тираж 1000 экз.) второй сборник стихотворений Бориса Тайгина «Русский коллаж», вышедший тиражом 120 экз. В первый сборник вошло 59 стихотворений, выбранных из всех написанных за 30 лет! И еще авторизованные переводы стихотворений Урхо Таннера — с финского, да поэма «Солнечный конус». Во втором сборнике опять-таки строго отобранные стихи из написанных за семь лет: с 1992 по 1999 год; и несколько стихотворений периода более раннего, всего-навсего 50... Судите сами, какова строгость к себе! Вряд ли эти книжечки-брошюры дойдут до всех читателей — любителей русской поэзии, живущих за пределами нашего города. Вряд ли о них будут написаны литературоведческие статьи. Я тоже не берусь за критический разбор этой квинтэссенции, «верхушки айсберга» творчества Бориса Тайгина. Но осмелюсь утверждать: за каждой его строчкой подлинная жизнь, его собственные мысли, любовь, страдания и восторги, честность, искренность, верность и мужество, рыцарское отношение к женщине и Музе, то есть его самобытный поэтический талант.

Я рискну привести слова поэта Анатолия Домашёва из послесловия к сборнику «Право на себя»: «В книге — весь путь Б. Т., вся жизнь, которые, несмотря на некоторую зашифрованность, нарочитую закодированность стихов и сознательную хронологическую перетасовку, все-таки просматриваются. Угадываются его прошлое и настоящее, его взгляды и принципы, бескомпромиссное жизненное кредо. Временами может показаться, что авторский мир ирреален, потому что образы его абстрактны (“заносит Осень свой кулак”, “пространство лежащей восьмеркой закручено”), потому что слова у него — не только Бог и Господь, но и Радость, Осень, Тлен, Зло,

Черный Час — написаны с большой буквы! Иногда стихи статичны, в них вроде бы ничего экстремального не происходит: просто тучи рваной вереницей мчатся куда-то вдаль; просто садовник цедит ароматный мед; просто каменные пирамиды зданий; просто крик в ночном переулке... Что это? Уход в себя, поза, внутренняя эмиграция? И вдруг — деталь: бросают флаги в кузов... Вдруг — строка: «Я выхожу на берег Лены, вода — целует сапоги», и возникает картина, неожиданно ощущаешь прорыв в реальную жизнь. Начинаешь осознавать, что за словами с большими буквами не символы, а смысл жизни, ее содержание, которое хочет донести до нас автор».

Однако не только писание стихов, строгий их отбор для публикаций — дело жизни поэта Бориса Тайгина. Естественно возникает вопрос: как и когда он начал служение поэзии, на какой почве и от каких корней сформировалась недюжинная личность?

По материнской линии его предками были немецкие мастера стеклодувного дела из Гамбурга, приглашенные Петром Великим в строящийся Петербург. Из поколения в поколение они жили и трудились в России, в Петербурге на Васильевском острове владели стекольным заводом, сожженным в 1917 году. Тайгин говорил мне, что в Либаве до сих пор действует филиал завода. Именно поэтому в его стихах можно найти немало «немецких» мотивов и даже вкрапления строк на немецком языке в посвящениях друзьям из Германии.

В стихотворении поэту Отто-Карлу Хольцманну он называет себя иронически: «невозвращенец с трехсотлетним стажем». Это, скорее, шутка, не более. Как известно, обласканные Петром Великим немецкие мастера и их потомки верой и правдой веками служили (и по сей день служат) России. Обрусели давным-давно, но тяготеют к лютеранству. Васильевский остров — альма-матер, родная земля этой диаспоры россиян. По паспорту они давно не немцы, но сохранили в характерах такие замечательные черты, как трудолюбие, педантичную аккуратность, надежность во всем, честность, доходящую до щепетильности; упорство в стремлениях и делах и столь редкую пожизненную верность в любви и дружбе. Все это в Тайгине есть. По отцовской русско-крестьянской линии тоже досталось ему по наследству немало ценного и опасного, в том числе нелюбовь к компромиссам, мужество, верность избранному пути, вера в Бога.

С юности Бориса влекла красота, музыка. И в конце сороковых он включился в кустарное изготовление граммофонных пластинок («музыка на ребрах») на мягкой синтетической основе рентгеновских пленок. Это были копии танцевальных и вокальных зарубежных пластинок, воспроизводивших звучание эмигрантских оркестров, музыкальных групп и солистов — Петра Лещенко, Константина Сокольского, Аллы Баяновой, русских цыган и так далее.

В 1950 году его труды заметили «соответствующие органы» и дали пятилетний срок заключения. Два с половиной года (спасла послесталинская амнистия) он провел в лагерях приполярного Урала. Именно там Борис, по его признанию, написал первые песни «тюремно-лагерной» тематики, которые звучали по вечерам под гитару в спальнях бараках. Они имели успех, помогали людям сохранять достоинство. К этому же времени относятся первые попытки писать стихи, переросшие после освобождения в серьезное увлечение. В 50-е годы Борис познакомился с двумя поэтами старшего поколения, которые вместе отбывали срок за любовь к поэзии и правде. Это были Георгий Мельников, по прозвищу Череп, севший за публичное чтение стихов Гумилева, и Игорь Михайлов — дерзнувший в стихах сказать правду. Мне тоже посчастливилось их узнать, но гораздо позднее. Могу утверждать, что они люди прекрасные и удивительные, у которых было чему поучиться: и мастерству, и гражданскому мужеству.

Для Тайгина 60-е ознаменовались знакомством с молодыми поэтами, но уже явно отмеченными талантами и самобытными характеристиками — Глебом Горбовским, Александром Моревым, Николаем Рубцовым, Юрием Паркаевым, Виктором Соснорой, Иосифом Бродским, Дмитрием Бобышевым и многими другими, назвать которых тоже стоило бы.

В декабре 1961 года Б. Тайгина приняли в литературное объединение «Нарвская застава» при Дворце культуры им. А. М. Горького, одно из многих литературных сообществ поэтов, где изучались основы теории и практики стихосложения, история поэзии русской и советской, а главное — стихи, стихи, стихи. Раз в неделю собирались члены объединения, которым руководил профессиональный литератор — поэт Игорь Михайлов, а до него — поэт Наталия Грудинина, «литературная мама» многих ленинградских поэтов.

И именно она сразу заметила яркое дарование Коли Рубцова, обрадовалась ему, помогла рабочему пареньку твердо уверовать в свое высокое призвание и великие силы. Мне довелось долгие годы знать эту замечательную женщину, ощущать ее внимание и заботу. И помню, как с великой нежностью и болью говорила она о Рубцове...

Надо сказать, литературными объединениями 50–60-х годов в Ленинграде руководили бывшие фронтовики, ставшие профессиональными литераторами. Они научили искать и осознавать поэтическое родство, являть некую соборность служения поэзии как свету, как Богу. И превалировала тогда не зависть, а радость за чужие успехи, за удачные строки, стихи, публикации друзей и талантливых современников.

Нас учили отваге, внутренней свободе и пеклись, как о родных. Да, было у кого учиться! И высока была «планка», чтобы издать книгу, стать членом Союза писателей. Но многие талантливые люди десятилетиями оставались «за бортом», не могли печататься официально, их рукописи в издательствах мусолились десятилетиями или не принимались вовсе. Однако тогда не производилось столько литературной макулатуры, такого массового издания ничтожных сочинений, исполненных самоутверждения, как мы видим сегодня.

Одаренных поэтов и прозаиков в Ленинграде всегда было, конечно, не меньше, чем в Москве, хотя та и питалась талантами провинции куда щедрее. Именно в начале 60-х Тайгин активизировал свой самиздат, желая сохранить, распространить все лучшее, что рождал Поэтоград на Неве, и не только на Неве.

Что же было издано за весь период тайгинского издательства «Бэ-Та»? Я попросила Бориса припомнить. И он, как обычно, с педантичной точностью составил для меня удивительную справку. Из нее явствует, что с машинописных текстов, рукописей и редких изданий произведений авторов Тайгиным выпущены сборнички-брошюры Маргариты Ногтевой, Вячеслава Кузнецова, Всеволода Ловлина, Владимира Корнилова, Иосифа Оскара, Николая Заболоцкого, Константина Кузьминского, Елены Тагер, Жанны Бровиной, Юрия Паркаева, Беллы Ахмадулиной, Сергея Макарова, Анатолия Домашева, Олега Тарутина, Ильи Сельвинского, Игоря Михайлова, Маргариты Решетниковой, Абрама Эфроса, Михаила

Коносова, Виктора Соколова, Евгения Рейна, Наталии Горбаневской, Дмитрия Бобышева, Эстер Вейнгер, Эдуарда Шнейдермана, Боба Безменова, Станека Киселева, Якова Гордина, Бориса Бирюкова, Игоря Холина, Геннадия Алексеева, Михаила Еремина, Виктора Мамонова, Николая Гумилева. И, конечно, уникальные сборнички стихов Николая Рубцова, Иосифа Бродского и Глеба Горбовского. Но об этом разговор особый.

Вы удивитесь и, может быть, рассердитесь: чего она наперечисляла?! Объясню. Многие стихи талантливых поэтов в их первоначальном виде находятся только в тайгинских сборничках, хранящихся в его доме и у друзей в России, Америке и в Германии.

Тайгин — создатель уникальнейшего литературного архива, к которому уже многократно обращались москвичи, вологжане, петербуржцы, эмигранты. И еще многие поэты, литературоведы, кинодокументалисты, журналисты и любители русской поэзии будут обращаться к его фонотеке, с молодыми голосами многих поэтов, к его собранию фотографий.

Круг литературных пристрастий Бориса Тайгина может показаться весьма избирательным, спорным и даже разношерстным. Но это его святое право, и его надо уважать, тем более что никто не посмеет уличить Тайгина в какой бы то ни было корысти в таком отборе или недоброжелательстве. <...> И никаких обид тут тоже быть не может.

Если о значимости всех и каждого из изданий «Бэ-Та» возможны разногласия, то в отношении трех поэтов-современников Борис Тайгин бесспорно совершил литературный подвиг. Прежде всего — речь идет о Николае Рубцове. Его судьба и творчество, казалось бы, всем известны: после трагической гибели в Вологде и по настоящее время периодически выходят сборники его стихов, воспоминаний тех, кто знал (и не знал!) его, кто дружил (и якобы дружил!) с ним, а также много научных литературно-критических статей о его поэзии и личности. Даже его убийца, не унимаясь, пишет и публично выступает с рассказами и легендами о своей жертве...

Однако при жизни в свет вышли всего четыре небольших сборничка его стихов. А в 1998 году Борис Тайгин вместе с бывшим офицером Алексеем Антуфьевым, земляком Рубцова по Никольскому, подарили любителям русской поэзии типографское издание

(тиражом 200 экз.) первой книжки Рубцова «Волны и скалы», составленной еще летом 1962 года самим автором — без редактуры, без цензуры — и изданной Тайгиным в «Бэ-Та». Через 35 лет после выхода «самиздатовской» книги Николая Рубцова появилась ее точная копия с одной разницей: вместо машинописного текста был использован компьютерный и добавлено «Два слова от издателя» — Тайгина; кроме того, добавилось и «Приложение»: «Ленинградский год Николая Рубцова». (Страницы воспоминаний Бориса Тайгина, май — июнь, 1974 г.) Думаю, эту часть следовало бы полностью опубликовать. Надеюсь, это произойдет, хотя бы в сокращении! Книга остается библиографической редкостью, хотя дополнительный тираж, осуществленный Алексеем Антуфьевым с разрешения Тайгина, — 1300 экз. А что это для читающей России!

В тексте «Вместо предисловия» (так и называется страничка, добавленная в конце издания Алексеем Антуфьевым в октябре 1997 г.) очень хорошо сказано: «Что такое первая книга стихов для поэта? Это как первая любовь, первое свидание, ожидание первого ребенка... Можно только представить, что значила она для него тогда (Н. Рубцова). Да и впоследствии она оставалась его талисманом, путеводной звездой. <...> Николай Рубцов скрупулезно работал над этой книгой: несколько раз редактировал стихи, добавлял новые. Немногие знают, что Николай Михайлович хорошо рисовал акварелью и сам оформил обложку».

Тайгин свидетельствует: «С этой книжкой в руках Николай Рубцов сдавал приемные экзамены в Литературный институт и потом никогда не расставался с ней». Тайгин считает особенно ценным, что в этой книге собраны все лучшие, по мнению автора, стихи, характеризующие начало его творчества: «Этот сборник он посвятил М. И. Лагуновой — учительнице русского языка и литературы Хибинского горного техникума, в котором в свое время учился. И сегодня эта юношеская книжка не только не утратила своего значения, а стала особенно нужной и значительной для литературоведов». <...>

После выхода книги «Волны и скалы» Тайгин издал в своей «Бэ-Та» сборничек «Успокоение» из 39 стихотворений Николая Рубцова. Как он обозначил, подборка сделана автором в 1969 году, не сомневаюсь, что Борис с абсолютной точностью воспроизвел ее.

Но сборничек этот я не видела и поэтому больше сказать о нем ничего не могу.

Мало кому известен факт, что первая книжка стихов Иосифа Бродского тоже вышла в тайгинском издательстве «Бэ-Та», а затем была переправлена за рубеж в надежные руки друзей, издавших ее типографским способом. В приложении к первому тому «Собрания сочинений Глеба Горбовского» Борис Тайгин опубликовал стихи Иосифа Бродского, посвященные Глебу.

И все-таки не Николай Рубцов и не Иосиф Бродский, а Глеб Горбовский стал для Бориса Тайгина главным другом жизни и любимым поэтом. Достаточно сказать, что с 1960 года Тайгин бережно собирал и издавал почти все, что выходило из-под пера Глеба, отдельными машинописными сборниками. Уже на 1 января 2000 года таких сборников оказалось более 90! Только из стихов 90-х годов Борис собрал 2000! В интервью, взятому у него поэтессой Людмилой Барановой, он вспоминал: «Однажды мне дал листочки с рукописями своих стихов Глеб Горбовский. Я их перепечатал на машинке, прошил листки по краю, приклеил обложку из ватмана — получилось нечто, похожее на книжку!» Дело в том, что в издаваемые книжки творчество Горбовского никогда не вмещалось. А Тайгин четыре десятка лет собирал все — и как есть! Горбовский это очень высоко ценит: «Он лучше меня знает и помнит, когда и где написано то или иное мое стихотворение...» — пишет он в предисловии к «Окаянной головушке», называя Тайгина первым среди тех, кто помог ему в составлении книги.

До начала совместной работы я около 20 лет жила и работала на Крайнем Севере, Бориса Тайгина близко не знала, хотя, конечно, многое слышала о нем и от Глеба, и от других. Да и с самим Глебом долгие годы была далека — задолго до тех самых пор, когда появился в его жизни Борис Тайгин — как верный друг, педантичный собиратель и ревнитель его стихов. Судьба свела нас на закате жизни. И появились общие планы, дела, заботы и радости...

Главная общая радость — некое «второе дыхание» у поэта Глеба Горбовского во второй половине 90-х, на седьмом десятке жизни, — месяцы ежедневного писания стихов, многие из которых прекрасны. Главное горе — сменяющиеся творческие периоды, дни и даже недели, о которых не хочется говорить и которые трудно было

пережить. <...> И тут Борис старался успеть: не дать «под пьяную лавочку» растащить новые стихи и книги, помочь отобрать материалы для публикации в журналах и газетах, отправить их по назначению.

В такие периоды не раз случалось и неприятное, и обидное... Так что у Тайгина с Горбовским за почти полвека дружбы и сотрудничества было немало мгновений, которых лучше бы не было никогда. Но какая все это ерунда в сравнении с главным — поэзией, их общим служением ей. За это можно все друг другу простить. И они прощали...

После выхода в свет «Окаянной головушки» мне посчастливилось вместе с Борисом Тайгиным и Николаем Астафьевым работать над изданием новой книги Глеба Горбовского «Распутица», затем над совместным с Тайгиным проектом первого собрания сочинений Глеба Горбовского в семи томах. <...> Наша общая радость!

Не скрою, я не разделяла убежденности Бориса в совершенстве и значимости абсолютно всех стихов Горбовского, а также в отсутствии его права, как автора, изменять к лучшему первоначальные тексты, редактировать свои стихи. Признавая право Тайгина использовать нетрадиционную орфографию и пунктуацию, я горой стояла против попыток применения их к стихам Горбовского, ревнителя родного языка. Мне не понравилась брошюра «Шкатулка», которую никак нельзя включить в библиографию как авторский сборник по причине, что издавалась она без ведома и согласия автора на все там мыслимые и немыслимые нарушения правил правописания... Однако я никогда не решалась ни на какие конфликты, тем более — грубости: уважала и ценила Бориса. В целом мы работали очень дружно!

Издание «Собрания сочинений Глеба Горбовского» осуществляется после ухода Бориса. И положила руку на сердце могу сказать: если бы не сорокалетний подвиг Тайгина, разве возможно было бы собрать такой объем материалов в столь малый срок, чтобы успеть издать в намеченное время? Конечно же нет. Низкий поклон ему. За все! Признаюсь, уговорила его жену Нину Михайловну отказаться от кремации, не развеивать его прах над Невой, а сделать местом упокоения родовое Смоленское кладбище. Да будет ему земля родного Васильевского острова пухом...

Память Ямала



Друг — лишь тот, кто всей душою
Рад помочь тебе на деле,
Тот, кто сердцем тебя слышит,
Дух твой, мысли понимает.
Это значит, что однажды
Вы друг в друга заронили
Настоящей дружбы зерна,
И теперь ростки цветут.

Леонид Лапцуй
(перевод Лидии Гладкой)

Звучащие благодарной памятной радостью и сердечной печалью голоса официальных лиц, друзей, товарищей и людей разных сфер деятельности, знавших Лидию Гладкую долгие годы по работе, дружбе, да и просто по жизни в далеком Ямале, достигли пределов Петербурга. Принятые редакцией и дополненные дневниковым отзывом Лидии Дмитриевны о северянах, они включены в эту рубрику.

Правительственная телеграмма

Уважаемый Борис Борисович!

Депутаты и коллектив аппарата Законодательного собрания Ямало-Ненецкого автономного округа выражают глубокое и искреннее соболезнование по поводу ухода из жизни близкого человека — Лидии Дмитриевны Гладкой.

Лидия Дмитриевна — талантливый творческий деятель, человек глубокоуважаемый и благожелательный наставник. Ее природное дарование, исключительная работоспособность, профессиональный литературный дар и требовательность к себе вызывают заслуженное уважение всех, кому довелось с ней работать, общаться. Она много сделала для жителей Арктического региона. Ее вклад в культурно-просветительскую, общественно-политическую жизнь автономного округа, сохранение культуры и традиций коренных малочисленных народов Севера — бесценен.

Мы глубоко скорбим и разделяем вместе с Вами боль утраты родного Вам человека. Память о Лидии Дмитриевне останется в наших сердцах и сердцах ямальцев.

3 апреля 2018
г. Салехард

С. М. Ямкин
председатель Законодательного собрания
Ямало-Ненецкого автономного округа

Телеграмма

Многоуважаемый Борис Борисович!

Примите мои искренние соболезнования по поводу кончины Вашей мамы — светлого человека, северянки и друга северян. Северный Ледовитый океан, северные моря и северные просторы, люди Севера были ее стихией, ее любовью. Поэзия Лидии Дмитриевны Гладкой полна философских размышлений. Вклад Вашей мамы в переводы ненецких поэтов, особенно поэзии Леонида Васильевича Лапсуя, бесценен. Много души и сердца третила на помощь людям. Она была одним из экологических защитников природы Ямала, одним из первых активистов движения коренных малочисленных народов Ямала за свои права и законные интересы.

Наша дружба началась, когда я еще была практически девочкой. Она поддерживала меня теплым словом, добрым советом, здоровой критикой, веселой шуткой. Помню совместные обсуждения концертных программ в целях расширения репертуара наших коллективов и создания аутентичных аборигенных сценических образов на профессиональной сцене. В частности, вспоминается сводный концерт «В семье единой» с участием фольклорных коллективов Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского автономных округов, представленный в рамках Второго межокружного семинара фольклористов и литераторов Тюменского Севера, проходившего в Салехарде. Ее стремление дойти до самой сути исследуемого явления поражало и восхищало, ее стремление к правде служило образцом для подражания.

Ее светлый образ навсегда останется со мной.

Передайте всем родным и близким, что я скорблю вместе с Вами.

2 апреля 2018

Елена Пушкарева (урожденная Лапсуй)
первый доктор наук ненецкого народа,
советник Российской Федерации 1-го класса

Тонкий лирик, вдумчивый собеседник, надежный друг¹

Владимир Волошин

Судьба свела Лидию Дмитриевну Гладкую с коллективом редакции окружной газеты «Красный Север» в переломный момент становления новой России. На волне гласности, самокритичного подхода к анализу дальнейшего развития государства, спора о перспективах нефтегазовой целины Ямала кратно возросла значимость окружной прессы. Альтернативная точка зрения на многие процессы, происходившие тогда в общественном сознании северян, — вот, пожалуй, отличительная черта творческого почерка «красносеверцев». Лидия Гладкая в своих газетных публикациях смело защищала интересы и позиции коренных жителей округа. Именно она стояла у истоков создания общественной организации «Ямал — потомкам!», была инициатором проведения межрегиональной экспедиции по спасению реки Оби. Многие из ныне действующих на Ямале поэтов и прозаиков прошли обкатку в творческой мастерской Лидии Гладкой. Для них она была не просто задушевым другом, но и взыскательным читателем, критиком, редактором. Открытый характер, природное дарование задушевного наставника соседствовали с принципиальностью, неприимимостью борца за справедливость. Порой это аукалось ей. Некоторым Лидия Дмитриевна казалась человеком чудаковатым, оторванным от груза повседневности. Но за этой «чудинкой» скрывалась целостная натура — тонкий лирик, вдумчивый собеседник и надежный друг.

Ольга Лобызова

Пятого апреля 2018 г. в Александро-Невской лавре Санкт-Петербурга прошло отпевание Лидии Гладкой. Она была поэтом-переводчиком, общественным деятелем, человеком, связавшим свою жизнь на много лет творчески, дружески и организационно с Ямало-Ненецким автономным округом. Ко дню прощания и церковного поминовения приехали друзья-ямальцы — Галина Харючи,

¹ Народный журнал «Северяне». № 3. 2018.

Гаврила Лагей, Людмила Ефремова. Коллега-журналист и большой друг Л. Д. Гладкой Анастасия Тимофеевна Лапсуй, не скрывая общей горькой печали, сказала, что ушел не только товарищ по перу и духу, но и человек, с уходом которого осиротели поэты, прозаики, фольклористы из коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Ведь она распахивала двери для них в большую литературу своими переводами. И сотни изданных с ее участием книг никогда не забудутся.

Сердечно отозвался о Лидии товарищ по редакции газеты «Красный Север» Евгений Лебедев: «И куды ж ты так поторопилась, а, Лидуся? Полоснуло той вестью, как бритвой по живому. Долго заживать та полоса будет. Прокручивается в памяти кинолента с завязками узелков лет, а в них — событий, встреч! То в чем сойдемся, то про что ругнемся!

Да ведь все по-живому и по-человечьи. И всякому лыку в строках место находилось. Теперь так и не поговорить! Редко, да метко! И ведь что интересно: маешься вопросом, формулировкой, сутью, оказываешься рядом с Лидусей — два-три слова и задумка выправлена. Мудрости ее хватало на всех нас. Земля тебе, дружище, пухом и Царствие Небесное! Но с нами ты своими мыслями, работами, доброжелательностью. Память вечная!»

С. Н. Харючи
*Почетный гражданин ЯНАО,
чл.-кор. РАЕН, доктор юридических наук*

Хадакоця Лида¹

Как часто мы бываем наивны по-детски, полагая, что с нашим товарищем, другом, самым близким ничего не может случиться, потому как он (или она) великий жизнелюб, трудяга, творец-созидатель, да и просто очень хороший человек. У тебя с ним одни добрые помыслы, совпадают взгляды на жизнь, сходятся планы на будущее, круг общения определяется, как правило, доверием и коэффициентом полезных дел. И откладываешь важные разговоры на потом.

¹ Хадакоця Лида – бабулечка Лида (нен.).

И вдруг... обрывается в одночасье связующая нить. Так было у меня с Леонидом Васильевичем Лапцуем, которого знал с детства. Большой друг моего отца, он часто гостил в нашем чуме. Было время, когда наши квартиры находились на одной лестничной площадке и я, наверно, одним из первых слушал его произведения.

Такой же неожиданностью был уход хантыйского поэта, прозаика Прокопия Ермолаевича Салтыкова; вместе работали в Ямало-Ненецком окружном телерадиокомитете и в Окружном центре национальных культур. На досуге, по моей просьбе, Прокопий Ермолаевич читал не только свои стихи, но и Некрасова, Есенина, и многих мастеров словесности, так искусно рисовавших красоту русского Севера. Это были особенные минуты душевного наслаждения. Как жаль, что не оказалось в моей домашней библиотеке книг дорогих мне людей с их автографами.

Ненецкая «хадакоця» — Лидия Дмитриевна Гладкая — боготворила двух ярчайших певцов Ямальского края. При встречах мы нередко вспоминали об их любви к родной земле, взрастившей таких самородков. Она могла часами говорить об их творчестве, отмечая талант каждого. Печалилась раннему уходу из жизни, утешаясь, что успели воздвигнуть себе «нерукотворные» памятники.

Темой наших разговоров с Лидией Дмитриевной в первую очередь были вопросы и проблемы сегодняшнего состояния письменности и литературы северных народов, да и в целом народов России. Часто возмущалась теми, кто, вместо того чтобы решать их, кинулись на зарабатывание денег. «А ведь пропадает, исчезает созданное веками корневое народное», — твердила она.

Тут же обсуждались планы и программы. Обозначенного собеседницей для осуществления хватило бы целым творческим лабораториям. Так широко и основательно представляла Лидия Дмитриевна работу государства в этом направлении. Я всегда восхищался масштабами ее инициатив, но для себя обозначал: исполнить хотя бы половину того — и можно быть спокойным за будущее многонациональной России.

Лидия Дмитриевна была в буквальном смысле мощнейшим генератором идей и проектов, причем не мелочных, а глобальных. Ее редчайшая фантастическая работоспособность опережала все мыслимые и немыслимые графики исполнения; в чем мы,

единомышленники, еще раз убедились, когда она за два с небольшим года собранный ею богатый материал о Ямале развернула в широкое многоцветное полотно и опубликовала его в книге «Прокладывающий тропу. Нудондана» (2007). Наша Хадакоця удивила, пожалуй, не только нас, но и маститых мастеров слова и пера. Я поинтересовался у специалистов в этой области, каким временем можно измерить подготовку издания объемом в 1032 страницы. Ответ ввел меня в ступор: не менее пяти (!) лет. А ведь на Лидии Дмитриевне параллельно лежала забота о выходе в свет произведений мужа — ярчайшего русского поэта Глеба Яковлевича Горбовского, который, к сожалению, ненадолго после ее ухода задержался в этом мире.

Нужно отметить одну немаловажную вещь (а может, самую значительную) в ее труде «Прокладывающий тропу»: при описании сложного пути главного действующего лица ей удалось создать целую энциклопедию по истории края, отразить эпоху и время, государственную политику и жизнедеятельность народов Севера. В этом проявился особый талант автора-составителя...

Вспоминаю наше знакомство в конце 80-х годов и невольно продолжаю восхищаться ее мощной энергией в тот период. Чего стоило организовать, провести и сделать традиционными «Лапцувские чтения». А ведь противников было много, в том числе в официальных кругах. Сегодня это не только востребованный проект наряду с другими совершенными ею деяниями в образовательном процессе на Ямале, в соседних округах, в Санкт-Петербурге, но и дань памяти ненецкому поэту Л. В. Лапцую и его переводчице — великой русской женщине Лидии Дмитриевне Гладкой.

Я часто навещал ее дом, где она была женой, матерью, любящей бабушкой, доброй, гостеприимной и хлебосольной хозяйкой. Как правило, встрече предшествовало приглашение по телефону: «Ждем Вас на чай, Сергей Николаевич». — «Но при одном условии, Лидия Дмитриевна, — предупреждал я, — только на чай. Не будете же мне портить фигуру всякими яствами». — «Хорошо. Разве только что-нибудь к чаю...» — слышалось в ответ. И так каждый раз при моем пребывании на берегах Невы. Лидия Дмитриевна была настоящей хранительницей традиций русского уклада.

Далеко не всякой бабушке присваивается статус «Бабулечка» (Хадакоця). Когда-то так называли ее детки нашего композитора Семена Николаевича Няруя и педагога, ученого Няруй Валентины Нёлёковны. Лидия Дмитриевна Гладкая сотрудничала с этой семьей и всегда баловала при встрече гостинцами малышей. С тех пор пошло гулять по миру ласкательно-милое ненецкое — Хадакоця Лида. Видимо, заметили они приветливость в этом человеке и чуткость, присущие русскому народу. Она действительно была олицетворением его души.

Вот уж с кем можно было поговорить, не таясь, откровенно, посетовать, понегодавать, и тебя слышали. А сколько оптимизма было в этой женщине! Он бодрил и давал силы служить дальше.

Сегодня, когда прошло более двух лет со дня ее ухода в мир иной, начинаешь понимать, как поблекла наша русская жизнь и несколько обеднел русский мир. Может, природа когда-нибудь восполнит эту потерю... Дай-то Бог!

15 апреля 2020
г. Салехард

Представительство Ямало-Ненецкого автономного округа
при Правительстве РФ

Н. А. Бородулин
заместитель губернатора Автономного округа,
руководитель представительства
Члену Международной Ассоциации писателей
и Союза журналистов России
Л. Д. Гладкой

Письмо
(в сокращении)

Уважаемая Лидия Дмитриевна!

Ваша книга «Прокладывающий тропу», посвященная 55-летию председателю Государственной думы Ямало-Ненецкого автономного округа, Президенту Ассоциации коренных малочисленных народов

Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ С. Н. Харючи, претендует на высокое признание как летопись о жизни нашего современника.

Вы через разнообразные интервью показали многогранную личность Сергея Николаевича, вехи его становления в разные периоды развития страны, создали образ, не противоречащий не только его собственному восприятию: «Меня не волнует по большому счету никакие чины, награды, почести: для меня гораздо важнее мнения людей обо мне как человеке, о результатах моей работы, — тех, кого я люблю, с кем дружу, кого уважаю и высоко ценю как учителей, сотрудников, соратников, единомышленников-сподвижников...», — но и мнению о нем людей: «Вся его жизнь посвящена защите прав человека, а не политическим играм и заботе о своей карьере. Поэтому на Родине в 2003 г. его с полным правом назвали лучшим спикером России и Человеком года, а в Англии, в Кембридже, члены специального международного жюри единогласно включили его имя в список 2000 лучших землян. Его знают во всех регионах Крайнего Севера. Знают и уважают как человека, который делает все, что в его силах, чтобы народу в России жилось легче и лучше...»

29 января 2008

г. Москва

Г. С. Зайцев
директор ЯРМ, атаман ОИКЛ,
кандидат исторических наук

Отзыв на книгу автора-составителя Л. Д. Гладкой

В конце 2007 г. вышла книга «Прокладывающий тропу». Как охарактеризовал автор-составитель: «Эта книга о Настоящем Человеке — нашем современнике, известном государственном и общественном деятеле России, ученом-североведе в области права, кандидате юридических наук, члене-корреспонденте РАЕН, Председателе Государственной думы ЯНАО и президенте Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации — Сергее Николаевиче Харючи, сыне ненецкого народа, малого по численности,

но великого мужественным духом, мудрой доброй душой». В книге отражена история жизни одного человека, связанного с Севером, в основном, с нашим Автономным округом. Как говорят философы: «Каждый человек — это мир, который с ним рождается и с ним умирает», к этому можно лишь добавить, что каждый человек — это маленькая частица большой истории государства и истории края. <...>

Для молодого поколения книга интересна тем, что показывает, как можно работать, невзирая на различные жизненные перипетии, во благо своего народа и своего Отечества, и это важнейший элемент патриотического воспитания подрастающего поколения. <...> Книга интересна и тем, что в ней собран огромный материал воспоминаний, различных высказываний и размышлений, разных по своему статусу и положению людей... И это придает ей особый статус — «гласа народного», что усиливает восприятие текста и делает его живым и правдивым. Усиление происходит и за счет большого фотоматериала. <...> Информационное содержание книги увеличено большой библиографией не только С. Н. Харючи, но и работами ученых. Особенно важно, что опубликованы все научные работы Л. В. Хомич, это своеобразный знак уважения и признательности великому ученому! Информационно-познавательное поле расширено словарем наименований и терминов, перечнем работ в хронологическом порядке, имеющихся в библиотеке Центра содействия коренным малочисленным народам Севера — «Российский учебный центр коренных народов».

Л. В. Хомич
кандидат исторических наук

Краткий отзыв о книге «Прокладывающий тропу»

Книга «Прокладывающий тропу» посвящена жизни и творчеству выдающегося общественного деятеля, ненца — Сергея Николаевича Харючи на фоне сложных процессов, происходивших и происходящих в стране и Ямало-Ненецком автономном округе, в частности. Автором-составителем книги, насчитывающей более

1000 страниц, является известная поэтесса и журналистка, в течение многих лет связанная с ямальским Севером, Лидия Дмитриевна Гладкая. <...>

Она проделала большую работу, собрав в архивах ценнейший материал по истории Ямало-Ненецкого автономного округа и других регионов Севера, с которыми, как президент Ассоциации малочисленных коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России, связан С. Н. Харючи. Чрезвычайно интересны его высказывания и интервью. Они рисуют становление личности общественного деятеля на протяжении ряда лет, рост его ответственности за происходящее в округе и других регионах в связи с развитием промышленного освоения территорий и необходимостью сохранения природных ресурсов для нормальной жизнедеятельности коренного населения.

Не менее впечатляют заметки о знакомстве и совместной работе с Сергеем Николаевичем представителей ненецкого народа. Ненцы, как и другие народы Севера нашей страны, до 1930-х годов за редким исключением были неграмотны. Прошло время и из этой среды вышел ряд ученых (Е. Г. Пушкарева-Лапцуй, Е. Г. Сусой, Г. П. Харючи, М. Я. Бармич и др.), заслуженных учителей (В. А. Саблина-Янкина, Е. Д. Талева, Е. Н. Окотетто и др.), писателей, журналистов, композиторов, артистов (П. А. Явтысый, А. П. Неркагы, Г. О. Коренев-Тохоля, Х. Х. Яунгад, Г. И. Лагей, А. Т. Лапсуй, О. Н. Няруй), общественных деятелей, специалистов в хозяйственной и экономической сфере (Н. Н. Харючи, И. В. Ламдо, С. В. Худи, Х. М. Езынги, Л. И. Худи, Л. П. Велло, Д. О. Хороля). Их биографии заслуживают особого внимания и публикаций.

В материалах книги поднимаются проблемы взаимодействия промышленного освоения Севера, Сибири и Дальнего Востока, которые занимают значительную часть России, и необходимость сохранения территорий традиционного землепользования для ведения оленеводческо-промыслового хозяйства сорока коренных народов. Приводятся материалы совещаний по этим вопросам, выступления на них С. Н. Харючи, участие его в составлении проектов, постановлений, его обращения к Президенту и др. К сожалению, далеко не все вопросы, связанные с насущными проблемами, решены. На это обращает внимание автор книги. <...>

Книга, составленная Л. Д. Гладкой, должна привлечь внимание руководство страны, так как решение поднятых в ней проблем имеет не только внутреннее, но и международное значение. <...>

Февраль 2008

А. Тарханов
*секретарь Угро-Ямальской
писательской организации*

Искусству нужны подвижники

Угро-Ямальская писательская организация создана по решению Правления Союза писателей России на основе двух автономных округов: Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого. Немалая заслуга в рождении этой новой организации принадлежит нашим народным депутатам Верховного Совета страны писателям Еремею Айгину и Роману Ругину.

Итак, группа мансийских, хантыйских, ненецких, русских писателей решила посвятить себя подвижнической деятельности — культурному и духовному возрождению народов обского Севера, культурному и нравственному развитию всех народов, проживающих на территории Югорского края и Ямала. Задача трудная и по времени непредсказуемая. Но, как говорится, дороге осилит идущий.

За минувшее время члены Угро-Ямальской писательской организации своими конкретными делами и активным участием в общественно-политических акциях сумели заявить о себе в масштабах страны. Мы дважды выступали с обращением-протестом к правительству страны, президенту М. С. Горбачеву по поводу антинравственного разгула, принимали участие в защите газеты «Советская Россия» от притязаний так называемых демократов, ратуем за создание новой общественно-политической молодежной организации вместо умершей, но формально существующей в кабинетах ВЛКСМ. Эти аппаратчики, по сути, превратились в антинравственную силу нашего общества. Под их крылом, под их началом существует множество видеоточек, день и ночь демонстрирующих фильмы-поделки

сексуально-порнографического толка. Некоторые молодежные газеты, особенно старается «Ровесник» — журнальное приложение «Комсомольской правды», призывающий юношей и девушек к извращениям, восхваляет проституток.

А молодым патриотам есть где приложить свои силы и знания на благо Отечества — это борьба с преступностью, акты милосердия, это помощь школе, воспитание подростков, это посильное участие в решении экологических проблем и т. д. Я неспроста заостряю внимание на проблеме культурного и патриотического воспитания молодежи. В широком плане это тоже наша работа, работа писательских организаций. В конкретном же смысле наша деятельность заключается в этом направлении на оказание творческой помощи молодым поэтам, прозаикам, драматургам, публицистам. Им, начинающим литераторам, необходима литературная учеба. Такой эффективной учебой являются совещания молодых писателей, консультации старших товарищей по перу, оказание помощи авторам в публикации своих произведений в газетах и журналах, в издании первых книг.

Необходимо сегодня назвать наши молодые имена, в данном случае тех, кто живет и трудится в Ямало-Ненецком автономном округе. Это Валерий Мартынов, Евгений Лебедев, Юрий Кукевич, Геннадий Кельчин, Людмила Ефремова, Константин Кравнов, Юрий Басков, Константин Кривчиков, Павел Нядонги, Владимир Гленков, Галина Мельникова, Иван Марманов, Федор Яунгад, Яков Ядне, Галина Тахала.

Литературным объединением при газетах «Красный Север» и «Нарьянмар» руководит поэт Лидия Гладкая. По характеру, по душе подвижник Лидия Дмитриевна как раз является тем человеком, который нужен искусству. Она подготовила к изданию ненецкие песни, выпустила пластинку.

Возвращаясь к деятельности Угро-Ямальской писательской организации, с радостью сообщаю: мы подготовили к изданию трагически забытый мансийский эпос — поэму «Мадур Ваза-победитель» — первый в истории народов обского Севера сборник хантыйских и мансийских пословиц, поговорок и загадок. Почему мы в первую очередь обращаем внимание на фольклор? Да потому, что время безжалостно уносит в небытие преклонных в летах

носителей сказаний, легенд, народных песен. И нужно торопиться, нужно успеть записать эти устные творения — эти художественные жемчужины — и через книги сделать их достоянием всего просвещенного мира.

Мы планируем издать два тома фольклора. Первый том, как я уже упоминал, это поэма «Мадур Ваза-победитель». Во второй том войдут произведения, основанные на сказаниях и легендах, современных писателей, таких, например, как Роман Ругин, Прокопий Салтыков, Геннадий Пуйко, Юрий Афанасьев, Анна Неркаги. Это авторы из Ямало-Ненецкого автономного округа.

В своей многогранной и благородной деятельности наша писательская организация, конечно же, нуждается в помощи наших окружных Советов народных депутатов, в помощи общественности. В этом мы видим залог успешной работы на благо наших народов.

Великие и настоящие!

В объемном письменном архиве Лидии Дмитриевны Гладкой обнаружилась запись дневникового характера, датированная 3 февраля 2013 г. Текст интересен документальностью — рассказом, подтверждающим настоящие, искренние, дружеские отношения Лидии Дмитриевны не только в научной среде, но и непосредственно в эмоциональных отзывах ее сыновей.

«Сегодня воскресенье. Сегодня я была удивлена и обрадована разговором со своим Борисом. Вчера он почти целый день гостевал у меня, а на прощание попросил дать ему на прочтение подаренную мне Галиной Павловной Харючи ее недавно изданную книгу “Природа в традиционном мировоззрении ненцев”. Я подумала, что его привлекло хорошо знакомое имя автора, великолепные иллюстрации и, конечно же, сама тема книги, заявленная в названии. Дело в том, что Борис после окончания геологического факультета Ленинградского университета работал во Всесоюзном

научно-исследовательском геологическом институте (ВСЕГЕИ) начальником Тянь-Шаньской партии. А когда с перестройкой исследовательские работы в этом регионе прекратились, только тогда стал предпринимателем-производителем строительных материалов и общественным деятелем; автором философских статей, спонсором изданий научных работ, также книг духовно-исторического содержания.

Не прошло и суток, как он вновь появился передо мной и, не скрывая волнения, попросил: “Мама, подари мне, пожалуйста, эту книгу. Она очень нужна мне. Вначале, как принято, в ней отдается дань трудам предшественников, а дальше... Все свое! Я читал всю ночь, не мог оторваться. Узнал столько нового, совершенно мне неизвестного и многое понял, в том числе отчего происходит такой разлад в отношениях человечества с природой, почему ты так долго и так крепко привязана к Ямалу, к ненцам и к этой мудрой женщине — автору этой книги. Она настоящий ученый-исследователь и мыслитель. Ее книга такая живая, теплая. Я думаю, что Галина Павловна занимается наукой не из тщеславия и желания приобрести непререкаемый авторитет. Уверен, ею движет любовь к своему народу, тревога за его будущее. Эти чувства передаются и тем, кто читает книгу. Она посвятила ее своим родителям. Любовь и уважение к ним, к предкам действительно освещает текст монографии, в нем нет фальши и потому не хочется расставаться с книгой, как со счастливо обретенным настоящим другом и советчиком”.

Я с ним совершенно согласна. Не смогла отказать и книгу подарила. Потом мне припомнилось время, в конце 80-х годов прошлого века, когда я познакомилась с Галиной Павловной Харючи и скоро стала свидетелем ее мужественной борьбы за возрождение физического и нравственного здоровья любимого человека и ее победы. Она вдохновила его на поиск смысла жизни и помогла начать новый путь — интеллектуального образования, государственного и общественно-политического служения на благо земляков-ямальцев, других национальностей, коренных малочисленных народов Севера и Дальнего Востока России, стран Северного Колотта. То, чего он достиг на этом пути, теперь всем известно.

Когда я задумала создать историко-публицистический портрет Сергея Николаевича Харючи, то поняла, что в одиночку мне не объять необъятное, и обратилась к множеству людей, хорошо знающих его жизнь и работу, его личность, и они стали моими соавторами. Самым главным, искренним и компетентным из них была Галина Павловна. Трудно переоценить ее вклад; без ее советов, консультаций издание не состоялось бы. Подготовка материалов длилась с 2001 г., почти семь лет. Причем количество источников нарастало с каждым годом как снежная лавина.

За 25 лет нашего знакомства, и особенно в годы работы над книгой “Прокладывающий тропу” я утвердилась во мнении, что Галина Павловна Харючи — настоящая родная дочь своего народа, с замечательными качествами ненецких женщин: отсутствием фальши в словах и поступках, надежностью всегда и во всем, верностью долгу, прежде всего — материнскому и супружескому, долгу хранительницы семейного очага, знание заветов, усвоенных от предков. А еще добротой и доброжелательностью к людям, скромностью при постоянном стремлении к совершенству, к творчеству, к красоте.

Но самый главный стимул всех дел — любовь: жизнелюбие, трудолюбие, человеколюбие, а ведь только любовь способна породить чудеса.

Мне вспомнился еще один случай, когда я услышала отзыв о личности Галины Павловны из уст моего старшего сына Сергея, который был молчаливым свидетелем и очень внимательным слушателем наших бесед с Галиной Павловной. В тот раз она посетила меня в Петербурге проездом на какую-то зарубежную научную конференцию с другой замечательной ненецкой женщиной — почетным профессором Марией Яковлевной Бармич. Мы не заметили, как подошло время прощания. Я попросила Сергея проводить гостей на такси. Когда он вернулся, на мой вопрос, все ли в порядке, ответил: o’key. Потом задумался и, будто решившись открыть что-то сокровенное, вдруг шепотом торжественно произнес: “Их же не просто беречь — на руках носить надо. Такие миниатюрные, изящные, красивые женщины — и такие великие! Настоящие ученые”. Для меня это уже давно не было тайной».

Мария Яковлевна Бармич
Почетный профессор РГПУ
им. А. И. Герцена,
доктор филологических наук

Рядом по жизни

С Лидией Дмитриевной я познакомилась в 1978 г. и знала до ее последних дней. Мы родились в 1934 г.: я — 26 апреля, она — 28 июня. Я шутя ей говорила: «Когда вы родились, мне было 2 месяца и 2 дня, я уже головку держала, всем улыбалась и была человеком. Придется вам слушаться меня как старшую». Первые дни 1978 г. помню до мелочей: зима, февраль, я в Салехарде, в командировке. Квартира моих знакомых. В тот зимний вечер зашла к ним довольно молодая, энергичная, жизнерадостная женщина; поздоровалась со всеми, приблизилась ко мне, как будто давно меня знала, затем представилась: «Меня зовут Гладкая Лидия Дмитриева, живу давно в Салехарде, сейчас руковожу молодежной писательской организацией на Ямале». Потом сказала: «Слышала, что вы прилетели вчера, поспешила сегодня же вечером встретиться с вами. Много хорошего слышала о вас. Это первая встреча и первое наше знакомство». Приблизительно так Лидия Дмитриевна обратилась ко мне. Я была очень довольна встречей с новым человеком. Поверьте, об этой милой разговорчивой и приятной незнакомке я действительно до моего приезда на Ямал, к моему стыду, не слышала. При прощании она тепло обняла меня, и я подумала, что это навсегда! Так и получилось, мы долго-долго шли по жизни рядом; но, конечно, не каждый день. Никогда не забывали важные события друг друга. Лидия Дмитриевна почти всегда знала и присутствовала на юбилеях, организуемых в мою честь, на собраниях местного значения в Институте народов Севера (на моей рабочей территории), на конференциях, семинарах, торжествах и совсем по-простому на чаепитиях в кругу близких друзей, знакомых. Я радовалась ее присутствию и восхищалась отзывами обо мне. Это надо было слушать и слышать. Я ответно благодарила в таких случаях. Она была моим добрым другом, советчиком и помощником. Был возле меня такой верный преданный человек!

Она умела организовывать многолюдные юбилейные вечера с приглашением именитых людей из разных российских городов и зарубежных стран. Гостями Лидии Дмитриевны были известные писатели, поэты, музыканты, композиторы, художники, певцы, солисты, чтецы, и каждый из них демонстрировал свое творчество и много-много говорили искренних слов о ее писательском таланте, душевной теплоте, о ее человечности. Я замечала, что постоянными помощниками таких многолюдных встреч были близкие, родные Лидии Дмитриевны: сыновья Борис, Сергей, невестка Вера и дочь Марина. В числе почетных приглашенных были и мы: я (М. Я. Бармич) и Гавриил Лагей — единственный оперный певец-солист из ненцев; он окончил Ленинградскую консерваторию им. Н. А. Римского-Корсакова, стажировался в Италии. Все встречи и сегодня перед моими глазами. Сколько энергии билось в сердце Лидии Дмитриевны, потому оно и не выдержало. Мы с Гавриилом Лагеем часто навещали ее на улице Зои Космодемьянской и на Ленинском проспекте; могли долго сидеть за чашкой чая, кофе и беседовать о жизни, обсуждать разные вопросы. Я знала друзей ее, они были разных профессий, круг их был немаленький.

Знаю и семью Лидии Дмитриевны — интересную, добрую, дружную; ее супруга Глеба Яковлевича Горбовского — с институтских времен. Хорошо помню, нам читали курс «Новая советская русская литература», изучали творчество молодых русских поэтов, писателей, в их числе и Горбовского. Я даже где-то приобрела, по совету преподавателей, тоненькую маленькую книжечку его стихов. С тех пор прошло много-много лет. Книжечку потеряла. Однажды после работы решила навестить Лидию Дмитриевну на пр. Стачек, 21. Как всегда, у хлебосольной хозяйки был накрыт стол, начались разговоры. Вдруг к нам присоединился статный молодой красивый мужчина с гитарой. Лидия Дмитриевна представила: «Мой муж Глеб Яковлевич Горбовский, поэт, писатель». И подала мне книгу «Глеб Горбовский. Собрание сочинений. Том I. Стихотворения. Поэмы. 1953–1963». Увидев автора, я чуть не упала и по-дурачки обратилась к нему: «Я думала вас нет в живых, считала умершим», и, остановившись, добавила: «Значит, вы долго будете жить». Глеб Яковлевич ответил: «Слава Богу, жив

и пока здоров». Вот такой казус случился. Потом частенько видела Глеба Яковлевича. Проводить его в последний путь не смогла. Болела.

Буду писать, вспоминать о чудесном человеке — Лидии Дмитриевне, о нашей крепкой творческой дружбе, закреплённой крепким морским узлом (она ведь работала как журналист на флоте и знала, что есть «морской узел»). Немалая часть ее жизни прошла в суровых условиях Севера среди северных народов, в основном — ненцев. Она находила с ними общий язык, думаю, хорошо изучила их нравы, характеры, жизненные обычаи и традиции. А сколько им помогла!

Кредо Лидии Дмитриевны основывалось на убеждении помогать тем, кто нуждается в ней. И это ей удавалось.

Как-то Лидия Дмитриевна пришла к нам в гости. Итогом посещения было ее обращение в соответствующие инстанции. Я с благодарностью вспоминаю и публикую его кратко: «Ее личность, ее труды, на мой взгляд, еще не оценены по достоинству. <...> И по сей день она ютится вместе с супругом в однокомнатной квартире, где только чудом умещаются профессорская библиотека, бесценные архивные материалы, рукописи, где она пишет уникальные учебники, составляет словари, переводит на родной язык Евангелие, где находят радушный прием и приют бесчисленные гости-северяне». Лидия Дмитриевна занималась моими квартирными делами. Я слышала ее деловой разговор с чиновниками. Мы даже смотрели квартиры в новых «под ключ» домах. Результат был нулевой. Я просила прекратить Лидию Дмитриевну «поисковую работу». Моя добрая прекрасная фея (так я ее называла) согласилась. Я ведь знала, что она больна и что у нее много дел: домашних, издательских, поездок, командировок и др. Все она переносила, как говорят, «на ногах». Хочу сказать, она была для северян всеобщей любимой востребованной помощницей. Уверена, ни одно серьезное произведение, ни одно художественное издание, ни одно задуманное дело не могло состояться без ее одобрения. На моем письменном столе лежит весом более 4 кг книга «Прокладывающий тропу (Нудондана) Сергей Харючи». Автор пишет: «Эта книга о Настоящем человеке, нашем современнике, человеке Севера». А я добавлю: это книга — гигантский труд века.

Только Лидия Дмитриевна, любя северян добрым сердцем, могла сочинить такое энциклопедического значения произведение. Я бы не взялась; она была одна такая среди нас, была таким теплым лучиком света.

Как-то, в период подготовки материала к изданию, она позвонила, просила зайти. Захожу в квартиру, не могу понять: все полы застелены напечатанными белыми листами, некуда ступить, пришлось осторожно ходить по «дорогим листам», их было 1032. До полуночи собрали «Прокладывающий тропу». Я рада: помогла верной подруге, моему проводнику по жизни. Лидия Дмитриевна подарила мне экземпляр книги с надписью на титуле: «Чудесной, нежно любимой Марии Яковлевне Бармич с великим уважением и сердечной благодарностью за участие в создании этой книги! Ваша Лидия Гладкая. 07.01.2008 (подпись)». Книга теперь на моем столе.

Произношение ненецкого слова «Нудондана», в переводе «Прокладывающий тропу», Лидии Дмитриевне давалось трудно. Она очень старалась, но ничего, весело, в шутку и со смешинками повторяла, повторяла и — получилось. Радовалась, была довольна, я тоже, я ведь ее учила. Северяне свое нежное отношение, свою любовь, верность, свои чувства к Лидии Дмитриевне выразили ласковым ненецким словом «Салмуй», что значит — «гладкий». Теперь она «Салмуй Лидия Дмитриевна». Звучит? Звучит! Как своего рода признание ее поэтом-лириком, писателем.

Под ее руководством издано семь томов произведений Глеба Яковлевича Горбовского; допечатывались еще два. Это великая заслуга Лидии Дмитриевны.

Благодарю судьбу, что однажды на жизненном пути встретила милую, ласковую, заботливую, благородную, грамотную, образованную, неугомонно трудолюбивую женщину. Лидия Дмитриевна, мой добрый человек, ты научила меня любить жизнь, любить людей и все живое, любить человеческий труд, беречь чуткие людские чувства, ты словами умела радовать и успокоить любого, ты хранительница домашнего очага... Пока живу, буду помнить тебя. Все величественное, человеческое в прошлом. Мир Вам, Лидия Дмитриевна, покой.

1 января 2020

Она – это Лида Гладкая!

Лидия Дмитриевна Гладкая, а для меня просто Лидушка, дорогой человек, с которым связывала более чем двадцатилетняя дружба. Помню самую первую встречу в Надыме, где проходила экологическая конференция, и я, тогда начинающая детская поэтесса, разыскала ее в общежитии «Юность». Открытая лучезарная улыбка, ни тени превосходства и собственной значимости и такое добросердечное: «Люда Ефремова? Конечно, знаю, помню вас по публикациям в “Красном Севере”. А пойдете ко мне в номер, там и поговорим».

Именно Лидия Дмитриевна на «Литературных страницах» окружного еженедельника «Красный Север», а потом и в журнале «Ямальский меридиан» открывала новые имена будущих поэтов и писателей и малоизвестных литераторов. Как никто другой, она понимала, как важно для нас, молодых, быть «услышанными» и понятыми.

Мои воспоминания — лишь некоторые штрихи к ее богатой биографии, за которыми сотни, тысячи встреч с людьми и огромное желание помочь им всем. Это «тонны» исписанной бумаги и «километры» радиопередач. И она помогала, не считаясь со своим временем, скромным заработком и собственными проблемами.

Никогда не кривила душой перед пишущей братией, пусть и титулованной. Ее тонкий поэтический слух не мог обмануть бодрый декламатор-пустослов, пусть и автор десятка книг и «обладатель» невесты откуда взявшихся литературных «признаний»...

Да и как могло быть иначе у Лиды, в свое время в составе лучших поэтов исколесившей полстраны. Многие годы дружбы связывали ее с Андреем Битовым. В Грузии ее спас от неминуемой гибели Андрей Вознесенский: сработало шестое чувство, и он порвал билет на самолет, которому суждено было разбиться... Знала и ценила поэзию Николая Рубцова, Сергея Макарова, Михаила

Дудина, Вадима Шефнера и многих других. <...> Довелось встретиться с великой Анной Ахматовой.

Помню поселок Питляр Шурышкарского района 1989 г., куда мы в числе двух десятков журналистов Тюменской области приехали познакомиться с укладом и обрядами местного населения, побывать в мастерской известного костореза Геннадия Хартаганова. А еще я помню, как, проходя по поселку, Лида то и дело отвечала на приветствия сельчан. Сдержанные и немногословные, они радостно шагали к ней навстречу: «Здравствуйте, Лидия Дмитриевна! Как ваше здоровье? Заходите к нам в гости, будем очень рады». В этом достаточно удаленном поселке от окружающей столицы ее хорошо знали и относились не как к журналисту, а как к родному близкому человеку...

Конец августа. Мне пора возвращаться в Надым. Мы сидим у Лиды на кухне, грустим, и в глазах блестят слезы расставания с родной душой...

И спустя годы, в Санкт-Петербурге, она продолжала принимать гостей, помогать словом и делом попавшим в сложную жизненную ситуацию. И каждый был досыта накормлен и выслушан. Спросить бы всех, кто побывал у нее когда-либо, а могло ли быть иначе? И они хором ответили бы — нет!

На 80-летию Лидии Дмитриевны с радостью повторила строки стихотворения, написанные к одному из ее дней рождения:

...Она — это Лида Гладкая!
Она у меня — во какая!
Красивая и молодая,
Как солнце, как воздух родная!

Я надеялась, что еще многие годы будет она оставаться такой же ранимой, любящей, озорной, сердечной, сильной и — такой настоящей.

Наша дружба с Лидой с 1989 г. не прерывалась до самого ее ухода. Хотя, что значит до ухода? Уходя в вечность, человек остается в памяти живущих, тем продолжая свой век и согревая наш... Она — часть моей жизни, она — поэтический маяк, строгий редактор, я продолжаю с ней мысленно общаться; слышу ее голос, звонкий смех.

Работая завотделом в окружной газете «Красный Север», Лида правдами и неправдами «вытаскивала» меня из Надыма в Салехард. И каждая встреча была счастливым событием. В тот год от редакции она, наконец-то, получила двухкомнатную квартиру в районе кассы аэропорта и, встретив меня, первым делом повела в смешанный магазин, где купила новый комплект постельного белья и мешок (!) продуктов. В одной из комнат стоял большой диван, куда она уложила меня после ужина со словами: «Ты должна хорошенько отдохнуть с дороги, а мне и на полу неплохо». И такой была всегда, лучшее — гостю. А уж если погружалась в работу, то с головой...

Я писала стихи, и многие из них обращены к Лиде.

Отрешенность

Лидии Гладкой

Листаю страницы шумливо,
Стакан вовлекаю в игру.
И ложкой со стенок звонливых
Фальшивую ноту беру.
Ну может, хоть искоса взглянет?
В работу ушла, как на дно.
Меня самолюбие ранит —
В гостях я, но больно чудно.

По комнате гневно летаю
И меряю шагом углы.
Она ж на меня, что слепая.
Мой бог, как визгливы полы!
Цветы непонятного цвета.
Живут, а зачем? Их спроси.
Ответят — ей ведомо это,
А ты невниманья вкуси.

Ну, хватит. Сбегаю на кухню,
В сердцах начинаю жевать.

И вдруг что-то в доме как рухнет!
Я радостно в комнату — глядь!
Сидит на развалинах стула
С блокнотом и ручкой она.
И пишет! Я скромно вздохнула —
Что ж делать — помаюсь одна...

Март 1994

Надым — Салехард — Надым

Жизнь Лиды после выхода на пенсию и переезда в Петербург неразрывно связана с Глебом Горбовским. Он не только стал объектом ее заботы, но, можно сказать, смыслом всей деятельности в родном городе.



Лидии Gladкой

Кормишь поэта с руки,
А у поэта беда —
Горькую тянет с тоски,
Шаг до ухода туда...

Он — из заботы твоей,
Он — как ребенок грудной, —
Хнычет и плачет: — Налей! —
Мальчик седой и больной.

Ты ему пальцем грозишь,
Доброго варишь борща
И о таланте твердишь,
И запускаешь леща.

Глядь — и недуг отступил,
Крепко сидит голова.
Сердцем твоим закусил,
Вспомнит об этом едва...

Апрель 1998



Девчонка — и только, подружка!
Ей в радость любая игрушка!
И мужа-пиита несносность
В другую не выведет плоскость.
Наладит его бытовщину,
Другому затеплит лучину.
И сущность из творческой пьяни
Заснет, дай господь, на диване.

А если какая девица
Проездом да к ней из столицы,
То тут уж, держись магазины!
Авоськи ее и корзины
Набьют холодильник с избытком
Всяк разной едой и напитком.

Она — это Лида Гладкая,
Она у меня — во! какая!
Красивая и молодая,
Как солнце, как воздух, родная.
16 марта 1998



И в веселом наряде,
И в печали своей
Снова в царственном граде
Я у ваших дверей...

Для шагов коммунальных,
Для соседки в глазу
Из мечтаний астральных
К вам себя привезу.

Расселюсь по квартире,
Раззадорю в речах!
Стрелки выжмут по гире
На дареных часах!

Но силенок уж мало
На приемную дочь —
И дорога к вокзалу
Позовет меня в ночь.

Май 1998

Лето 2014 г. выдалось на редкость жарким в Петербурге. Не изменяя давно сложившейся доброй традиции, я с мужем Федором приехала в город на Неве навестить дорогую и любимую Лидушку, встретиться с Глебом Горбовским, послушать новые стихи, почитать свои, посетить театр, памятные места, в общем — насладиться всеми прелестями отпуска. Всегда радушная и гостеприимная Лида поселила нас в своей однокомнатной квартире, сама же приглядывала за Глебом в квартире по соседству. И снова она позвала нас на обед. Я стала помогать по кухне, а Федор общался с Глебом Яковлевичем...

Как вспоминает Федор, Глеб изрядно нервничал от жары, но еще больше от своей могучей шевелюры. Мол, сын Сергей в отъезде и постричь его некому. Как уж они сговорились, но не владеющий мастерством цирюльника супруг по настоянию поэта взял в руки тупые ножницы... Они мило общались, потягивали временами легкое винцо и стриглись... Когда же мы с Лидой принесли обед, дело было сделано... Лида со слезами в голосе выговаривала Глебу, что он похож теперь на уголовника и что оговоренную ранее съемку Петербургского телевидения придется отменить...

Собственно эта история от имени Федора вышла у меня из-под пера года через два. А на последнем дне рождения Глеба Горбовского 4 октября 2018 г. я ее озвучила, чем привела в восторг Юрия Тагирова, который выхватив из моих рук листок, смеясь, несколько раз повторил, что с ним и с Глебом такое тоже случалось...

Ножницы

Федору, Глебу и Лиде

Мне выпал шанс — один из ста —
постричь великого поэта.
Все в нашей жизни неспроста:
попал под ножницы «юнца»
любитель едкого словца —
сам Глеб Горбовский жарким летом.

Как рифмы, падали на пол
его взлохмаченные кудри.
Швырял их ветерок на стол.
— Смелей, цирюльник!
Мозг не пудри! —
Кричал он мне:
— Кромсай их, Федя,
Сварился в шкуре я медведя!
А между делом — наливай!
Вон тот фанфурик открывай,
чтобы в руках утихла дрожь.
А ту, что под столом, не трожь!
Сначала — мне! И до краев!
Себе — по совести, без слов....

И тут вошла Гладкая Лида...
Немая сцена, гнев и боль,
клубок из нервов и обида:
— Вы мою душу да под ноль!..
В кого ты превратился? Боже!
Зэчара с наглой пьяной рожей.

Стал уголовником поэт,
но ненадолго. С месячишко
его не видел белый свет.

Я сотворил головострижку —
седой подвыпивший мальчишка.
И оправдания мне нет...
Но впереди другое лето —
помчусь к кудрявому поэту!
25 ноября 2016

Стихотворение «Затмение» посвящено Глебу Горбовскому, но в полной мере относится и к Лиде. В тот день мы пришли навещать Глеба Яковлевича на улицу Кузнецовскую, где он тогда обитал в одной из комнат коммунальной квартиры. Чуть не с порога стал встревоженно рассказывать о вчерашнем затмении, которое унесло жизнь человека на перекрестке под его окнами. Когда я написала это стихотворение, первым делом прочитала Лиде. Она сказала, что оно необычное и посоветовала показать Глебу, что я и сделала, получив благословение на посвящение и публикацию в книге.

Затмение

Глебу Горбовскому

Поэта не пугала нищета,
и одиночество его не угнетало.
Но, как и в юности, манила красота
и скрежет раздражал металла.
Затменье солнца пало на четверг,
и он о нем не вспомнил бы, конечно.
Но божий мир вдруг вспыхнул — и померк,
и напился «пряностью» аптечной.
Над ним склонилась бывшая жена,
в слезах и дрожи ждущая ответа:
— Ты любовался видом из окна,
а угодил под дуло пистолета?
Ты верил в исключительность свою
и наполнял себя уединеньем?
В земном аду мне жить... А ты в раю
уже подслушал ангельское пенье?

Поэт очнулся: где жена моя?
Окинул взглядом тусклые «хоромы».
Где пристань тихая и лик небытия
в несуетном служении Харона?

В тревоге смутной выглянул в окно.
И содрогнулся, ужасу внимая:
визг тормозов и крики под стеной,
и шепот женщины: «Прощай, любовь земная...»

Май 2000

Как правило, приезд совпадал с днем рождения Лидушки. И конечно, приглашались многочисленные друзья, знакомые, родственники. Именинница в преддверии застолья готовила десятки блюд, продукты мы привозили несколькими партиями в тележках на колесах. Я обычно привлекалась на роль помощника-поваренка, горничной. Готовила Лида, никому не доверяя «священнодействующий» процесс. Когда уходил последний гость, она как-то грустнела. Я нашла у себя стихотворение, ни на что не претендующее, относится ко времени, когда Лида жила на улице Зои Космодемьянской.

Усталость

Лиде

Восседают по кругу патроны и матроны.
Им прислуживает дева немолодая.
«Материалам» материального нет урона,
Просто жизнь у нее давно седая.
У сидящих — руки-вилки, глаза в тарелках.
Под тарелками стол скривил ноги.
Дева белая в барабане-кухне крутится белкой.
Блюдам тесно — похожи на щупальцы осьминога.
Отстучали стаканы, бокалы отпенились.
Ветерок подъездный хлопнул дверью.
Опустила дева руки — слава те, Господи, наелись.
Подалась к телефону — вдруг кто голодный — проверю.

Пока Лида работала в Салехарде, она неоднократно бывала и в Надыме, где ее знали и уважали местные пииты. С некоторыми знакомство переросло в крепкую дружбу. В книгах Алевтины Сержантовой «Все лгут на свете зеркала...» (незадолго до этого она потеряла любимого мужа) и Владимира Шумкова «На краю планеты» я нашла адресованные Лиде строки.

Алевтина Сержантова



Лидии Гладкой

Какое значенье, когда это было:
Был полдень ли, полночь, октябрь
иль январь?
Гладкая двустушие мне подарила:
я знаю, так дарят на память янтарь.
Литые, застывшие в вечности слезы —
слова нанизала на прочную нить
любви Ариадны. А если серьезно
писать без метафор — заставила жить.
Нет смерти. Есть Бог. Есть народ. Есть Россия.
Есть трусость и подлость, отвага и честь.
Есть правда и ложь, беззащитность и сила.
Обида и гордость, прощенье и месть.
Есть Слово.
А сердце подбитое, «милый», —
кровить будет долго, до самой могилы.

Владимир Шумков

Чтение по кругу

Лидии Гладкой

В три мы голоса, в три чуть манерных,
мы в три флейты — жизнь нашу, змею,
и тот круг, что бывает так скверно
демонстрирует адкость свою
то ярмом, то веревкой на шее...

В три мы голоса... И тем пьяны,
до греха со стихов хорошея,
инстинктивно боялись в три рта тишины.
И горька была водка, и кофе
временами был привкуса слез.
И четвертый был голос там... Профиль
горбоносый у форточки мерз.

Не искушай¹

Рассказ

Вместе трех женщин в этот летний день у берегов Невы свел случай...

Первой и главной, конечно, была Валюша, самая старшая и самая живая в быту и по жизни. В ее доме кроме многочисленных родственников всегда толкалась масса народу.

В основном — представители городской интеллигенции, социальное положение которых занимало всю шкалу иерархии: от преуспевающих профессоров математики до спившихся и «обескровленных» поэтов, художников и тех же бывших научных светил. По доброте сердечной, какой-то материнской ответственности перед всеми заблудшими овцами, она считала своим долгом накормить их, поднести чарочку-другую, а кого-то и уложить на старенький диванчик в укромной нише.

Готовила Валентина много и вкусно, вкладывая в кастрюли, сковородки и казаны всю свою не бог весть какую редакторскую зарплату и побочный заработок от заседавших на нее графоманов, тощие стихи и прозу которых она щедро снабжала мозгами и образным интеллектом. Со временем «ваятели слова» вступали в различные Союзы писателей, занимали номенклатурные должности и зазнавались. Нечаянно столкнувшись где-нибудь на литературном сборище с «породившей их матерью», веселовато, побарски приобнимали ее и с интонацией, увековеченных в бронзе и камне гениев, спрашивали: «Ну, что, старушка, все суетишься,

¹ Сюжет основан на реальных событиях, где Валюша — Лида Гладкая, Аля — Люда Ефремова, Лариса — подруга Лиды из Москвы Лариса Марченко.

книгу-то свою издала? Нет? А что так, денегжат маловато? У тебя же пол-Питера в должниках!»

Ну, это так, лирическое отступление. Неделю назад к ней изда- лека, можно сказать, с самого Полярного круга, где Валя одно вре- мя спецкорила на Окружном радио, прилетела давняя закадычная подружка Аля. Приличная разница в возрасте им не мешала иметь общие интересы, друзей и наслаждаться пребыванием друг подле друга. Профессора и кочующие «сущности» получили временную отставку, и подруги с пионерским задором посещали памятные места Петербурга и его исторических пригородов.

Сегодня намеченный маршрут прервала неожиданно появившаяся из Москвы горячо любимая Лариса, с которой Валюшу связывали годы «театральной» молодости. Обе они успели поработать в Театре сатиры: одна — завлитчастью (завличностью); другая — актри- сой-Ларисой второго плана. Теперь бывшая комедиантка заведова- ла сетью торговых точек в столице и приехала в родной город лишь затем, чтобы продать оставшуюся после смерти родителей квартиру. Несколько лет за ней присматривало благонадежное семейство, еже- месячно отправлявшее кругленькую сумму хозяйке на счет.

Зная часто непредсказуемые поступки Лары, пристрастившейся от достатка к рулетке в казино, Валентина попыталась отговорить ее от скоропалительного решения:

— Лорик! Мало ли какие фортеля еще жизнь выкинет или сама куда по глупости вляпаешься! У тебя всегда буду не только я, но и теплые стены отчего дома!

Но Лариса лишь махнула рукой, мельком обвела облупившиеся стены Валиной квартирки и сочувственно изрекла:

— Эх, Валя-Валюша, люблю тебя очень, но ты ведь ни черта не смыслишь в новой жизни! Ее, как Дездемону, чтобы вытрясти до капельки, надо крепко держать за горло!

— А не боишься от стараний до смерти придушить?

— Да ладно, бросай рисовать картины ада! Вызываем такси и ко мне. Ты даже не представляешь, что я для тебя припасла! И северяночку не обижу. Да и на Смоленское ведь собирались, пятый год пошел, как я осиротела. В часовню зайдем, свечки поставим. И Але будет интересно, наслышана, наверное, о Ксении Петербургской?

Все это время помалкивающая в сторонке Аля, нынче лишь представленная Ларисе, согласно кивнула головой и безропотно начала собираться. Она действительно знала от Валентины, что часовня Святой Ксении очень популярна среди питерцев, особо почитаема в студенческой среде. Ведь блаженная избрала путь юродства Христа ради, будучи 25-летней безутешной вдовой. А потому заботы и влюбленных, и трепещущих в канун сессии Ксении особенно близки и понятны.

Одну из боковых стен часовни даже прозвали Стеной Плача; на низенькой ограде зажигают свечи, все маломальские трещины, выбоины, выступы заполнены скрученными в трубочку записками с просьбами к Святой.

...Квартира Ларисы удивила домашним уютом и чистотой, как будто и чужие здесь не жили. На подоконниках радовали глаз цветы, из комнаты в комнату бежали нарядные самотканые дорожки. В левом углу зала — целая фотогалерея. Среди выпуклых, словно на подкладке, отреставрированных фотографий с подкрашенными губами и бровями соседствовали современные фото в деревянных и пластиковых рамках. Мило, бесхитростно смотрели оттуда взрослые и дети. А вот и Ларочка, маленькая совсем, на светлых русых волосиках падающий на глаза огромный бант, веселое в горошек платьице.

Лара и Валюша наскоро приготовили обед и позвали Алю подкрепиться перед дальней дорогой. Когда с трапезой покончили, Лариса ушла вглубь квартиры и вскоре вернулась оттуда с двумя увесистыми томами. Это были подарочные издания Библии, проиллюстрированные великолепными гравюрами французского художника XIX века Гюстава Доре. Ту, что побогаче, — в синем бархатном переплете с серебряными гравированными уголками и декоративной застежкой посередине Лара протянула Вале, другую — в кожаном тисненном переплете — Але. И с победными нотками в голосе:

— Вот, последние, на Невском в книжном отхватила! — С гордостью добавила: — Это вам на память.

— Боже мой, красота-то какая! — воскликнула Валентина. — Наверное, безумных денег стоит! Мы не возьмем с Алей.

— А ты за других не решай! — сказала как отрезала Лара. — Через пять минут выходим, ловим такси и на «Смоленское».

Пока Лариса суежилась в прихожей, Валя краем глаза дала знать Але, что при выходе книги надо незаметно оставить в квартире. Но не тут-то было. Лариса поспешила следом, прижимая к груди бесценные подарки.

— Эх, Валюша, за столько-то лет могла бы своего Лорика и получше узнать! Я ж от чистого сердца. Берите и помните.

Она сунула увесистый пакет Але и, выскочив на дорогу, стала усердно голосовать. Наконец возле нее притормозил потрепанный жигуленок с молодым человеком за рулем. Сговаривались недолго. Авансированный «бомбист» понял, что за хорошее вознаграждение ему придется подождать у ворот кладбища, а потом отвезти пассажирок восвояси.

Всю дорогу женщины спорили о внешнем убранстве и предназначении Библии. Валюша склонялась к тому, что священное писание вполне оправдано и в небольшом формате из двух книг — Ветхого и Нового Завета, которые легко помещаются в дамскую сумочку и так же легко достаются при случае.

На что Лара возмутилась:

— Здравствуйте, приехали. А кто восторгался шикарным изданием?! Нет, подруга, скромность — это для буден. Это удел бедненьких, несчастненьких, таких как твои нахлебники-бездельники. А в «Праздник, который всегда с тобой», — Лариса дотянулась до переднего сиденья и озорно тряхнула Валины волосы, — все должно сиять! Светиться! Какие ризы на священнослужителях в большие церковные праздники, а? То-то!

И тут, озадачив подруг, свое веское слово вставила Аля, доселе молча и с каким-то благоговением листавшая подаренную Библию:

— И сибаритство, и надуманная убогость, как смысл в мирской жизни, не есть правильно! Все должно быть ко времени и в меру, ровно столько, чтобы не плеснуло через край на других; как на случайных, так и дорогих тебе людей.

От такой могучей философии даже молчаливый водитель, уже час гнавший авто по дождливым дорогам Питера, на очередном светофоре обернулся и выразительно заглянул через плечо, пытаясь рассмотреть на коленях Али «предмет» разговора. Неопределенно хмыкнув, дернул машину с места и, резво набрав скорость, вскоре притормозил у «Смоленского».

Утомленные спором и долгой дорогой, притихшие женщины выбрались на свежий воздух. Лариса, увидев, как Аля тянет из машины тяжелый пакет, укоризненно покачала головой:

— Ну, куда ты его? Оставь, водитель нас подождет, чего такую поклажу с собой таскать? Да и дождь...

Аля как-то виновато засуетилась (еще в чем нехорошем заподозрят!) и вернула пакет в салон.

Дождь капал все назойливее, а спутницы, навестив Лариных родителей, все ходили между могил, вчитывались в надгробные надписи.

— Нет, что-то мы расслабились, — прервала бесцельное брожение Валюша, — пойдете-ка в часовню.

Небольшая часовенка приветливо зазывала прихожан мягким светом горящих лампад и свечей. Повязав на головы легкие шарфики, подруги переступили порог. Поставили свечи за упокой и за здравие, помолчали, помолились, каждая о своем, и с поклоном, перекрестившись, направились к дороге.

Еще не совсем отойдя от нахлынувших, не свойственных в обыденности чувств о бренности земной жизни и вечности небесной, подруги остановились у ворот кладбища и некоторое время задумчиво смотрели то влево, то вправо. И снова Валюша вернула всех к реальности:

— Слушайте, девчонки, а водитель именно здесь должен был нас дожидаться?

— Стра-анн-о... — еще не совсем понимая, что случилось, протянула Лариса. — Может, подзаправиться уехал?

Ожидание затянулось. Женщины сидели под зонтиками на лавочке и грустили. Час спустя стало очевидным и вероятным, что «бомбист» оплату за проезд в оба конца взял с лихвой. Решили добираться общественным транспортом, не потому что не было денег, а так, на всякий случай, не хотелось в другом, ни в чем неповинном водителе, высматривать темного человечка.

Валюша быстро собрала на стол, достала из заглазника бутылочку красного вина и пригласила вкусить, что Бог послал. Согревшись душой и телом, они снова вернулись к разговору о Библии и дорожном событии.

Раскрасневшаяся Лариса опять оживилась:

— Да чтоб этого хапугу гром разразил! Ну да черт с ним, я вам, девки, в Москве еще лучше куплю и по почте отправлю.

Серьезная Аля вновь было вернулась к своей философии:

— А может, этот парень возьмет Библию в руки, и у него совесть проснется, и он покается, и к вере потянется. С чего-то же все начинается! Вот и Гюстав Доре, я о нем читала, прежде чем к Библии обратиться, начинал как художник-сатирик. Как говорится, от басен и сказок — к высокой трагедии.

Ее умствования прервали всхлипывания Валентины. Лара и Аля уставились на нее с недоумением.

Промокая глаза платком, Валюша горестно вздохнула:

— Бедный, бедный парень. Как же он с этим жить теперь будет? Это надо же, в таком святом месте не погнушаться! А кто всему виной? Кому вперед каяться-то надо? Нам, дурехам. У него, не исключено ведь, судьба вся в заплатках, а тут тетки деловые книги шикарные прямо в салон подбрасывают. Душу такому искусу подвергли. Ой, беда, беда... Как там, в Священном писании: не смущай, не искушай...

— А разве такая заповедь есть? — тихо спросила Аля.

— Стало быть, есть.

Подруги переглянулись и затихли.

2007

г. Надым

Ольга Ефремова
Союз журналистов России

Мое воспоминание

С Лидией Дмитриевной Гладкой я познакомилась в 1989 г., в окружной газете «Красный Север», приехав год назад из Петербурга, а у нее уже был большой северный опыт. До своей журналистской деятельности она преуспела во многих начинаниях, касающихся коренных малочисленных народов Севера. От переводов ямальского классика Леонида Лапцужа до создания его музея,

ежегодных «Лапцувеских чтений» и Ассоциации КМНС «Ямал — потомкам!» и многого другого.

Мне в ту пору было чуть более 25 лет, и я про это ничего не знала. Сплошные командировки по всему округу, острые перестроечные очерки, мимолетные увлечения, туристические восхождения на пики Полярного Урала и т. д. С Лидией Дмитриевной, когда она появилась в газете, у нас сразу нашлась куча общих знакомых по Северной столице. То есть мы сразу друг друга узнали как близкие люди, говорящие на одном языке.

Я ей пожаловалась, что восемь лет жизни убила на поэта и сбежала от него на Крайний Север. И теперь меня преследует эпиграмма, написанная вовсе не в мою честь и значительно раньше, но кому теперь докажешь: «Ширали поймал в жару молодую кенгуру, отпустил на холодюгу...» Конечно, она знала поэта и одобрила мое бегство. Но позднее открыла проект «Берегиня», касающийся героинь, которые связали свою жизнь с эгоцентричными мучениками и не покинули их. Я даже представить не могла, что потом она вернется к СВОЕМУ поэту и положит остаток своей яркой, такой необходимой многим жизни на то, чтобы ухаживать за патриархом и издавать его наследие.

В начале девяностых я была свидетелем, как после концерта районных талантов в окружной столице Лидия Дмитриевна пришла за кулисы, спрашивая, кому из ненцев-мальчишек, певцов и танцоров негде ночевать. Она приглашала их в свою квартиру, где, благодаря ее энергетике, тропические растения на северной стороне перли из горшков как сумасшедшие.

Лидия Дмитриевна в «Красном Севере» организовала международную экологическую экспедицию «Спасение Оби — спасение Сибири». Эта идея воплотилась на белом теплоходе и имела огромный резонанс, но ею, как водится, воспользовались различные проходимцы.

Огромный архив Лидии Дмитриевны, «занимающий место» во время ее длительного отсутствия, вынесли во двор и сожгли корреспондентки «Красного Севера». О, как знаком мне полупьянный энтузиазм советских субботников! Рукописи сгорели. Те, кто разжигал костер, были, однако, моими лучшими подружками, а я в это время находилась в декрете и ничего не могла изменить...

«Я виновата, я прокляла их!» — потом в сердцах говорила Лидия Дмитриевна. Все трое умерли в считанные годы, в расцвете лет. Когда мы потом встречались в Петербурге, при расставании я оглядывалась улыбнуться и помахать рукой и видела, что она из окна крестит меня вслед.

В этой женщине потрясала мощь, и я не сразу поняла, в чем она кроется. Не только в силе науки, которая изначально ее подкрепляла. Все-таки Горный институт и по окончании — экспедиции, конечно, не для слабых. Ямал до сих пор недооценил интеллект и воспитание геологов, с чьим прибытием здесь началось развитие, в том числе признание, благодарность коренным жителям. Лидия Дмитриевна взяла на себя к тому же и миссию переводчика. И какого!

И еще. Она всегда была чутка на ложные авторитеты, все отлично помнила и умела безоглядно добиваться заданного в интересах справедливости и здравого смысла. Прекрасно помню, как включалась, при подробном изложении темы, ее знаменитая «сирена», с низких, басовитых тонов до самых высоких, до рвущих нервы: «Да как вам не стыдно?!» Никто не мог отказать.

При наших встречах я невольно задумывалась о том, как мельчают поколения. Куда нашему конформизму, невежеству и неопытности, даже при всех попытках преодолений, до этих высот стремления к знаниям, совершенству и независимости! И как же ей было не жаль для меня времени и заботы!

Когда Лидия Дмитриевна уехала, мы каждый год встречались в столице во время моих отпусков к родне, и я, по традиции, привозила ей муксуна. Это было похоже на письма, как на сказочной рыбе в «Снежной королеве», где старуха финка пишет старухе лапландке.

Мы были знакомы почти тридцать лет. В последнюю встречу в 2017 г. она делилась замыслом своего романа о былой славе и нынешнем бесславии героев арктических морских путешествий. Радовалась: «Мой Одиссей вернулся!» — когда на склоне лет снова встретила со своей «не судьбой». Я была уверена, что она успеет написать свой роман...

Еще несколько историй

Однажды, когда мы вместе оказались в отпуске в Петербурге, я навестила ее на Бронницкой, со мной был четырехлетний сынишка. Пока мы беседовали и трапезничали, он с ее разрешения рылся в хозяйском сундучке и время от времени спрашивал: «Что это?» Она отвечала: «Это мой тебе подарок!» Мы ушли с флагом Австралии, а все остальное я «забыла»: неудобно все-таки обирать хозяйку, пользуясь ее минутной слабостью. В итоге все фамильное содержимое сундучка она привезла моему сыну в Салехард. Я и не предполагала, что он тоже станет выпускником Горного института.

Помню, Лидию Дмитриевну, как ветерана, пригласили на юбилей газеты «Красный Север» в Салехард. Мы повидались с коллегами в первый же день, а на третий мне позвонила организаторша и сказала: «Слушай, праздник утих, позвони Гладкой, может скучает». Я позвонила. «Что? Скучаю?! — возмутилась Лидия Дмитриевна. — Да мы через десять минут с Серегой Харючи заедем к тебе и закидаем пасхальными яйцами!»

День ямальских СМИ в том году совпал с Пасхой. Сергей Харючи — тогда председатель Государственной Думы автономного округа — до последнего дня Лиды оставался ее другом. За десять минут я успела принарядиться и оповестить соседей, чтобы они не пропустили незабываемого зрелища.

Оказавшись в Петербурге в очередной командировке, спросила Лидию Дмитриевну, что передать в Салехард. Мы договорились встретиться на ближайшей автобусной остановке к ее дому и посидеть в кафешке. На остановке я увидела ее с огромной сумкой на колесиках. Спросила: «Вы же не хотите сказать, что я потяну эту тележку в Салехард?» — «Конечно, нет! — ответила она. — Тележка мне нужна самой! Ты повезешь ее содержимое!»

Наговорившись, вызвали такси, и она на заднем сиденье заботливо обложила меня книжками. Надо заметить, это были времена «Болотной площади». Как только отъехали, шофер оглянулся и с ненавистью выдал: «Из-за таких, как вы, книжных гадов, Россия кровью умоется!» — «А ты за кого голосовал?» — среагировала я на неожиданно агрессивный тон.

Парадокс: везли мы поэтические тома Глеба Горбовского, изданные Лидией Дмитриевной. Ходили слухи, что он любимый поэт президента.

С таксистом грызлись всю дорогу, он оглядывался на меня, бросал руль, шины визжали. Когда подъехали, дискуссия достигла такого накала, что я поняла: когда выйду — будет бить ногами и по голове. Ему никакие книги, видно, не нравились. Нашупывая в сумочке деньги, наткнулась на твердые красные корочки — помощник депутата Законодательного собрания Ямало-Ненецкого автономного округа. Вроде не авторитетное удостоверение. Однако в темноте сунула книжечку в гадкую физиономию и приказала: «Ты мне сейчас эти книги до лифта дотащишь!» И он дотащил. А в квартире уже звонил телефон. Лидия Дмитриевна волновалась: «Как ты доехала?» — «У вас таксисты какие-то ненормальные, — пожаловалась я. — Какой-то безбашенный попался, книжки не любит, в драку лез». — «Странно, — удивилась Лидия Дмитриевна. — А сколько ты ему заплатила?» Я в ужасе спохватилась — нисколько.

Р. С. В начале девяностых в Салехард из Надыма к Лидии Дмитриевне прилетела моя однофамилица Людмила Ефремова, с которой мы дружны и по сей день.

5 мая 2019
г. Салехард

Сергей и Лариса Цупиковы
заслуженные работники культуры РФ

Наша Лида

Теперь уже вряд ли можно точно вспомнить, когда впервые в нашей жизни появилась она — Лидия Дмитриевна, или «наша Лида». Скорее всего это произошло в начале 80-х, когда мы были совсем молодыми и только осваивали работу в области культуры Ямала. Думаем, что в многочисленных командировках возникла долгая дружба с этой удивительной женщиной, уже тогда мэтром ямальской журналистики. В тот непростой период профессионального становления были очень важны поддержка и понимание

опытных, уже состоявшихся специалистов, сотрудничество с ними. В общении с Лидией Дмитриевной, где бы оно ни происходило: во время публичных выступлений, собраний, встреч в редакциях или в домашней обстановке, — всегда чувствовали непрязный интерес к нашим удачам и трудностям и что-нибудь да усваивали нужное и полезное, брали на память добрый совет. Она одна из первых высоко оценила Сергея, как композитора, да и всякий даровитый человек, попавший в поле ее зрения, получал импульс к дальнейшему совершенствованию. Особое внимание уделяла Лидия Дмитриевна народным коллективам Салехарда, с которыми не раз бывала в агитационных и концертных поездках по всему Ямалу. Прожив на Севере много лет, она оставила здесь часть души и память о себе. Спустя годы, после того как Лидия Дмитриевна вернулась в Санкт-Петербург, мы продолжали дружить, встречаться.

В жизни каждого обязательно есть люди, которые привлекают к себе широтой кругозора, сердечной отзывчивостью, им доверяешь, на них можно положиться и их невозможно забыть. Именно таким человеком для нашей семьи стала «наша Лида», Лидия Дмитриевна Гладкая.

Апрель 2020

Валентина Нёлёковна Няруй
кандидат педагогических наук

Романтик белых снегов и «заиндевелых оленей»

От Сергея и Галины Харючи узнала, что Людмила Ефремова собирает воспоминания о Лидии Дмитриевне Гладкой. Идею подхватила с радостью — образ ленинградки стоял перед моими глазами «будто мы с ней только вчера простились на Стачек, 30». Конечно, я тоже решила поучаствовать в издании.

Итак, я стала вспоминать, какой была и какой осталась в нашей памяти Лидия Дмитриевна Гладкая... Встретились мы с ней у Елены Григорьевны Сусой на улице Комсомольская, дом 40, кв. 2, когда еще не было музея-квартиры. Причина встречи — наступление Нового года (едэй по' товам' ядабтава) в ноябре, когда вся земля покрылась пушистым снегом. Елена Григорьевна Сусой — младшая

сестра моей мамы, Сэрне Сумсивны (Григорьевны) Сусой, в замужестве Яптик. Деда по материнской линии звали Сумси, но при крещении в поселении Нумгы нарекли его Григорием. Родословной рода Сусой заинтересовалась и Лидия Дмитриевна Гладкая. С тех пор мы ее считаем одним из знатоков семейных историй ненцев Ямала.

Она была одним из лучших переводчиков поэтических произведений Леонида Васильевича Лапцуя. Для достоверности переводов начала изучать ненецкий язык, на котором каждый раз здоровалась и прощалась, например неплохо владела лексикой чаепития: нянь — хлеб, сяй — чай, хыдя — чашка; саць — очень, навыдо́на — вкусно; сяй саць навыдо́на — очень вкусный чай.

За годы жизни и работы в Салехарде она для нашей семьи стала очень близким и родным человеком. В городе тогда были проблемы с жильем, и она какое-то время жила у нас, стала для наших детей бабушкой, для меня — мудрой наставницей. Прислушивался к ее советам и Семен Николаевич Няруй (первый ненецкий композитор), радостно встречали ее с работы наши дети: Нядмушка и Явночка, так ласково она их называла. Меня влекло к ней серьезное отношение к ненецкой литературе: к поэзии Леонида Лапцуя, Ивана Юганпелика, Геннадия Пуйко и других пишущих людей.

Она была влюблена в народы Севера, в их культуру, с уважением относилась к традициям, обычаям и бытовым ритуалам. Особенное внимание проявляла к миру кочевых семей, по-сердечному их жалела, по возможности помогала: отправляла в тундру посылки с вещами, со сладостями для детей, иногда передавала деньги и дарила свои красивые вещи.

Не знаю, когда зародилось у ненцев дарение друг другу любимых вещей (именно любимых и очень нужных), но оно действует и по сей день. Суть этой традиции у ненцев заключается в следующем: если гостю понравится «на глаз» что-то из твоих вещей, например у женщин — красивый цветной платок, необычная кукла, чашка; у мужчин — ненецкий нож, пояс, ручной инструмент, а может, и тынзян — аркан (тынзям мядонзэма), обязательно такая вещь окажется в руках или на нарте гостя. Наблюдались случаи, когда гость мог получить в подарок самого красивого и умного оленя из стада хозяина. Этому следовал не раз мой отец — Нёлёко Хавывич Яптик.

Усвоила традицию и наша Лидия Дмитриевна: могла подарить гостье (гостю) свою любимую и нужную вещь, например белый шарф, красивую сумочку, блокнот, книгу, необычную ручку, одним словом, что приглянулось гостю, прямо как у ненцев, про которых знала почти все.

Чтобы еще больше окунуться (как она говорила) в «океан» бытия и философии кочевых ненцев, мечтала попасть в тундру и «покаслать» какое-то время по тундровым просторам, грезила посидеть на нарте и понаблюдать за жизнью настоящих людей, кочующих до горизонта Карского моря, которое вместе с морьями Арктики журналист Лидия Гладкая бороздила по холодно-ледовым волнам от края до края.

Мечта не сбылась по причине нелетной погоды в ноябре — дожди размывали первые снега. Одним словом, Сусой Е. Г. — ее соратница и подруга, отговорила.

Давно появившееся желание иметь второе имя, ненецкое, свершилось. Мы нарекли нашу русскую женщину — Хадакоця (хада — бабушка, коця — уменьшительно-ласкательный суффикс). Имя Лидии Дмитриевне пришлось по душе; она умиротворенно улыбалась, когда мы к ней так обращались. Особенно окрепла наша дружба, когда на длительное время Лидия Дмитриевна переехала из Санкт-Петербурга в северный город на Полярном круге Салехард. Устроилась работать собкором в окружную газету «Красный Север».

По долгу службы приходилось ездить по округу, попадать в летние дни в отдаленные поселки и фабрики в поисках героев для своих метких и умных статей, в которых она поднимала проблемные вопросы и почти всегда решала их, конечно, с выходом на правительство округа. Надо сказать, Лидия Дмитриевна умела находить со всеми общий язык, а если у нее не получалось, то спешила за помощью в ассоциацию «Ямал — потомкам!», к президенту — Сергею Харючи. С ее подачи за верность служению народу мы всем миром нарекли его Нудондана (Прокладывающий путь). У Лидии Дмитриевны Гладкой было особое отношение к семье Сергея Николаевича и Галины Павловны Харючи. Она уважала значимых и самоотверженных людей, дружила с ними. Ждала их в гости в своей квартире на Ленинградском проспекте, как и всех любимых с Ямала.

Она так прониклась жизнью и деятельностью этой семьи, что в 2007 г. в Санкт-Петербурге в издательстве «Историческая

иллюстрация» к 55-летию Сергея Николаевича Харючи сумела подготовить книгу «Прокладывающий тропу (Ѓудондана) Сергей Харючи». Помню, тяжелоатой ей досталось это детище, которое было нам так интересно при чтении. Книга стоит на полке моей нескудной библиотеки словно памятник тем временам, событиям, людям, и конечно, Лидии Дмитриевне Гладкой.

Годами раньше ее осенила идея подготовить и издать в музыкальном салоне Санкт-Петербурга пластинку с произведениями Семена Няруя. К сожалению, по причине отсутствия необходимых средств проект на время был «заморожен».

Идеи Лидии Дмитриевны Гладкой по развитию литературы Севера на родных языках впоследствии вошли в основу концепции квартиры-музея ненецкого писателя в городе на Мысу (Саля-Хардахана). И в 1994-м, в Салехарде, не без участия Лидии Дмитриевны, Елене Григорьевне Сусой удалось открыть музей-квартиру Леонида Васильевича Лапцуя. Музей-квартира — хранительница образов двух ярчайших личностей прошедшего века, мастеров слова — Леонида Лапцуя и Елены Сусой. Дом их литературного наследия по сей день радушно встречает почитателей.

В 2004 г. в филиале издательства «Просвещение» вышло 2-е издание сборника Леонида Лапцуя «Песни мои — детям». Он был составлен Е. Г. Сусой, Н. И. Ного и Л. Д. Гладкой. Первоначально задумывалось дать оригиналы на ненецком языке с переводами на русский, но в связи с тем, что издание получалось слишком объемным, сборник тогда был выпущен только на русском языке. Учителя родного (ненецкого) языка знакомят новые поколения с ярчайшим представителем ненецкого этноса.

Теперь мне все больше кажется, что Лидия Дмитриевна глядела на нас, как на детей. Мы были молоды, и казалось, что самое лучшее — впереди. Мы мечтали, и она мечтала вместе с нами. В часы вдохновения (может, и грусти) читала нам стихи Глеба Горбовского о бороздящих северные моря кораблях-ледоколах, на которых уезжала женщина, влюбленная в белые снега, в прозрачные сероголубые торосы.

Я вспоминаю стихи его и лица их друзей. Помню, мы с Марией Яковлевной Бармич, корифеем лингвистики ненецкого языка, с букетом белых гладиолусов и другими подарками, подъехали

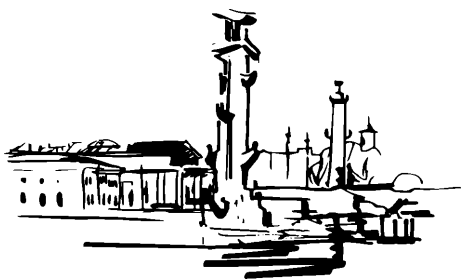
к уютно-камерному ресторану в центре Петербурга. Навстречу вышла женщина в красивом бирюзовом наряде, наша именинница Лидия Гладкая. Ее окружали радостные люди. Чуть позже, когда всех друг другу представили, мы поняли, что все гости были из литературной среды. Рядом с Лидией сидели двое ее сыновей и дочь. Весь вечер звучали стихи. Мне предоставили слово. В знак «ямальского» уважения к Хадакоце моих детей, я прочла стихотворение Глеба Горбовского:

— Заиндевелые олени
тебя везут на край земли.
Огни призывные селений
уже не вызвездят вдали...

По прошествии времени вижу, что именно они, эти «заиндевелые олени», увезли от нас за горизонты, в иные миры нашу Лидию Дмитриевну Гладкую — навсегда, навечно...

Мы помним ее с нежной благодарностью. Пусть и там будет небо к ней благосклонно.

Апрель 2020
г. Салехард



Память Петербурга



О память сердца! ты сильнее
Рассудка памяти печальной...

Константин Батюшков

Биография Лидии Гладкой, которая написана ею в нескольких вариантах и которая формально запечатлена в ее трудовой книжке и договорах многообразием «рабочих» адресов, удивляет краткой строкой — помощник режиссера в Театре им. Ленинского комсомола. Долго не находилось ответа, какими путями она вошла в этот коллектив. Оказывается, предпосылки к тому были, но затерялись в полувековой давности. Еще студенткой Лидия увлеклась театральной самодеятельностью. К той поре возвращает нас режиссер и педагог, ученый, заслуженный артист РСФСР, писатель, профессор и доктор искусствоведения Оскар Яковлевич Ремиз (1925–1989).

Из публикации узнаем, как зародился интерес у его собеседницы к фольклору в Народном театре на Васильевском острове, как проявился он впоследствии, например, в организации Народного театра в г. Охе — столице Сахалина, в работе секций литературы и фольклора Окружного Дома культуры народов Севера.

Штрихи к портрету

Четверо

Перед тем как собрать их в одном очерке, хорошо было бы собрать всех четверых во Дворце культуры. Так я думал. Так хотел сделать. Но у Светланы Карпинской была неожиданная репетиция; Геннадий Опорков, загруженный делами и заботами главного режиссера, курсировал между театром и Управлением культуры, у Лидии Гладкой расхворался младший — Боря...

Точно по расписанию к началу занятий в 20:00 из всех четверых во Дворец пришел один Евгений Баскаков. Это неудивительно. Также точно, по расписанию, исключая дни, когда спускали на воду суда на его Балтийском судостроительном заводе, он являлся на занятия и репетиции двадцать пять лет — срок, не так давно отмеченный в Доме работников искусств.

И вот мы сидим с ним и вспоминаем о том, что было восемнадцать лет назад. К тому времени драматический коллектив ленинградского Дворца культуры им. С. М. Кирова, который сначала так и назывался — «коллектив», потом стал студией <...> и Народным театром. Баскаков был здесь с первых дней. Студией руководили крупнейшие мастера театра — Василий Меркурьев, Георгий Товстоногов, Евгений Лебедев. Коллектив одерживал свои первые художественные победы. У нас на памяти «Баня» и «Поддубенские частушки» — спектакль и фильм — две вершины в творческой жизни труппы. Был еще спектакль по драматической поэме Ольги Берггольц «Верность», показанный в Колонном зале Дома союзов. А сколько было просто хороших спектаклей, служивших ступеньками роста «народных» артистов и доставлявших радость жителям Васильевского острова. Но главное — не вершинные успехи и не рядовые достижения. Главное — люди, которые занимались во Дворце в эти годы (1972–1975). Они уходили в жизнь с запасом новых наблюдений, навыков, знаний. Те, что придя заниматься в репетиционную комнату на четвертом этаже, оставались здесь надолго — на год, на два, на десятилетия. Или на двадцать пять лет — как Баскаков.

Куда ушли остальные? <...> Что сохранили они от своей самодеятельной юности? Среди них не только актеры, есть писатели, журналисты, режиссеры, художники и даже пианист — лауреат Международного конкурса.

И вот снова перед нами они, три человека. Те, что не пришли сегодня во Дворец. Три судьбы. Три биографии художников. Три ленинградца. Режиссер, поэтесса, актриса.

— Читал стихи Лиды Гладкой в журнале «Аврора», — улыбнулся Баскаков. — Хорошие стихи. Видел Свету Карпинскую в «Валентине и Валентине». А не так давно у нас во Дворце был выездной спектакль «Жестокость» в постановке Опоркова. <...> Вспоминая сегодня с чего начинался Опорков, не могу не вспомнить о том юношеском максимализме, который стал отличительной чертой его нынешних режиссерских убеждений. Это качество роднит Опоркова с исполнительницей «роли» верблюда Лидии Гладкой в спектакле «Цирк».

Испытание на верность

Запах свежего хлеба —
Горевать нет причин!
Солнце лезет на небо,
Я слезаю с печи.

Мне представляется, что строки эти не напечатаны в сборнике «День поэзии», а я словно слышу их. И звучат они тогда доверительно, нежно и довольно-таки шепеляво.

Умываюсь я нынче не слезами-бедой,
А прозрачной, обычной ключевой водой...

Ах, как много «ч», и при этом все они удвоятся и звучат, как «чч», звук «с» будет трансформироваться в нечто среднее между «ф» и «т», а «з» просто-таки расплывается. Это произойдет потому, что у Лиды Гладкой нет актерских данных. Совершенно нет! В этом была убеждена не только она сама, но и весь бывший выпускной класс, никогда не направлявший ее на самостоятельные олимпиады, и, конечно же, та ее подруга по первому курсу Горного института, которая обладала актерскими данными в избытке. Ради нее, собственно говоря, и направилась Лида Гладкая в большой каменный Дворец, в котором была до того только один раз. У Лиды были куда более серьезные интересы еще в детстве. Она писала стихи, но подруга настояла — хотелось, чтобы о ее торжестве при приеме в драматическую студию знали в институте. А Лида отличалась удивительным умением рассказывать интересно!

Вот они и отправились вместе. Подруга рвалась в заоблачные выси искусства. Чтобы проникнуть в выси, следовало прочесть басню, прозаический отрывок и стихотворение.

— А вы что, девушка? — спросил я у Лиды.

— Я прифла пофлушать...

— Понятно.

При таком произношении звуков «ш» и «с» ничего другого делать не оставалось. Итак, Лида не собиралась читать стихотворение, басню и прозаический отрывок, но в студии занимались ее

друзья — ребята из университета. Очень хорошие парни, но шутники. И они подговорили Лиду попробовать. Поморочить немножко руководителей студии. Лида сама любила розыгрыши и с охотой приняла предложение. А дальше произошло событие довольно банальное. <...> Артистическую подругу не приняли. Приняли Лиду, прочитавшую шепеляво свою самодеятельную (выданную, впрочем, не за свою — есть такой застенчивый вид антиплагиата) басню. У подруги было обнаружено чистое и правильное произношение всех букв русского алфавита, несомненные голосовые, пластические и сценические данные. Не обнаружены были лишь данные к искусству. Те самые, что были у Лиды Гладкой. Она оказалась в студии. И разве так уж важно для творчества биографии Лидии Гладкой, что занялась она поначалу серьезно не литературой, а театром? Разве то, что ей не суждено было стать актрисой, так уж существенно? В студии бытовало изречение: «Актером можешь ты не быть, но гражданином быть обязан». Перефразированные слова Некрасова становились важным воспитательным тезисом. <...>

...Провозглашался принцип борьбы со штампами. И не только с театральными. Театральные штампы имеют свою родословную, свое генеалогическое древо: корни в штампах жизненных.

Вторжение в жизнь — насущная задача искусства, неременная забота художника и гражданина.

Лида продолжала заниматься в институте, ездила на практику, научилась карабкаться по горным тропам, но теперь уже оставалась верной своему второму призванию. В ту пору и начали мы работать над «Поддубенскими частушками». Гладкая получила, по обыкновению, роль во втором составе. Началось с этюдов. И этюды были такими, что нельзя было обойтись без знания частушек. А потом решили — надо не только знать, но и сочинять частушки, складывать их, чтобы понять на себе, как складывают частушки поддубенские девчата.

Мы ждали, что Лида отличится. Кому как не ей, признанной сочинительнице и крупнейшему в студии поэтическому авторитету (тайна сочинителя басни была уже к тому времени раскрыта), быть заводилой в придумывании частушек? Но Лида не отличилась. Она писала только то, что чувствовала. А частушек она, городская девчонка, не понимала. Так и оставалась она во втором составе.

А первый — уверенно обошел ее. Первый состав уже научился складывать. Не ахти какие, но похожие. Не своеобразные, но возможные. Так пришли к летнему отпуску и разошлись на лето. <...>

Лида Гладкая приехала в октябре из очередной экспедиции. Вместе с тетрадкой с ролью она привезла еще две: в одной — собранные в Башкирии частушки, в другой — ее собственные. Частушки были крикливые, пронзительные, не похожие, а самделишные.

Встретившись с незнакомыми ей хорошими людьми, Лида вошла в их жизнь, как входит актер в новые для него «предполагаемые обстоятельства». Она слушала и записывала. А потом поставила себя на их место. Как актер учится действовать вполне «от себя», так же «от себя» стала Лида складывать частушки. Эти частушки, привезенные ею и сложенные, остались, как и полагаются частушкам, безмянными. Безмянными они вошли в наш спектакль, а потом и в фильм. И теперь сама Лида уже не помнит, что сложено ею, что записано, а что сочинено другими. Частушки, кажется, и впрямь стали народными! И разве так уж важно, сложены они в деревне Поддубки, или в башкирской деревне, или в самодеятельном коллективе Васильевского острова! Важно, что были они пережиты.

Кончила Гладкая Горный институт. Жизнь измерялась теперь километрами пройденных дорог и годами раздумий. Все это укладывается в стихи — шесть лет на Сахалине, без отпуска путь по Сусунайской долине, от залива Апава до мыса Терпения...

— Ты хотела мне рассказать о Народном театре, который организовала сама, — поинтересовался я при встрече.

— Это началось так. В городе Оха на Сахалине меня выбрали в комитет комсомола геологоразведочной партии и поручили культурно-массовую работу. Мы организовали грандиозный самодеятельный концерт. Сама я читала стихи Бориса Слуцкого. О нас писали в газете. Обо мне писали, что у меня голос замечательного тембра. Я никогда прежде такого о себе не слышала. Правда, помните, когда Ксения Владимировна Куракина, наш педагог по речи, столько трудилась над моей дикцией!.. После этого концерта я стала организовывать в Охе Народный театр. И пока выдвигала организационные и творческие принципы, похожие на наши, кировские, партия снялась и ушла. А театр, я слышала, создали, и работает

он до сих пор... Самодеятельность — это страшно серьезно, — говорит Лида и как-то по-детски сводит брови. — Нет различия между источниками света. Зажженная спичка может оказаться в какой-то момент гораздо важнее солнца. Когда встречаешься сегодня с заводскими поэтами, ощущаешь их силу. Я не знаю иного пути в литературу. Человек, пришедший в искусство из жизни, для которого сначала его искусство было производным от первой профессии, обладает иной силой преодоления, и потом он уже выдержал испытание на верность искусству. <...> Ведь недалеко то время, когда художественная деятельность станет насущной человеческой потребностью. В одной хорошей повести я прочла об этом и теперь мечтаю о времени, когда появятся на свете «участковые поэты». Их деятельность так же необходима, как работа дворников, милиционеров. Чем они хуже, чем лучше? Хорошо все то, что заключает в себе добро. А литература, искусство обладают таким запасом добра! Вот это поняла я в студии. И что все, что воплощается в творчестве, должно быть пережито. И еще поняла настоящую цену любого настоящего искусства. Я, конечно, никогда не хотела стать актрисой, вы знаете. Но театральная самодеятельность помогла мне выверить дорогу. Я могла бы пойти совсем по другому пути. Мы говорили об этом как-то с Геней Опорковым.

— Помнишь «Поддубенские»? — спрашиваю я.

Лида отвечает очень серьезно:

— Вы знаете, я до своей башкирской экспедиции не понимала частушек. А вот с той частушечьей тетрадки началось мое увлечение фольклором.

Порой мы забываем об истинном значении слов, об их первоначальном звучании. Народное творчество... Ведь это не только то, что люди сочетают работу с любительством в искусстве. Изначальный смысл этих двух слов — иной, более широкий. Речь идет об определенной устремленности творчества, об особой и притом весьма плодотворной ветви искусства.

Традиции народного творчества...

Не оборваны ли они в современном самодеятельном искусстве. Не пресекались ли, не затмились ли свойственным нынешней самодеятельности равнением на профессиональное искусство? Не мешают ли их развитию высокие профессиональные критерии

«ученого» театра, выдвигаемые сегодня нами? И что это — «народность творчества»? Принадлежность только самодеятельного либо необходимое слагаемое или даже исток любого искусства, независимо от выданных ему аттестатов художественной зрелости? Нет однозначного ответа на эти вопросы в теории искусств, и можно посетовать лишь на то, что часто самодеятельность теряет родовой признак своего искусства — народность.

1975

В альманахе «Метроном Аптекарского острова» (2/2006), посвященном 120-летию СПбГЭТУ «ЛЭТИ», опубликовано интервью Юрия Борисовича Петрова (1937–2006), д. т. н., профессора, действительного государственного советника Санкт-Петербурга 3-го класса, всю жизнь проработавшего в ЛЭТИ. Он вспоминает бьющую ключом молодую студенческую жизнь, в которой было много встреч, межинститутских выступлений. Среди его увлечений кроме живописи особое место занимала поэзия классиков и та, что так ярко проявилась в 60-е годы XX века. Копия текста сделана с экземпляра из архива Лидии Гладкой.

Душа моя, Элизиум теней

(фрагмент)

Душа моя, Элизиум теней,
Теней безмолвных, светлых
и прекрасных,
Ни помыслам години буйной сей,
Ни радостям, ни горю не причастных...
Ф. И. Тютчев, 1834

...М. Гребенников пригласил меня на поэтический вечер в Политехническом институте 18 декабря 1956 года, где выступали «горняки глебсеменовского полка» — авторы знаменитого в то время литературного объединения («Горняцкого ЛИТО» Горного института), которым руководил выдающийся ленинградский

поэт Глеб Сергеевич Семенов. То было их последнее выступление на публике под флагом ЛИТО. Через два месяца их разогнали за оппозицию подавлению мятежа в Будапеште в октябре — ноябре 1956 года.

— Да, известно, в 50–60-е годы отечественная поэзия была в расцвете...

— Удивительный феномен — огромный общественный интерес к поэтическому слову, к поэтам и поэзии. Несколько позже этот феномен будет означен известной строкой Е. А. Евтушенко: «Поэт в России — больше, чем поэт». Для нынешнего молодого читателя эта строка, вероятно, — многозначительная бессмыслица, но те, кто помнит дух первой оттепели, помнят и другой слоган: «Что-то физики в почете, что-то лирики в загоне» (Б. А. Слуцкий). Физики были в почете за водородную бомбу (1953), за первую АЭС (1954), за спутник (1957), за противостояние лысенковщине в биологии (1960) и вообще за «фронду»... Это было понятно и приятно. Щекотала мысль, что «фронда физиков» безнаказанна, им позволено все... Какое было заблуждение! Молодому Келдышу могли отдать «на заклание» старика Лысенко, но даже Отцу водородной бомбы А. Д. Сахарову не было позволено тронуть основы власти. Однако это будет потом, позже, а тогда мы гордились, что мы — технари, почти «физики».

Почему же «лирики в загоне»? Потому что лирики как поэтической формы в те годы практически не было (К. Симонов и С. Щипачев — не в счет). Власть во все времена не любила и презирала поэтическое слово, боялась его и отыгрывалась на самих поэтах. Лирики были «в загоне» только у властей. Поэтические встречи собирали тысячные толпы на площадях. Мне довелось, как психованному фанату, носить Евгения Евтушенко на руках на площади Маяковского в Москве в октябре или в ноябре 1960 года. Причем я даже не мог прикоснуться к поэту, а тихо подвывал в толпе метрах в 3–5 от него. В слогане Евтушенко — указательный перст на диссидентство не только гражданской поэзии, но и лирической. Ведь известно, что после пакостной истории с Нобелевской премией Б. Л. Пастернака (1957) держать в голове лирические тетради доктора Живаго было не фрондой, но антисоветской позицией.

Разве власти могли терпеть «Горняцкое ЛИТО», если девчонка, студентка, член объединения — Лидия Гладкая через месяц после начала «венгерских событий» 23 октября 1956 года пишет такое стихотворение:

Там красная кровь — на черный асфальт,
Там русское «Стой!» — как немецкое «Halt»,
«Каховку» поют на чужом языке,
И наш умирает на нашем штыке.
А здесь — равнодушие с тоской пополам
Тащит людей по ничтожным делам,
Философы плачут над лужами водки,
На танцы спешат красюки и красотки.
А комсомольцы с унылым задором
Фальшиво гнут фестивальные хоры,
И если не слышат соседи и теща,
Скулят сопляки про Сенатскую площадь.
...«Аврора» устало скрипит у причала:
Мертвою зыбью ее укачало.

26 октября 1956

ЛИТО распустили, Семенова уволили, Лидию Гладкую — «распределили» на Сахалин, сборник стихов, изданный на ротаторе тиражом 300 экз., сожгли на институтском дворе по личному указанию Фрола Козлова — «первого» в Ленинградском обкоме. То был урок каждому «литовцу», и на всю жизнь, а ведь из «семеновцев» вышли такие выдающиеся ленинградские поэты, как А. Кушнер, Г. Горбовский, В. Британишский, Л. Агеев, А. Городницкий, О. Тарутин, Л. Куклин, Н. Королева, Л. Гладкая, писатель А. Битов. На всех на них — отблеск «аутодафэ» 1957 года: тогда жгли их стихи.

О сказанном выше мы, разумеется, не знали ни в конце 56-го, ни в начале 57-го, и даже позже. Вечер в Политехническом стал мне ступенькой в образовании, неким эстетическим откровением, причащением к поэзии, как к концентрированному проявлению языка общения, как к особому взгляду и отношению к окружающему миру. Я стал водить компанию с пишущей братией, «охотился»

за поэтическими книжками и сборниками, сотрудничал с редколлегией факультетской газеты «Энергетик», где печаталось немного, но очень хороших стихов в подборке редактора Сергея Гуревича, например ранние стихи Леонида Мартынова, Бориса Слуцкого и др. С радостью обнаружил, что буквально рядом со мною, на кафедре ВЧЭТ, учились и даже еще учатся великолепные самодеятельные поэты Григорий Цодиков и Александр Щербаков. В моей собственной студенческой группе пишут стихи Семен Вайханский и Виталий Стрельников (ни одного из них уже нет в живых).

Б. Г. Венус

Вспоминая Ахматову

Об Ахматовой осталось много воспоминаний. Одно из интересных принадлежит Борису Венусу, сыну ленинградского писателя Г. Д. Венуса, который был дважды арестован: в 1935 и 1938 годах; скончался в тюремной больнице (1939). Его сын был близко знаком с Анной Андреевной.

В 1940 году Борис Венус с матерью вернулись в Ленинград из ссылки и поселились на канале Грибоедова, 9, в квартире писателя И. С. Соколова-Микитова (с его любезного разрешения). Здесь и застала их война.

«В одну из первых бомбежек пострадал знаменитый Фонтанный дом, и Ахматова переехала на канал Грибоедова, в квартиру известного пушкиниста Б. Б. Томашевского. Остерегаясь частых бомбежек, Ахматова много времени проводила в бомбоубежище. В углу в полуподвале стояло старое кресло. Его и облюбовала Ахматова; кутая ноги в плед, обычно что-то писала».

Сюда приходили Б. Томашевский, Б. Эйхенбаум, В. Шишков, иногда М. Зощенко и другие. <...> «Шумно обсуждались последние фронтовые и ленинградские новости. Но иногда вдруг становилось необычно тихо. Это значило, что в своем кресле задремала Анна Андреевна. Какая-то магическая сила исходила от этой женщины. <...> Вскоре Анна Ахматова улетела из Ленинграда на Большую

землю, увезла с собой рукопись знаменитой «Поэмы без героя», над которой работала в бомбоубежище.

После войны мне довелось еще несколько раз встречаться с А. А. Ахматовой».

В 1950-х в Комарово Анна Андреевна жила в маленьком домике, который она называла «будкой». Обстановка была простой и скромной, «лишь в одной комнате стояли изящный старинный столик, такое же зеркало и два очень красивых бронзовых подсвечника со свечами...».

В один из приездов Борис Венус рассказал о своих детских и блокадных впечатлениях. «Говорить с ней было очень легко, просто. Как-то забывалось, что передо мной великая поэтесса, гордость России». Потом я несколько раз приезжал в Комарово, отвозил на своей машине Анну Андреевну в Ленинград. Она жила тогда в писательском доме на улице Ленина. Однажды по дороге она рассказала, что у нее был А. Солженицын, читал свои стихи. Я спросил о ее впечатлении. Она ответила коротко: «Вы безупречны в прозе, — сказала я Солженицыну, — но никогда не пытайтесь печатать свои стихи». <...>

«В последний раз я видел Анну Андреевну 24 июня 1963 года, на следующий день после 74-летия. На дачу были приглашены писательница Е. М. Тагер, пожилой геолог, давний знакомый Ахматовой С. Д. Цирель-Спринзон, молодая поэтесса Лидия Гладкая и я.

После чая Гладкая читала стихи. Она только что вернулась в Ленинград с Камчатки, была неустроенна и показалась мне нервным и ранимым человеком. Можно представить, сколь страшно и ответственно было для молодого автора читать стихи великому мастеру. Все знали, что Ахматова бескомпромиссна в суждениях. Но стихи Гладкой она одобрила. К сожалению, дальнейшая судьба этой безусловно талантливой поэтессы мне неизвестна.

Потом стихи читала сама Анна Андреевна. Когда она встала из-за стола, за которым мы пили чай, и пошла в свой маленький кабинет, я увидел, что перед нами немолодая и больная женщина, уставшая от невзгод. Когда же зазвучали ее стихи, это ощущение сразу исчезло. Пред нами сидела королева! Я понимаю, что по отношению к Ахматовой эта метафора не нова, но иного

слова у меня нет. Она читала и время от времени поворачивала голову к зеркалу, как бы любясь собой. Музыка стиха снова сделала ее молодой».

1989

В. Калмыков

Ахматова назвала ее поэтом

У Лидии Гладкой встречаются стихи с включением нескольких ассоциативных мест, в которых запечатлены чувства, отраженные в поэзии Анны Андреевны Ахматовой. Эти стихи посвящены большому поэту, с которым Л. Гладкая имела счастье встретиться в жизни.

В 1963 году Гладкая приехала в Ленинград в отпуск. Возвращения на Сахалин не последовало. Гладкой сообщили, что на железнодорожном переезде дрезина сбила автобус, в котором ехали ее геофизики, и все погибли. Так она осталась в северной столице.

Однажды писательница Галина Корнилова уговорила Лидию поехать в Комарово на день рождения Ахматовой. На даче они застали много гостей, в основном людей старшего поколения. В подарок Гладкая передала два своих стихотворения, которые произвели на именинницу впечатление. Ахматова попросила почитать ей и другие стихи. Прослушав, Анна Андреевна назвала Гладкую поэтом. После обеда старики разошлись, но приехали Бродский, Найман, Горбаневская и их друзья. Гладкую неприятно поразило, что новые гости были озабочены только собой. Несмотря на просьбу Ахматовой продолжить чтение стихов, Лидия отказалась.

Смерть Ахматовой была для нее великим потрясением. О том, что она пережила тогда, в середине 90-х годов, рассказали очевидцы похорон Ахматовой в газете «Гражданин».

2000

г. Москва

Жизнь сказочника¹

Глава III (фрагмент)

Мне было тридцать два года. Явился Господь, привел в мой дом красивую молодую нимфу с двумя ангелочками девяти и шести лет и сказал: «Плодитесь и размножайтесь!» В первый день знакомства она поведала мне свою горькую историю: у нее двое детей, муж пьет, деньги не платит, она живет с детьми на улице; а недавно она заняла под проценты большие деньги и теперь их надо срочно вернуть, иначе ее убьют. Я дал ей ключи от квартиры и побежал к друзьям занимать деньги.

Через год жена родила сына. Она не была разведена с первым мужем, носила его фамилию, и мне родного сына пришлось усыновлять. На комиссии отцы города заподозрили в усыновлении что-то неладное и в отцовстве мне отказали. Я схватил стул. Жена чернильницу. Меня взяли под руки и препроводили в милицию.

Жена жила в городе, а дети со мной в лесу на кордоне. Младший сидел в загончике из сосновых жердей и грыз их, как молодой жеребенок. Старшая девочка утром выходила на крыльцо и громко читала стихи: «Здравствуй, лес прекрасный! Здравствуй, месяц ясный!» Средний бегал по старым военным окопам в поисках оружия. Он принес в дом три патрона, две ручные гранаты и противотанковую мину. Я сложил все это добро в мешок и отнес в глубь леса. Взрыв был впечатляющ. Заколебалась земля. Небо свернулось в свиток. Посыпались звезды. Зашаталось основание моего дома. <...>

Жить на кордоне жена отказалась. Скоро она потребовала, чтобы и я переезжал в город. Я покидал лес без сожаления. Была поздняя осень, ноябрь, по утрам подмерзало. Я уезжал так же налегке, как и прибыл. Явился Господь и сказал: «Возьми ведро с солеными грибами». Я взял с собой ведро соленых грибов (они оказались прокисшими), остальное оставил в избе. На гвозде висел резиновый

¹ Сергуненков Б. Н. Жизнь сказочника. СПб.: Изд-во писателей «Дума», 2001.

плащ, который мне подарил знакомый офицер-подводник, там же висел новый чистый ватник, меховая шапка, летняя кепочка, куртка со служебным жетоном лесника. В шкафчике хранились продукты: крупы, сахар, масло, бульонные кубики, соль, мука, а в другом — посуда: ложки, нож, железная кружка, миски, тарелка с надписью на обратной стороне «Конкордия» по-немецки с изображением свастики — я подобрал ее в лесу. В сенях избы оставались пилы, две ручные и одна ножовка, отточенные и разведенные мной, канистра с керосином, топор, веревки, клещи, рубанок и прочий рабочий инструмент. <...>

Моя жена была поэтесса и звалась Люда вся Руси. Природа ее души была любовь. А любовь эта была безмерна. Правда, дальних она любила сильнее ближних. Желание прийти на помощь росло у нее пропорционально от любимого предмета: чем дальше, тем сильнее. Царица и нищая, она проливала море слез по бедным вьетнамским детям и чилийским старикам. Она то летела в Салехард на чьи-то похороны, то на Сахалин на свадьбу. Сил и времени заниматься домом у нее не оставалось. Поневоле мне приходилось быть детям матерью и отцом.

Дети хотели есть, есть было нечего. С повинной головой я шел к соседям, братьям по перу просить в долг. У одного писателя деньги были, но в долг не давал. Другой давал, но денег у него не было. У третьего и деньги были и в долг он давал, но только на бутылку водки.

В доме просыпались гости. В одной жили узбеки из хлебного Ташкента, в другой грузины из солнечной Грузии, в третьей семейство чукчей из Чукотки. Появлялись вновь прибывшие повидать Северную столицу. Их надо было обогреть, обласкать, накормить, дать крышу. Пока я готовил еду, гости умывались, убирали постели и начинали играть с детьми в кегли, пинг-понг и хоккей. Шайбой разбили окно. Я заткнул его подушкой.

Второе занавесил одеялом. Третье закрывать было нечем. Поначалу я спал на кухне под столом, потом в прихожей у вешалки, потом на лестничной площадке у лифта. На вопросы очередных гостей: «Что это за человек лежит у лифта?», знакомые люди отвечали: «Это муж Люды вся Руси».

Ночью после очередной поездки по городам и весям появлялась жена с чемоданом пирожных и свитой сопровождающих,

толпой новых гостей: поэтов, геологов, археологов, вулканологов, летчиков, рыбаков и пр. Начинались торжества по самым разнообразным поводам: по дням рождения, по праздникам, по будням, по выходу в свет новой книги стихов, по невыходу ее, по отъезду гостей, по приезду, по их длительному пребыванию, по появлению в доме денег и по их отсутствию. Закупались в большом количестве продукты: мясо, рыбы, сыры, зелень, колбасы, икра, мороженое. В кастрюлях, латках, сковородках жарились, пеклись, варились горы еды. Появлялось шампанское, вина, коньяки. На пиршества собирался весь честной люд. За столом читались стихи, пелись песни, велись литературные споры: кто гений, а кто нет. Когда танцевали, жена входила в раж и кричала: «Я ведьма! Я ведьма!» Под утро гости валились спать на пол. После такого пиршества скапливалось столько бутылок, что на них можно было прожить целую неделю.

Дом скудел и богател одновременно. Он падал в преисподнюю и поднимался в небеса. Пришло в ветхость постельное белье, зато какой-то доброхот принес в дом двенадцать эрмитажных старинных стульев с резными спинками и кожаными сиденьями. Разбили тарелки, зато появились фарфоровые китайские чашки, тонкие, как лепестки цветов. Раскололи унитаз, вместо него привезли бронзовую скульптуру Афродиты. Какой-то художник повесил на стене свою картину: «Ангел летит над тропинкой». Другой, не желая отстать от приятеля, нарисовал прямо на обоях в детской сцены из жизни восточного гарема. Вместилищем для окурков и мусора служила ступка из императорской дворцовой аптеки. Ключи от замка были утеряны. В двери была выдолблена дыра, просунув в нее руку, любой мог открыть замок и войти в дом. Исчезло мое пальто, вместо него появилось чужое. Пропала пишущая машинка, ее заменил черный кот Пиня и щенок от ездовой собаки из Салехарда, которого за неимением другой еды, кормили сахарным песком из блюдечка. Выводились в доме клопы, занесенные гостями, появлялись блохи, кончали борьбу с блохами — разводились тараканы, уничтожали тараканов — гости-альпинисты привозили с Домбая чесотку, все от взрослых до детей начинали отчаянно чесаться и шли в баню на Дегтярную на санитарную обработку.

Когда сказок набралось на книжку, я отнес их во взрослое издательство. Мне сказали: «Это для детей. Идите в детское издательство». Я отнес сказки в детское издательство. Мне сказали: «Это для взрослых. Идите во взрослое издательство». Я писал новые сказки, я носил их в журналы и издательства и всюду слышал ответ: «Нам не нужны ваши литературные отбросы. Пишите рассказы». И возвращали рукопись с таким видом, как будто став писать сказки, я совершил преступление. Дома меня ждали те же разговоры. (Впрочем, жена считала, что я должен писать киносценарий.)

<...> Я хотел было вернуться к рассказам. У меня ничего не получалось. Всякий раз, когда брался писать рассказы, являлся Господь, останавливал мою руку и говорил: «Пиши сказки». И я писал их и носил в издательства.

Наконец я напечатал книжку сказок. Между выходом моей первой и второй книги прошло тринадцать лет.

<...> Едва книжка вышла в свет, на нее обрушилась критика. Критика разделилась на два лагеря. Одни — этих было мало — обвиняли меня в том, что я обольщен бесом. <...> Другие — большинство — заявляли, что в своих сказках я тайно протаскиваю идею Бога. А это было еще хуже. На меня навесили кучу ярлыков.

Пока я носил сказки в редакции, жена терпела меня в доме, она надеялась, что придет время, сказки напечатают и в доме появятся деньги и достаток. Но шло время, сказки не печатали, деньги не появлялись. Надежды ее испарились. По ее словам, она рассчитывала иметь в доме добытчика и кормильца, а получила неудачника и тунеядца. Она заявила, что не желает кормить бездельника. (Мне нечего было возразить на ее справедливые речи.) И выставила меня вон.

Так в один прекрасный день я оказался на улице в чужом пальто без пуговиц, без дома, без денег, без жены, с большим списком долгов и малым сыном на руках. Куда было идти? Что делать? Явился Господь и сказал: «Беру в свои лесники охранять лес небесный. Будешь писать сказки невидимые». <...>

В благословенных пределах Псковщины, в ста километрах от Святых гор, приобрел за бесценок брошенную избу и лето жил в деревне, а зиму проводил в городе у знакомых. На Шантилинской горе я замолчал в третий раз: писал невидимые сказки. Теперь уже навсегда.

Не написанный роман

Может быть, и правда, секрет творческого таланта в личном поведении автора?

Михаил Пришвин

Лидия Дмитриевна и я глаза в глаза сидим за накрытым столом у нее на кухне, обсуждаем заметки Бунина о Чехове, цитируем в произвольной форме. Здесь привожу по тексту: «Верно, в силу этой ненависти к высоким словам, к неосторожному обращению со словом, свойственному многим стихотворцам, а теперешним в особенности, так редко удовлетворялся он стихами.

— Это стоит всего Урениуса, — сказал он однажды, вспомнив “Парус” Лермонтова.

— Какого Урениуса? — спросил я.

— А разве нет такого поэта?

— Нет.

— Ну, Упрудиуса, — сказал он серьезно».

Там же: «А в воспоминаниях обо мне не пишете, что я был симпатичный талант и кристальной чистоты человек».

От Бунина переходим на известные страхи Булгакова, боявшегося мемуаристов, чьих бы то ни было упоминаний его имени. Уже тяжело больной, Булгаков сохранял способность шутить. Говорил своей жене: «Вот умру, и придет ко мне посмертная слава. Тебя будут приглашать на вечера памяти, а ты выйдешь на сцену в черном платье с красивым вырезом на груди, заломить руки и скажешь: “Отлетел мой ангел...”» Хотел он этого или нет, но из воспоминаний многих, знавших его, составила толстенная книга. И хорошо. Хорошо для нас, желающих, знать о нем больше.

Неожиданно Лидия Дмитриевна спросила:

— А что ты напишешь обо мне?

Так вот и спросила, не сомневаясь, что уйдет раньше меня; видимо, исходила из простой арифметики — двадцатисемилетней разницы в возрасте. Она ждала ответа, и я ответила:

— Напишу о первом впечатлении...

Осенью 2000 года в Театре на Литейном состоялся творческий вечер Глеба Горбовского. Когда поэт вышел на сцену, зрители дружно поднялись со своих мест, аплодируя ему. В тот день я впервые видела и слышала Горбовского. Закрепив очки на лбу, близко поднося книгу к глазам, он читал внятно каждое слово, выделяя ударное, выдерживал паузы и бросал короткие взгляды в зал. Я открывала для себя многослойный мир его поэзии и, когда под занавес на сцену пригласили устроительницу вечера Лидию Гладкую, внутренне ждала, предполагая утомительный монолог. Она подошла к микрофону и произнесла всего два слова: «Любите поэтов!» И все. И ушла. Это, как последняя ударная строка не то что стихотворения, а всего действия, произвело на меня сильное впечатление. Меня удивили не столько краткость, сколько голос, волнующийся и волнующий. Не о красоте голоса речь. Говорю об импульсе, о вибрациях в нем. Что-то настоящее, неподдельное уместилось в интонации двух слов. Волнение передалось мне, словно вспыхнула искра — узнавание в человеке своего.

Лидия Гладкая принадлежала к поколению, которое принято называть шестидесятниками. Была знакома с Анной Ахматовой, Михаилом Дудиным, Сергеем Орловым, Игорем Григорьевым, Николаем Рубцовым, Виктором Конецким, Федором Абрамовым, Виктором Голявкиным, Вадимом Шефнером и многими другими поэтами и писателями, ставшими классиками при жизни. Разве я могла предположить, что очень скоро состоится мое знакомство с ней и с Глебом Яковлевичем. В то время Лидия Дмитриевна жила в двухкомнатной квартире неподалеку от метро «Нарвская», на улице Зои Космодемьянской. Туда мы с Иваном Стремяковым и отправились, прихватив угощение к чаю, цветы и книгу стихов Горбовского «Окаянная головушка». Это случилось первого февраля 2001 года; на титуле дата закреплена автографом.

Несколько слов о Стремякове (1941–2017). По рождению он — сибиряк, по профессии — врач, по призванию — поэт. Чем-то похож на Маяковского. Цветаева писала о Маяковском: «Его лицом пролетариат мог бы печатать свои деньги». Если уж так, то лицом Стремякова можно бы печатать карту Сибири

со всюю ее первобытной дремучей тайгой, со всеми могучими реками, с ее Байкалом, обычаями, глухими деревнями и всем тем, что вошло в его замечательную полнокровную книгу «Глухомань». Я благодарна ему за его русскость, поэзию и за то, что он свел меня с Лидией Дмитриевной и Глебом Яковлевичем.

Я всегда более слушатель, чем рассказчик. Зная о том, Иван Степанович взял инициативу на себя. (Не всем же молчать.) Не помню сути сдержанного по тону разговора. Зато хорошо помню тогдашнюю обстановку большой комнаты: центр занимал обеденный стол, под окном — диван, слева от него — книжные полки, за шторкой в нише — кабинет Горбовского с массивным письменным столом со своей историей: когда-то принадлежал Д. И. Менделееву.

В народе бытует поверье: имя, данное человеку при рождении, имеет свое значение, нередко определяет и судьбу. В этом что-нибудь да есть. По одной из версий, имя Глеб произошло от скандинавского Готлиб — «любимец богов», по другой — от русского слова «глыба». Глеб Яковлевич Горбовский знал историю своих предков, никогда не отрекался от фамилии отца, репрессированного в 37-м году. Имя Лидия звучит песенно. В переводе с латинского — «музыкальная».

Кстати, о фамилии. В одну из наших встреч Лидия Дмитриевна дала мне книгу с закладкой на странице, где говорилось о казачьем атамане Осипе Михайловиче Гладком. Не заглядывая глубоко в родословные корни, чтобы составить мнение о человеке, хорошо бы начать с его детских лет. Всякий новорожденный получает в дар кроме имени и фамилии еще и малую родину, и все, что с ней связано, а главное — слово, речь. Лидия Дмитриевна не ощущала Ленинград родным. Чувство неукорененности сообщало ее душе желание к странствиям: «Говорят, что я — бродяга, / что бродягой родилась. / Это верно — с детства тяга / помесить ногами грязь...» География ее маршрутов охватывала обширную территорию: от Ленинграда до Кавказа, до Сахалина, до Крайнего Севера, до Северного морского пути, до легендарного атомохода «Арктика».

Жизнь Лидии Дмитриевны отражена в стихах. Их и привожу в качестве иллюстрации:

Не все на свете весело,
Не все на свете просто.
Жизнь с легкостью отвесила
Мне тяжесть не по росту...

Она написала стихи о венгерских событиях 1956 года. В то время за подобные откровения легко можно было угодить куда «Макар телят не гонял». По распределению вуза она с дипломом Горного института отправилась на Сахалин. Следом поехал супруг Глеб Горбовский. Молодые поселились в землянке. «Я в таких жила хоромах/ — Только душу береги!/ Я носила кирзохромы/ — Удалые сапоги...» — писала она. Два поэта в одной землянке не ужились. Горбовский вернулся в Ленинград, Гладкая осталась отрабатывать диплом. На изысканиях с ней произошел драматический случай:

Я шла по болоту в сумерках синих,
Качались гадюки на мертвых осинах,
Ряской зеленой едко лучась,
Под сапогами чавкала грязь.
И вдруг я свалилась,
В окно провалилась,
Сомкнулось у горла жижи кольцо...

Слух долетел до Ленинграда. Горбовский написал на это событие стихи:

Походный рюкзак за спиной,
и ноги — в сапожной резине...
Любимая женщина — мной —
завязла в болотной трясине...

Горбовский создает цикл «Свет» (1959). Цитирую из него:

...Я все гляжу на твой восток,
я все оглядываюсь чаще:
там где-то пестрый твой платок
затерян в выпавшей чаще...

Гладкая отвечает:

Не грусти, что в тайге затерялся
Твой подарок, веселый платок...

В молодости Лидия Дмитриевна была настоящей красавицей — стройная, черноволосая, с яркими зелеными глазами, густой челкой и веснушками. Она и на исходе жизни оставалась красивой. Крупные черты лица говорили о душевной щедрости, лидерских качествах и веселости нрава. Во всем облике читалась основательность и решительность натуры. Ласточка не взлетает с земли, только с высоты, ловя крыльями, поддерживающий ее воздух. Для Лидии Дмитриевны таким воздухом была смелость.

5 июня 2002

Сегодня из рук Лидии Дмитриевны получила в дар «Распутицу» Горбовского. Благодарно прижимаю книгу к груди: «Лидия Дмитриевна, спасибо вам!» Она мне в ответ: «Брось выкать! Слишком много тут между нами». В этом она вся. Все лишнее отсекает сразу. Удалив ненужную вежливость, придала нашим отношениям особую родственность.

Дневниковые заметки веду неаккуратно, но они написаны по свежим впечатлениям, с конкретными датами, с мелочами и, как знать, со временем могут вызвать интерес. Не все бронза, была и жизнь.

Молодые, начинающие и уже состоявшиеся поэты и писатели одаривали Лидию Дмитриевну своими книжками. Она знала, что происходило в литературной жизни. Меня изумляла краткость ее суждений о стихах и через реченное в них — точность характеристик авторов. Кого-то она знала хорошо, кого-то вовсе не знала, а кого-то — шапочно. Давая оценку, волновалась. Как сейчас вижу — рука лежит на колене, оно прыгает под рукой — признак сильного напряжения. Часто отзывы были нелестные. Возмущалась фальшивостью, невнятицей, гримасами откровенной зауми.

Как-то застала Лидию Дмитриевну за чтением книги. Фамилию автора не помню. Вступительная статья вызвала особую критику Лидии Дмитриевны наукообразностью, раздутым объемом, где прокручивались одни и те же неповоротливые слова: трансцендентальность, семиотика и самые простые из них — метафизика, аллюзия и прочее. Невероятное громадьё при общей пафосной тональности перемежалось со штампами. Из всего этого я ничего не поняла, извлекла только одно — вся эта зело навороченная писанина — комплиментарная тарабарщина с использованием ходульного словаря иностранных определений и с расчленением стихов на слоги, атомы и микрочастицы.

— Ну, как? — спросила Лидия Дмитриевна.

Я пожала плечами:

— Никак.

— Вот-вот, — подхватила она, — именно «никак», отбивающее охоту к стихам, никакой пользы ни читателю, ни писателю.

Я не злоупотребляла нашей дружбой, редко показывала свое, а когда решалась, то и мне иной раз перепало на орехи.

Долгое время она жила и работала в Салехарде, занималась проблемами малочисленных народов Севера, быт которых напрямую связан с природой. В Север, в его людей влюбилась безоговорочно, собрала богатый материал о них и как автор-составитель готовила к изданию уникальную своей познавательностью книгу «Прокладывающий тропу». Материалы к ней хранились в папках, которым несть числа. Они лежали на диване, на столе, на стульях и на полу. Лидия Дмитриевна, пристроившись на свободном месте, писала на листках бумаги, затем все это вносилось в компьютер. Поверхностный просмотр подаренной книги занял у меня примерно месяц.

8 декабря 2007 г.

Встречу назначили у станции метро «Технологический институт». Не рассчитав время, я приехала на целый час раньше, прогулялась по Московскому... Позвонила Лидия, сказала, что на улице Решетникова их машину (такси) задержала милиция. Я удивилась, но вопросов задавать не стала. Вернулась к метро. Только в 19:45, минута в минуту, подошли Валя и Коля, и мы отправились

на ул. Можайского, д. 12, кв. 10, в мастерскую художницы Фиминой Ольги. Опять позвонила Лида, сообщила, что все в порядке, их отпустили, и теперь она и Люда Ефремова (журналист, поэтесса из Надыма, к ней Лида питает особую привязанность) идут в магазин за продуктами к праздничному столу. Тем временем мы нашли нужный дом и долго ломались не в ту парадную. Гуськом поднялись по узкой, неосвященной лестнице, на последнем этаже впахивая нащупали звонок квартиры. Дверь открыла Ольга. Волосы гладко зачесаны назад, на губах яркая помада.

Помещения мастерской вытянуты в ряд, окошечки бойницы, точнее, окошечки-бойницы выходят на одну сторону. Из-за невероятной толщины стен подоконники глубокие, почти метровые; ощущение будто находишься в крепости или в келье монастыря.

Чествовали выход книги «Прокладывающий тропу». Получила автограф, в постскриптуме: «Тут и твой труд присутствует, дружнице!» Ах, Лидушка! Никогда ничего не забывающая, малейшую помощь превозносящая, всегда возвращаешь сторицей.

У Ольги целая коллекция шляпок. Шляпки умопомрачительные. Среди них настоящая английская соломка. Само собой, мы перемерили все. Астафьев фотографировал. (Фотоаппарат всегда при нем.) Стол накрывали в четыре руки. Много винограда, много мяса, много спиртного. Тосты, тосты, тосты и стихи, стихи, стихи. Читали по кругу. Начали с Астафьева. Валя читала «Монолог провинциалки 2», Лида — «Вечерние мысли».

На первой же странице упомянутой выше книги во вступительной части читаю: «Нудондана — прокладывающий тропу, человек, взявший на себя ответственность искать и торить безопасный путь для людей родного стойбища, доверивших ему эту честь как самому надежному ведущему, лучшему из ясавзев¹. Если указанное им направление уведет предков, если проторенная им тропа окажется опасной, если он неверно рассчитает, на каком участке пути следует замедлить или ускорить общее движение, где и когда остановиться на отдых, и что-либо недоброе случится с аргишем², ведь вся ответственность ляжет на этого человека...

¹ Ясавэй — коренной житель.

² Аргиш — кочевье, караван из нескольких оленей.

О, какая ответственность, нечеловеческой тяжести ноша! Страшно представить себе, что ждет человека, если идущие вослед сочтут его обманувшим доверие... Но что такое — суд человеческий в сравнении с судом собственной совести?!»

Какое знание! Какое глубинное погружение в этнос! Вот какими категориями живет Север. Вот какими категориями руководствовалась Лидия Дмитриевна, когда в этой же книге писала: «Творить — трудясь без уныния, страха и сомнений...» Потому и не выносила в человеке лень, мелочность, любование собственными добродетелями. И первое, и второе, и третье приравнивала к скудоумию. Нет, она не судила, не было нужды, держалась в стороне от таких людей.

Твердость характера — твердость убеждений и, как следствие, — твердая почва под стопой. Все, вместе взятое, само по себе замечательное свойство, но сопрягается оно с нетерпимостью. Лидия Дмитриевна не признавала полутона, любую половинчатость воспринимала как некую размытость, ни то ни се. Дружить с ней было весьма непросто. Самовластная, она всегда лучше других знала, что хорошо, а что плохо. Зачастую так оно и было. Однако не может один человек всегда и во всем быть правым. Человеку свойственно ошибаться. (*Errare humanum est.*) Между нами случались даже ссоры. Переважив обиды, мы находили пути к примирению, ибо, как писал Стендаль: «Опирается можно только на то, что оказывает сопротивление». Как это ни покажется странным, несмотря ни на что, рядом с ней по-настоящему было просторно делу и мысли; феномен — трудно объяснимый. Возможно, секрет в том, что при всей бескомпромиссности она не давила на оппонента.

Кто-то из мудрецов изрек: «Старый человек — старые вещи». Каждому свое. До нашего знакомства Лидия Дмитриевна не раз меняла место жительства, на моей памяти — дважды. Из старых вещей (читаем памятных) у нее оставался стол Менделеева. При переезде с улицы Зои Космодемьянской на Ленинский проспект от стола пришлось отказаться (слишком габаритный, не для современных типовых жилищ). Был массивный перстень, с черным ониксом, вполне сегодняшний и примечательный тем, что выручал свою хозяйку в трудной ситуации.

Она закладывала его в ломбард, выкупала, вновь закладывала и в какой-то раз не выкупила. А еще был архив, следовавший за ней всюду. Из материалов его я читала рецензию Вадима Шефнера на ее стихи. С Лидией Дмитриевной путешествовали картины и книги. Она смотрела вперед и, живя настоящим, освоила компьютер.

Думая о ее летах, добавлю: Лидия Дмитриевна умела сохранить в себе жизненную силу, не была беспомощной, эдакой старушечкой, умела постоять за себя и за други своя, могла и воздух потрясти. До последнего не теряла ясности мысли и сверхъестественной трудоспособности. Не позволяла себе разнюниться. Тапочки, халат, жалобы на здоровье, брюзжание, занудство — не про нее. Держалась с достоинством, на людях появлялась с прической, маникюром и главное — с настроением. Помнится, сломала руку. Как я ни уговаривала обратиться к травматологу, не пошла, сказав: «И так срастется. Нет времени бегать по врачам». И действительно — срослось. Частенько бросала на ходу: «Старость — гадость!» и попросту не подчинялась ей. Потому же не признавала очки, при чтении пользовалась лупой. Иными словами, возраст был, старости не было.

Лидия Дмитриевна была частью моей жизни, как я, к счастью, ее. Она создала ближний круг и в шутку назвала «могучей кучкой», втянув в свою орбиту Николая Астафьева, Валентину Цареву, Юрия Тагирова, Ольгу Фимину. Вообще кругов было много, и чем шире, тем дальше от центра. Наша близость означала посвящение в дела друг друга. В оказании действенной помощи Горбовскому Лидия Дмитриевна видела свое служение русской литературе, на личные средства издала «Окаянную головушку».

Не секрет, что Горбовский любил промочить горло. К живому классику, пользуясь его слабостью, ломались в друзья всякие типы. Пропускной билет — бутылка. Лидия Дмитриевна опекала Глеба Яковлевича, пыталась оградить от навязчивых визитеров, желание было одно — продлить ему жизнь. Помню его вздох: «Все приличные люди давно померли, а я все еще живу!» Нет, он вовсе не торопился уйти; Лидию Дмитриевну называл удивительной женщиной, и она была таковой.



Горбовский — Гладкой

Проснулся — на окне цветы!
Их не было на этом месте — годы.
Кто их воздвиг? И как они чисты!
Какие в них содержатся щедроты!
И где же та, что водрузила их,
Чтобы они в душе моей алели?
В моих потемках, в зарослях моих,
Чтобы немолчной музыкой кипели!
Быть может, это козни красоты,
А — не цветы? игра мечты над бездной?
А ты — мираж? Да и была ли ты?
Чудесный бред?
Но ведь и впрямь — чудесный!
1997

В марте 2007 года Лидия Дмитриевна и Глеб Яковлевич снова расписались. Скажу коротко. Загс находился неподалеку от высотки, где в то время располагался театр «Буфф» и где на одном из верхних этажей жил Юрий Тагиров. В его квартире мы почтили восстановленный союз.

6 марта 2008

Глеб в больнице на ул. Культуры, д. 4 (122-я медсанчасть). Лида положила его на обследование. Глеб быстро освоился в новой обстановке, стал рассказывать врачу о себе, о том, что никому не нужен, кроме как ей, Лиде. На что она возразила: многие люди к нему хорошо относятся и есть друзья, помогающие бескорыстно. Глеб так отреагировал: — «Хватит пальцев одной руки, чтобы перечислить друзей», — и выдвинул руку с отрубленным пальцем. (В юности случайно отхватил топором.)

Николай Гумилев говорил, что у поэта должно быть очень счастливое детство или очень несчастное и что поэзия не терпит

серого, скучного детства. Горбовский хватил лиха. Летом сорок первого года, в свои десять лет, оказался на оккупированной территории. (Факт известный, поэтому пишу пунктирно.) Выживал в одиночку. Выжил. Вспоминая то время, итожил: «С отцом меня разлучил режим, с матерью — война». В стихах писал так: «Война меня кормила из помойки, / пороешься — и что-нибудь найдешь...» («Детство мое»); «...Я ведь тоже — и в карманах рылся, / и сквозь слезы видел белый свет» («Привокзальный, пальцы в заусенцах...»).

Лидия Дмитриевна создала все условия для работы, и он работал. Работал в утренние часы, писал по три-четыре стихотворения. Выход объемистых его книг снова пробудил интерес к его творчеству. Комната в коммунальной квартире на Кузнецовской превратилась в кузницу поэзии.

В квартиру на Пушкинской улице, где одно время жил Глеб Яковлевич, часто навевались поэты и среди них: Леонид Агеев, Николай Рубцов, Андрей Битов, Геннадий Морозов. Каким Горбовский был тогда? Воспоминания сводятся к одному: бунтарь в стихах и в жизни. Я же застала его молчаливым созерцателем, правда, что-то бунтарское в нем еще теплилось.

Летом 2002-го Глеб Яковлевич гостил у меня на даче в Грузино. Неприсязательный в быту, совершенно не обременяющий, вел себя очень скромно; никакого менторства. Имел только одну просьбу, чтобы на завтрак была рыба, к ней — вареное яйцо, а к чаю лимон либо лимонная кислота. После завтрака шел на веранду и начинал работать. За месяц написал книгу «На холмах Грузино», где есть и стихотворение, посвященное мне: «Слегка опущена ключица, гитара плавает в руках...» Лидия Дмитриевна навещала Горбовского. Мы собирались за столом в спасительной тени раскидистой черемухи, пыхтел самовар, дымился в чашках чай, Горбовский читал новые стихи, и это был самый восхитительный июнь в моей жизни. Вот пишу и вдруг осознаю — раскидистой черемухи уж нет. Заболела: пришлось спилить, а стол служит исправно.

К своему гостю я без необходимости с разговорами не приступала, и он, так мне казалось, был доволен. Поэт наблюдал жизнь, я наблюдала поэта. Что могло стать предметом его поэзии? Все, что составляло жизнь, шло в работу.

Мне о многом хотелось расспросить. Пусть редко, коротко, но иногда мы общались, говорили о литературе. Как-то я предложила проехаться к Лемболовскому озеру. (В то время у меня еще была машина.) Он ответил: — «Мне это не нужно, все здесь», — и постукал указательным пальцем по голове. На озеро мы все-таки поехали, сидели на берегу, беседовали, соглашались друг с другом в том, что ничего не бывает само по себе, что микроб и тот не разовьется без особой среды и что всякий вулкан дремлет до поры, пока скопление магмы не проложит дорогу вверх. Отсюда возник вопрос — нужна ли таланту среда? Не помешает, конечно. Глеб Яковлевич подвел черту: «Себя надо искать не вокруг, а в себе».

В пятом томе полного собрания помещены фрагменты его бесед с журналистами о поэзии и поэте: «Боже, как все мы были увлечены этим поиском самого себя. А надо было искать — в себе! Обнаруживать пространства божественные в себе, то есть утверждать смысл Бытия всеобщего, а не только своего. Пробиться к убеждениям нынешнего дня — чего стоило! Каких усилий, каких унижений и восторгов, добровольного сумасшествия, изгойства — и все для того, чтобы заглянуть в игольное ушко и увидеть солнце правды, чтобы решить: у поэзии есть главное назначение — <...> функция не душещипательная, но душеспасительная». (Вопросы литературы. «Право на себя». 1988. № 3.)

«... Дело-то не в том, как быть непохожим. Дело в том, как суметь остаться в поэзии самим собой, как обуздать свой талант, не дать ему ни загулять, ни недоучиться у жизни, ни залениться, ни уйти от корней и еще сотни “ни”». Иными словами, как построить в себе поэта, а не как построить невиданную доселе модель поэзии. Поэзия всегда одна. Как правда». (Литературная газета. «К тем, кто моложе». 1976, 17 ноября.)

Все было сказано задолго до нашей встречи. Сейчас мысленно продолжаю разговор с ним, понимая, какой ценой досталось ему «право на себя». А тогда, на берегу озера, задала наивный вопрос, кого он по стихам ценит выше Ахматову или Цветаеву. Глеб Яковлевич улыбнулся, точнее, усмехнулся и вдруг стал серьезен: «По технике — Цветаеву; по человечности — Ахматову». Еще запомнилось: «Нельзя ждать вдохновения. Надо работать каждый день. Надо быть мастеровым. Надо держать инструменты

наточенными, чтобы, когда сойдет настоящая мысль, суметь выразить ее».

Пятый том, как и предыдущие, я получила с трогательной дарственной надписью: «Драгоценная Лиля — Люлек, прими пятый томик с моей любовью — на все доброе. 04/Х — 2013». Принимаю, Глеб Яковлевич! Принимаю с великой благодарностью!

В мае 2008 года Глебу Яковлевичу была присуждена премия имени А. С. Пушкина. Пришло приглашение из Москвы. Срочно понадобились обнови. Поскольку героя ни под каким предлогом невозможно было заманить в магазин, Лидия Дмитриевна попросила меня помочь с выбором, считая, что мой глаз-алмаз. Вдвоем отправились в универмаг «Нарвский», где после долгих мытарств, наконец, выбрали светлый, с бледно-голубым блеском, костюм, галстук голубой и рубашку цвета спелой клюквы. Дома, нарядив нашего премианта, ходили вокруг, пытаясь выявить изъяны: «Ага. Плечи на месте, длина брюк в пол, нигде не тянет, не жмет. Глеб Яковлевич, поднимите руки. Так. Опустите». Все подошло как нельзя лучше. Горбовский готов был вот-вот взорваться. Не терпел пристального внимания к себе, и мы благо-разумно свернули смотрины. Кепку ему не купили, не нашли нужного размера, любая из предложенных смотрелась бы на его макушке таблеткой. У Глеба Яковлевича примечательная, отлично вылепленная голова.

По приглашению Лидии Дмитриевны в Москву выехала группа поддержки: Николай Астафьев, Валентина Царева, Алексей Ахматов, Петр Кожевников, Николай Шалаев и я. Заняли два соседних купе. Праздник начался еще в поезде. Лидия Дмитриевна из вечного страха, чтобы никто не остался голодным, позаботилась, взяла все необходимое и, как всегда, много — три огромные сумки, набитые всякой всячиной. По прибытии группа разъехалась по друзьям и знакомым, а я с Лидией Дмитриевной и Глебом Яковлевичем отправилась в гостиницу. Наутро нам подали карету, которая и повезла нас по улочкам-кривоулочкам старой Москвы в Музей имени А. С. Пушкина. Вручение премии проходило в роскошном зале. Горбовский встретился с давним другом Андреем Битовым. Первое впечатление о Битове: сухощавый, прямой, с каким-то несмешливым выражением лица, будто застывшим в изумлении.

Было все: выступления, чтения, речи, интервью для телевидения, фото на память. Для одного такого памятного снимка Глеба Яковлевича и молодую премированную писательницу попросили встать рядом. Тут же подошла некая дама и утвердилась рядом с Горбовским. Позже выяснилось — Зоя Борисовна Богуславская — жена Андрея Вознесенского. Фото попало в СМИ, пошел слух: «Как изменилась Лида! Надо же!» Так, рождаются литературные байки.

Официальная часть перетекла в неофициальную. И снова речи, фото и тосты. Как это обычно бывает, высокий штиль, взятый вначале, утратил стройность после нескольких выступлений и резво покатился с горы, становясь многоголосым. Столы опустели, и все закончилось. Мы уходили из музея последними, закидывали в багажник машины цветы, подарки, какие-то пакеты, сумки, связки книг. Несмотря на то что столы ломились от всякой снеди, я и Лидия Дмитриевна вернулись в гостиницу голодными. Глеб Яковлевич, добравшись до кровати, уснул сном праведника, а мы стали разбирать привезенное. И — о, чудо! В одной из сумок обнаружилось все, что нужно. Видимо, кто-то из участников трапезы не дремал, основательно набил сумку бутербродами, фруктами, даже салаты умудрился взять и литровую водки, но, вероятно, в суматохе забыл, потерял свою торбочку, а мы случайно, по незначию, прихватили. Выпили за здоровье неизвестного и душевно закусили, помяная его добрым словом. Помню, Лидия Дмитриевна, давась смехом, сказала: «Наверно, журналист какой-нибудь. Узнаю почерк».

Согласно премии, Глебу Яковлевичу и Лидии Дмитриевне полагался месячный отдых в Михайловском. Поселились они в гостевом доме. Стоял удивительно ясный, солнечный, закуржавленный февраль. В конце месяца съемочная бригада во главе с Алексеем Олиферуком тоже выехала в Пушгоры за сбором недостающего материала для фильма о Горбовском. Лидия Дмитриевна так устроила, что и я поехала с ними. Она встретила нас пирогами с жару-пару из Тригорского ресторана. Поскольку в гостевом доме иных отдыхающих не было, то вся кухня, она же столовая, принадлежала нам. За столом Глеб Яковлевич общался неохотно. Оживился, когда заговорили о съемках в Порхове.

Там его застала война, надолго разлучившая с матерью. «Поеду, — решил он, — в другой раз не доведется». Двадцать седьмого числа бригада отбыла на съемки в Порхов, а двадцать восьмого работали в Святогорском Успенском монастыре. Помню, Глеб Яковлевич и Лидия Дмитриевна с красными гвоздиками в руках тяжело поднимались по крутой лестнице к могиле Александра Сергеевича. Восшествие выглядело символично: преодоление высоты, как преодоление судьбы, и в благодарность — на заснеженный мрамор живые цветы поэту, слову.

Двадцать восьмого же бригада возвращалась в Петербург. Я собралась в дорогу, ждала работа. Лидия Дмитриевна предложила остаться до конца их гостеванья, чтобы вместе вернуться в город, и я осталась. Не забуду тех нескольких дней нечаянно выпавшего отпуска. Я совершала длительные прогулки по парку, ходила к Савкиной горе по расчищенной широкой дорожке, и никто ни разу не встретился на пути, разве что белка однажды. Страхивая с тяжелых веток снежную пыль, она прыгала с одного дерева на другое, держалась рядом, словно сопровождала, а выше сияло солнце, неспешно катилось по макушкам сосен, удлинённые тени деревьев лежали поперек моей дороги: «...и тени сосен — шпалы голубые...» Красота пушкинских мест принадлежала мне одной. Какое благо — покой и уединенность. Дышится легко, пишется легко.

5 января 2010

Из Москвы приехал Андрей Битов, остановился на Невском, 110, в квартире первой жены Инги. Лидя и я отправились к ним в гости. С Ингой Петкевич и ее романом «Плач по красной суке» я уже была знакома. Инга вся такая большая, монументальная; курит «Беломорканал». Пушкин требовал от прозы мыслей и мыслей. Битов переполнен мыслями. Его речь уникально организована. Говорит, как пишет, пишет, как дышит. Курит самокрутку. Пьет не закусывая, просто в рюмку водки отжимает лимон — и все. От этого ни он сам, ни его речь не становятся менее внятными. Интервью с ним Лидя стала записывать на диктофон. Мы с Ингой Григорьевной оставили их на кухне и удалились в комнату. Просторная, темная, с высокими книжными

полками она подходила для разговора о Толстом, о войне и мире. Андрей Георгиевич подарил мне книгу «Оглашенные». Читаю на семнадцатой странице: «Мы живем в мире людей, родившихся один раз. Прошлому мы не свидетели, будущему — не участники». Спасибо, Лидушка, за очередной подарок! За эту книгу, за эту встречу!

Именно так мы живем в мире людей, рожденных один раз. Жалею, что не записывала Лидию Дмитриевну. Впрочем, был один сдерживающий момент. Она не раз говорила, что подготовит книгу воспоминаний: «Прощай, прощай и помни обо мне». Не успела... Посему, из боязни что-либо присвоить себе ненароком, буду сдержанна, но кое-что из ее рассказов приведу вкратце. Например, о Николае Рубцове. Он и Лидия Гладкая и еще несколько поэтов были задействованы в большом сводном концерте. Известно, поэты народ увлекающийся, редко соблюдают регламент. Одним словом, на выступление Гладкой и Рубцова времени не хватило, ведущий им напомнил: «Ваше время кончилось». Тогда Рубцов ответил: «Наше время еще не начиналось».

1 октября 2003

Были в Малом драматическом театре (Рубинштейна, 18) на вечере памяти Федора Абрамова. На сцене разыгрывались эпизоды из постановок «Братья и сестры» и «Дом». Больше всего меня поразила Людмила Владимировна Крутикова — вдова Ф. А.: маленькая, щупленькая, годов ей девяносто, двигается с помощью ходунков, но как осадила хамство, чей-то неуместный возглас из зрительного зала. Лидушка подарила ей книги Горбовского. После спектакля идем к метро по узкой тропинке, проложенной в высоченных, выше человеческого роста сугробах. Лида говорит, так же было в блокаду, люди держались середины улицы, подальше от подворотен. И мы идем посередине проезжей части. Она перекрыта. В авральном режиме работает уборочная техника. Все как всегда. Под ногами слякоть, температура +2. Что будет, когда все растает? Надо покупать резиновые сапоги. Нынче они входят в моду. Цены от 2000 до 10 000. Знал бы Ф. А., как повернется жизнь в нашем доме.

14 марта 2010

Сегодня сделала для себя открытие. Оказывается, у Бабы-яги есть малая родина, т. е. конкретный адрес: Ярославская область, р-н Первомайский, село Кукобой. Еще у Бабы-яги есть день рождения, празднуется там с 2004 года 26 июня — в мой день рождения! Вот так совпадения! Своим открытием я поделилась с Лидой. Смеялись взахлеб. Лида говорит: «Есть повод гордиться собой. Лилек, ты родилась в один день с бессмертным персонажем!» День солнечный. Весна!

5 апреля 2010

День именин Лидии Дмитриевны. По ее словам, в этот день она познакомилась с Горбовским. Называет его Божьей дудкой.

5 мая 2010

Была у Лиды, помогала архивировать письма. Среди них — Кайсына Кулиева, Михаила Дудина, Андрея Битова и тех, которых я не знаю, — лежала записка Владимира Высоцкого. Письма сложили по датам, составили опись. Получилась внушительная папка.

8 мая 2010

Коля, Валя, я и Юрий Петрович Костыгов, замечательный фотохудожник, были на Кузнецовской, в гостях у Глеба и Лиды. Глеб, немного раздраженный долгим ожиданием, все-таки встретил с улыбкой. Он в светло-голубой рубашке, Лида в ярко-красной блузе. На столе, как обычно, разносолы, а еще — свежая и очень крупная клубника. Мы тоже кое-что принесли с собой. Когда сидели за столом, было очень душно, еще топились батареи, поскольку весна выдалась холодная, а потом разразилась гроза. А потом воздух наполнился запахом молодых тополиных почек. Окно комнаты выходит в парк Победы, на тополиную аллею. Глеб Яковлевич сказал, что в юности участвовал в посадке этих деревьев.

Не могу умолчать об одной фотографии Андрея Скокова, где Горбовский в белой рубашке с ровными заломами на груди (ее только что вынули из упаковки, не успели отпарить) стоит возле окна и смотрит на повзрослевшие тополя. Они за кадром, но я-то знаю, что он смотрит на них.

21 августа 2012

Простились с Ингой Петкевич. На душе тяжело. Я не поехала домой, осталась у Лидушки. Поминали, вздыхали, разглядывали фотографию, где Лида с Ингой крупным планом. Одного поколения, из одного ЛИТО; похожи и зримостью черт. Одинаковость причесок (у обеих — каре) дополняет сходство. Но есть и существенная разница: в глазах Инги Григорьевны — затаенная скорбь; в глазах Лидии Дмитриевны — светлые огоньки. Если не ошибаюсь, снимок сделан в «Лавке писателя». (Позже эту фотографию, уже в рамке, Лидия Дмитриевна поставила на самом видном месте.)

2 сентября 2012

Мы с Лидушкой переправлялись по Ладоге на о. Коневец. Там находятся ее сыновья Борис и Сергей. Борис возводит часовню на собственный кошт, Сергей помогает ему. Есть же люди! Небо мрачное. Ладога еще мрачней. Попали в бурю. Страшно смотреть на разъяренную мощь высоченных волн! Лидушке хоть бы хны, а меня-таки помотало. Борис встретил нас у причала, посмотрел — и улыбнулся. Видимо, ужас пережитого еще не сошел с моего лица.

Часовню заложили на конце острова, противоположном от монастыря. Рядом поставили рубленый дом — просторный, светлый, пахнет свежей стружкой и покоем. Благодать!

21 декабря 2012

За «Белорусскую тетрадь» Глеб Яковлевич удостоился Государственной премии Белоруссии. В Минск не поехал; не то самочувствие. Премия сама приехала и торжественно была вручена в Пушкинском Доме. Вообще праздников затевалось и затевается много: дни рождения, юбилеи, творческие вечера. С особым размахом проводятся презентации. Выход каждой книги Горбовского сопровождается концертной программой с обязательным участием композиторов, певцов, музыкантов. Все организует Лида, а мы помогаем, чем можем.

25 июня 2013

Солнце. Тепло. Ладога ласкова, как котенок. На быстроходном катере, да с ветерком, да с песней прокатились от Владимирской

бухты до Коневца. Посетили монастырь. Дорога к храму украшена свежескошенной травой, у самого входа изумительной красоты орлец из цветов. После храма отправились на автобусе к часовне. На ее освещение кроме нашей «могучей кучки» прибыло множество народу. Освещал часовню епископ Назарий. Длинные столы с угощением стояли возле гостевого дома.

Выход книги «Человек-песня» отмечали в «Доме молодежи» на Васильевском острове. Изначально планировалось провести вечер в «Концертном зале» у Финляндского вокзала, но там получилась какая-то накладка, а времени оставалось чуть. Я предложила Лидии Дмитриевне обратить внимание на «Дом молодежи». В его активе несколько просторных гримерных, прекрасно оборудованная сцена и подходящее помещение для фуршета. Все сложилось как надо. Заполучить зал и, что очень важно, заполучить в назначенный день помог поэт Михаил Вэй. Срочным порядком были напечатаны пригласительные билеты, разосланы письма, приглашены Александр Морозов, Альберт Асадуллин, Игорь Иванов-Запольский, Сергей Мариллов и многие другие и, конечно, Валентина Царева. В назначенный день, простуженная, с температурой, она все-таки нашла в себе силы выйти на сцену. А как же иначе?! Более трех часов длился концерт — последний творческий вечер Глеба Горбовского, последняя большая встреча с читателями, последний большой праздник.

В декабре 2014 года Лида вылетела в Салехард на церемонию вручения Литературной премии, установленной губернатором Ямало-Ненецкого автономного округа. Вернулась полная сил, словно живой воды глотнула. Такой она возвращалась из каждой поездки в Салехард. Я радовалась вместе с ней, слушала рассказ, как принимали, привечали. Поездка и встречи с Севером оказались для нее последними.

25 октября 2017

Писательская братия простилась с поэтом Сергеем Георгиевичем Макаровым. Я мало была знакома с ним, на отпевание не пошла. Похоронили его в Покрово-Тервеническом женском монастыре, что находится в деревне Тервеничи Лодейнопольского района

Ленинградской области, примерно в двухстах пятидесяти километрах от Петербурга. Лидушка скорбит о друге.

Лидия Дмитриевна написала в редакцию журнала «Невский альманах» письмо. На рабочем столе в моем компьютере оно сохранилось под заголовком: «Прощаясь с Сергеем Макаровым». В этом послании содержится много ценной информации, и я решила взять его целиком. Передаю ее слово:

«Я была знакома с Сергеем Макаровым более пятидесяти лет. С его уходом потеряла одного из самых дорогих друзей по жизни и братьев по поэзии. Нельзя не уважать его и не ценить высоко как поэта с большой буквы и словотворца, тонкого знатока родного русского языка и мировой поэзии. Я безмерно благодарна ему за добрую бескорыстную помощь в сложной жизни, за привлечение к художественному переводу поэзии.

Последней совместной работой был перевод философских стихов поэта Леонида Лапцуя, “ненецкого Пушкина”. На родине поэта книгу “Слово заветное, заповедное” высоко оценили, в Новосибирске ученые использовали переводы как основу раздела докторской диссертации “Этнофилософия ненцев”. На мой взгляд, Сергей так много работал над переводами, потому что стремился к единению поэтов. А мне сделал столько добра!.. Не могу забыть, как в трудные годы выручал меня — мать троих детей.

Особенно мы сблизились после трагической гибели Николая Рубцова, с которым Сергей Макаров дружил еще со времен учебы в Литературном институте. Предчувствуя смерть, Николай сказал Виктору Каратаеву, с кем из питерцев хотел бы проститься. На похороны в Вологду, согласно его воле, пригласили Сергея Макарова, Валентина Горшкова и меня. К нам присоединилась Элида Дубровина, очень любившая рубцовскую поэзию.

Поезд из-за дурной погоды пришел в Вологду с опозданием, поэтому на похороны мы не успели, и когда добрались на кладбище, там уже никого не было. На могильном холмике увидели деревянный крест, на нем сидели два больших черных ворона... В подножье креста стоял маленький горшочек с оледенелым зеленым кактусом, как бы ошестинившимся всеми иголочками против окружающей стужи и тьмы... Отвагой и обреченностью

он как-то напоминал убиенного поэта. Известно, последнюю книгу Николай Рубцов назвал “Зеленые цветы”. Мы уходили с кладбища молча, глубоко потрясенные. В Вологду ехали на попутной машине с милиционерами. Один из них, по странной случайности, оказался свидетелем явки с повинной убийцы поэта. Его бесхитростный рассказ сделал нашу общую боль еще острее. После этого наши отношения с Сережей стали особенно доверительными.

К сожалению, мы подолгу не виделись, так как в Питере нам не жилось, но из виду друг друга не теряли, встречались и в Москве, и в Мурманске, и в Новгороде; ездили по стране с выступлениями.

Последний раз виделись неделю назад, когда Сергей приехал в Питер с дочерью Ириной, монахиней. Ее стараниями и молитвами отступила мучительная болезнь. И хотя он ходить не мог, сохранял достоинство и разум. Как в молодости, был радостный, улыбчивый, остроумный; благодарил Володю Скворцова за публикацию в “Невском альманахе”. Ведь это означало, что его не забыли, ценят как поэта. Мы долго беседовали, держась за руки. Ничто не предвещало близкой кончины. Что-то еще говорить больше нет сил, но постараюсь написать о нем все, что знаю».

3 декабря 2017

Говорила по телефону с Лидой. Она в сильном расстройстве. Подступают сороковины Макарова. Надо ехать, помянуть по-людски, а людей не собрать. Старые все, тугоподвижные. Ах, Лида, Лидушка, ты одна всегда в строю! Сошлись на том, что вечером пятого декабря буду у нее, а утром вместе отправимся в Тервеничи.

Как мало нужно ей — всего-то маленькая поддержка, небольшое участие — и вот уже развернулась, все устроила. Нашлись люди — человек десять, нашелся автобус, который и повез нас в монастырь. Лидия Дмитриевна купила охапку белых гвоздик, охапку красных и все необходимое к поминальному столу. Выехали на Мурманское шоссе. На дороге страшный гололед. Автобус немного заносит то влево, то вправо. Все немного напряжены. Лидия Дмитриевна совершенно спокойна, совершенно уверена и в водителе, и в автобусе, и в покровительстве свыше.

Девятого марта 2018 года я приехала к ней помочь разобраться с электронной почтой. Работали несколько часов кряду, отвечали на письма, просматривали новые материалы, в том числе присланный с Украины фильм, основанный на мелодекламации стихов Горбовского. Видеоряд принижал смысл, музыка шла параллельным курсом, что удручало Лидию Дмитриевну, но, более того, известие, что некий вологодский писатель, не хочу называть его имя, устроил настоящую травлю на дочь Николая Рубцова Елену. Он отказывал ей в праве на отцовское наследие. Лидия Дмитриевна взяла Лену под защиту, составив письмо-обращение в писательскую организацию Вологды. Она диктовала, и я печатала. За работой не заметили, как пролетела ночь и наступило утро.

Я заторопилась к себе в Грузино и даже помыслить не могла, что навсегда расстанусь с Лидушкой. На прощанье она подарила свою книгу «Листок ветровой». Мы еще несколько раз созванивались. Двадцать пятого марта она позвонила в первом часу дня. Мы опять говорили о том вологодском негодяе. Бог мой, на кого мы разменяли время, отпущенное для последнего общения...

Второго апреля, после долгой унылой зимы, солнечным днем в 12:25 Лидии Дмитриевны не стало. Внезапно. Ушла, не прощаясь. Обошлась коротким переходом «из» «в». Мне всегда казалось, что все в ее власти, в ее невероятной воле. Так сильно она любила жизнь, никогда не теряла восторга перед ней и часто повторяла: «Любо жить!» В блокадную зиму по ладожскому льду она, семилетняя, ехала в кузове машины на коленях старика-попутчика, укрытая полой шубы от холода, от взрывов; чувствовала себя как у Христа за пазухой. С этим чувством защищенности прожила долгий, наполненный трудами и событиями свой век. Лидию Дмитриевну похоронили на Богословском кладбище недалеко от могилы матери.

3 декабря 2018

Умер Андрей Георгиевич Битов.

Глеб Яковлевич пережил Лидию Дмитриевну на одиннадцать месяцев. Четвертого октября мы, как обычно, пришли поздравить его с днем рождения. Хорохорились. Хорохорился и он, пел вместе с нами. Этот день стал для меня последней встречей с ним. Он ушел

26 февраля 2019 года. Прощались с Глебом Яковлевичем в первый день весны, отпевали в том же Троицком соборе, что и Лидию Дмитриевну, похоронили рядом с ней на Богословском кладбище. Мир вашему праху! Аминь!

Р. С. Громкая плеяда шестидесятников все далее отодвигается от нас в область прошлого, в историю литературы. Горбовский замкнул собой свое поколение. Вместе с ним закончилась эпоха больших судеб. Что еще добавить? Сожалею о том, что не всегда мои уши ловили самое важное, не всегда мои глаза были направлены куда надо бы. Словно вослед уходящему поезду, я бежала вослед уходящему поколению, бежала изо всех сил, желая перенять все. Знаю одно: не вся душа переходит в стихи, не вся отражается в делах, не вся открывается глазу, даже и самому пронизательному. Что-то очень личное остается за скобками, что каждый человек уносит с собой как не написанный роман, который никто никогда не прочтет...

Сентябрь — октябрь 2019

*А. Грунтовский
Союз писателей России*

Слово о Лидии

Нас связывала любовь к Рубцову. Меня заочная, у нее же — замечательное чувство дружбы, которая крепче любви бывает.

Помню, в канун семидесятилетия поэта ездили по Петербургу, выбирая из предложенных место для возможного памятника. Там — ГИОП не разрешит, там и разрешил бы, да адрес никак не связан с Рубцовым... Наконец Лидия Дмитриевна привела нас с Еленой Николаевной Рубцовой на 6 линию Васильевского острова, где она жила когда-то в пятидесятые годы. Здесь, напротив окон — белокаменный (что так редко для города) храм Рождества Богородицы. Могучие березы — прямо рубцовская Русь, уголок русской провинции. И лавочки стоят, на которых сидели они в ту пору втроем — Глеб Горбовский, Лидия Гладкая и Николай Михайлович. Читали

друг другу стихи. Все еще юные такие. Здесь и стоять бы памятнику, однако его до сих пор нет.

Рубцов был тут в 55-м, когда Глеб и Лидия еще не поженились, и потом приезжал в отпуск со службы в 57-м (когда Лидия закончила Горный, бывший в ту пору одним из поэтических центров города) и после службы осенью 59-го. Лидия Дмитриевна еще в 55-м познакомила никому не известного Николая Рубцова с Глебом Горбовским. Рубцов и жил здесь, в квартире Лидии Дмитриевны... Ходил с Глебом и на танцы — по очереди, в одних брюках, дружил, пел песни, спорил, даже дрался с ним... Потом уехал в Москву, в Вологду...

Была еще одна незабываемая встреча. С Лидией Дмитриевной и Леной Рубцовой приехали мы в Вологду посетить могилу поэта на Пошехонском кладбище. Вдруг разразился ужасный ливень. Кладбище буквально затопило. Отступить не мыслили и через бурные потоки добрались-таки до могилы. Лидия Дмитриевна декламировала сквозь непогоду: «Из моей затопленной могилы гроб всплывет забытый и унылый...» Но не всплыл... и не забыт... Дождь как начался неожиданно, так же разом и иссяк. Вышло солнце. Казалось, Николай Рубцов встречал нас лазурным чистым небом, благодатью...

Много других воспоминаний... Виделись мы не часто, обычно третьего и девятнадцатого января. Третьего — встречались у Кировского завода, возле мемориальной доски, и шли все вместе — Лена Рубцова, Николай Астафьев, Валя Царева, Лиля Старикова и Лидия Дмитриевна, а то и еще кто-то — на квартиру к Глебу, он жил тогда рядом.

Первая любовь Глеба и Лидии через много лет соединила их вместе.

Девятнадцатого января встречались на Рубцовском фестивале в Александро-Невской лавре. Да, было еще несколько встреч... И — Вологда... По-прежнему собирает Рубцов новых приверженцев русского слова на свои фестивали. А Лидию Дмитриевну — промокшую, но счастливую под проглянувшим светлым лучом, возле последнего пристанища Рубцова, вспоминаю часто. «Каждому на Руси памятник — добрый крест». Лидии Дмитриевне Гладкой тоже.

Ноябрь 2019

Подарки судьбы

Все началось с юбилея моего киевского друга, с которым мы уже лет 15 были увлечены творчеством Виктора Конецкого и соперничали в поисках его книг и публикаций. Шел 1993 год. Тогда я жил в Заполярье, но для своего друга в честь 50-летнего юбилея с большим трудом приобрел шикарный подарок — двухтомник избранных произведений В. Конецкого. Чтобы ввести юбиляра в ступор своим сюрпризом, осталось подписать книги у самого автора. Раздобыв его телефон, я тут же дозвонился и, получив благожелательное «добро», полетел в Киев через недавно переименованный Ленинград.

С этой незабываемой встречи с Виктором Викторовичем и началась наша недолгая, но искренняя дружба. На обратном пути в Воркуту я тоже получил желанные автографы и добрые жизненные советы от В. В. Конецкого. В итоге в следующем году я с семьей переехал Петербург, и мои визиты в дом Конецкого стали довольно частыми. С удовольствием я выполнял его мелкие поручения и посильно помогал ему в то непростое время.

Воркутинские друзья, они же заполярные барды из клуба «Баллада», раскопали историю песни «Фонарики» и попросили найти автора — Глеба Горбовского — для подтверждения своих поисков. Понятно, что Виктор Викторович дал мне телефон Глеба Яковлевича. Уже на следующий день дверь в квартиру № 154 на Кузнецовской мне открыл лохматый дядя Глеб, и мы прошли в его коммунальную комнатку. Удивительным было все: и запущенность жилья, и ветхость мебели, и внешняя неопрятность самого хозяина дома... Визит закончился возлиянием и скромным ужином.

Таких «визитов» было немного, два-три, и в один из приездов «по вызову» я увидел спокойную, но строгую женщину, хлопотавшую по дому. Она убирала, на кухне кипели кастрюли, на кухонном столе лежали пакеты с продуктами. С Лидией Дмитриевной мы быстро определились «кто и что», и после совместного чаепития я отвез ее домой с баулом постельного белья и разной одежды... Так я на долгие годы стал у Лидии и Глеба верным помощником:

водителем, парикмахером, фотографом, сантехником, электриком, столяром-стекольщиком, компьютерным тренером, секретарем и даже свидетелем на их свадьбе...

Почти четверть века я видел эту знаменитую чету во всех ракурсах и обязан отдать должное Лидии Дмитриевне Гладкой, прожившей многие годы на алтарь служения поэзии и поэту Глебу Горбовскому, прекрасно сознавая масштаб его божьего дара (называла его — «божья дудка»). Предполагаю, что без нее наш Глебушка прожил бы в коммуналке, куда его отселила прежняя семья, не более 2–3 лет. К трагическому финалу его активно подталкивали и «друзья-доброхоты», да и просто соседи-алкаши, так называемые «любители поэзии», которым было весьма лестно посидеть с рюмкой в гостях у живого классика...

Лида взвалила на себя бремя ухода за Глебом в труднейшие 90-е годы, когда все, даже заслуженные и признанные писатели, актеры, художники, выживали кто как мог (вспоминается опять же В. В. Конечкий, поддержанный своей супругой...). Лида приезжала из другого района 1–2 раза в неделю, готовила, убирала, привозила запасы продуктов и лекарств, иногда разгоняла непрошенных «гостей». Постепенно я привык к режиму «срочных» вызовов, когда нужно было что-то или кого-то привезти-отвезти, или что-то починить, или найти «беглого» поэта и вернуть его в дом...

А в это же самое время Лидушка готовила к изданию новую книгу избранных стихов Глеба, и в 1999 году вышла знаменитая и знаковая «Окаянная головушка», положившая начало ее дальнейшей издательской работе.

Благодаря поддержке верных друзей — «могучей кучке» и особенно младшего сына Бориса — Лидия Дмитриевна сумела не только наладить быт Глеба Яковлевича (включая совместный переезд в новую квартиру), но и заметно улучшить его физическое и духовное здоровье. Удивительно, как она все успевала: работа по дому, работа с архивом, подготовка новых изданий, в том числе своих коллег из Ямало-Ненецкого АО; продолжалась ее деятельность по защите прав малочисленных народов Севера, участие в заседаниях Российского Географического общества. Она освоила компьютер и электронную почту, организовывала все творческие вечера, презентации и юбилеи Глеба Горбовского.

И как апофеоз всех трудов — был выход «Распутицы» и Полного собрания сочинений Глеба в семи томах! Я горжусь, что смог оказать посильную помощь в этом труде и что моя фамилия скромно значится в «титрах».

Все друзья-соратники были ею обласканы, всем Лида к разным датам щедро дарила подарки, все поощрялись замечательными угощениями в ее хлебосольном доме и на даче в Комарово...

Но вот немного о другой стороне бытия. Лида сама была отнюдь не богатырского здоровья и часто страдала от хронических недугов. Но на фоне своего жизнелюбия и оптимизма выглядела «железной леди», и казалось, что она чуть ли не с радостью несет все, что выпало на ее долю.

К сожалению, из года в год откладывался, но так и не воплотился один из главных задуманных проектов — новый сборник стихов поэта Лидии Гладкой...

Незадолго до ее внезапного ухода я был приглашен Лидией Дмитриевной на праздничный ужин. Во время дружеского застолья мы обсуждали «ударное» завершение седьмого тома сочинений Глеба. Последние фотографии запечатлели ее «голливудскую» открытую улыбку...

В моем телефоне сохранен номер Лидии Дмитриевны, и я время от времени его набираю. Ответ всегда очень оптимистичен: «Абонент временно недоступен...»

Ноябрь 2019

*О. Фимилина
Союз художников России*

Деньги ничто – друзья все

Лида Гладкая и я принадлежали к одному кругу. Это было содружество художников, музыкантов, людей неординарных. В 70–80-е годы мы собирались на Карповке, 13 — мастерской художника Петра Капустина. В числе прихожан: Александр Калинин, Валерий Агафонов, Борис Казаков, Евгений Аносов, Геннадий Кузов, Владимир Самошкин, Эдуард Щербачев, Дмитрий Тасенко, Евгений Глазунов, Александр Колобязный и другие. И работа, и любовь, и дружба, и привязанность, и шумные застолья

с непременным чтением стихов, обсуждением работ друг друга, и споры, и романсы в исполнении Валерия Агафонова и Юрия Борисова — все было связано с этим пространством.

С Лидой меня свела беда — гибель моего сына. Я была поражена степенью сочувствия, сопереживания, участия, как будто это было ее личное горе. Началась наша дружба, длившаяся 20 лет. Более преданного, искреннего, доброго человека я не знала. «Деньги ничто — друзья все», — говорила Лида. Яркая, умная, талантливая, деятельная, неутомимая, артистичная, остроумная, прекраснодушная, умела и сострадать, и сорадоваться. В сложных ситуациях могла дать дельный совет, всегда была рядом в трудные моменты, помогала пережить их. Когда я сломала ногу и находилась вдали от дома, в псковской больнице, Лида приехала на такси и забрала меня.

Казачка по роду, она потрясающе пела русские песни, прекрасно читала стихи. Не было в ней ни зависти, ни ревности, презирала в людях склонность к тщеславию. История ее жизни могла бы дать богатый материал для фильма о поколении шестидесятников и не только. Она была знакома со многими известными литераторами: Федором Абрамовым, Анной Ахматовой; дружила с Ольгой Берггольц, Андреем Битовым, Николаем Рубцовым, Михаилом Дудиным и другими.

Общение с нею было настоящим праздником. Она согревала душевной щедростью — и печали отступали. Валерий Агафонов когда-то пел романс: «Родники есть святые и чистые, отыщи их и тихо прильни». Я счастлива, что в моей жизни был такой чудесный русский родник — Лидия Гладкая.

Ноябрь 2019

П. Капустин
заслуженный художник РФ

Почти письмо

Привет тебе — Лида Гладкая!

Вот уже пошел второй год, как тебя нет на этой грешной земле. Ты была чудесным человеком и хорошим поэтом. Как тебя вспоминаю — сразу начинаю улыбаться, несмотря на невзгоды.

По секрету, — только тебе расскажу, что случилось со мной, — ты этого не застала. Я, как знаешь, вел своеобразный образ жизни, ел что придется, выпивал (бывало и с тобою, но редко). Заработал таким образом или другим — рак. Врачам-онкологам понравился мой желудок, и они взяли его себе насовсем в качестве медпособия. Теперь я обездолен и обескуражен с отсутствием такой важной части бытия!

Что это я — все о себе, любимом? Ты прожила достойно свою жизнь, много сделала добра! Помогла мне решить переезд моей мамы в отдельную квартиру, была душой любой компании и насочиняла много хороших стихов. Исследовала Север нашей бескрайней Родины, о чем занимательно вещала как профессионал. Была не тенью своего Глеба Горбовского, а авангардом в развитии жизни. Еще хочу поблагодарить тебя за выступления и отзывы о моих картинах на юбилеях моего творчества. Это есть в видеозаписях (для потомства), да и на фото в моей мастерской на Карповке, 13. А я, знаешь, несмотря ни на что, продолжаю писать картины и надеюсь на Бога, Который и дает, и забирает!

Царствие тебе Небесное, Лида. Моли Бога о нас!

1 ноября 2019

Б. Соколов
Союз художников России

Светлая женщина

Лидия Дмитриевна Гладкая — удивительная, светлая женщина. Она была душой нашего коллектива, его украшением. Коллектив же был мужской, сугубо художнический, и состоял в своей основе из следующих персон: Алексея Фимины, Эржена Бертагаева, Юрия Клыкова, Юрия Агапова и вашего покорного слуги. Это был, так сказать, костяк, помимо нас бывало бесчисленное множество и других не менее замечательных творческих личностей. Мы, перечисленные персоны, были связаны не только дружбой, но и общей работой в системе Художественного фонда, поэтому площадкой всех наших встреч была творческая мастерская,

принадлежавшая Леше Фимину и Эржену Бертагаеву. Здесь мы работали, выполняли заказы, многие из которых привозила нам с Севера Лида; в основном, на графические работы. После трудов праведных и их вознаграждения денежными знаками устраивали застолья. Вознаграждения в те годы (конец 70-х — начало 80-х) были довольно щедры. Спрос на наш труд у Советской власти был немалый, заказы шли за заказами. Была в стране идеология, ее надо было как-то эстетически оформлять.

Творческие посиделки у нас были частые и с размахом. Присутствие Лидочки на них было глубоко органичным, оно наполняло их светлым содержанием. Мы чувствовали искреннюю женскую и, несмотря на то что мы были сверстниками, даже почти материнскую заботу. Относились мы к Лидочке, невзирая ни на какие наши застольные излишества, с высочайшим пиететом. Мы не забывали ни на минуту, что она — жена Глеба Горбовского.

Вечная память нашей Лидочке Гладкой и всем прочим членам нашего коллектива! В живых остался я один, грешный, и до своего конца буду хранить в сердце теплые воспоминания.

Ноябрь 2019

Н. Севастьянов

В моей памяти

Если человек не имеет привычки вести более или менее постоянно дневниковые записи, то ему нелегко бывает вызвать в памяти события многолетней давности. В таком положении оказался и я, когда получил предложение поучаствовать в сборнике воспоминаний о нашем большом друге и товарище Лидии Дмитриевне Гладкой, покинувшей этот мир в 2018 году.

Первое мое знакомство с ней относится приблизительно к 1980/1981 году, когда Лидия Дмитриевна проживала в маленькой квартирке на Подольской улице. Ей приходилось неоднократно менять место жительства; после Подольской — Бронницкая, затем

улицы Союза печатников, Зои Космодемьянской и Ленинский проспект. Меня познакомил с ней близкий товарищ, очень талантливый и одаренный человек — математик Г. Н. Дюбин, который тогда работал в Институте социально-экономических проблем (ИСЭП АН СССР) на Серпуховской улице, соседней с Подольской. В близлежащем районе располагалось немало мастерских тогдашних ленинградских художников. Видимо, с помощью этого сообщества состоялось знакомство Л. Д. Гладкой с Г. Н. Дюбиным, а затем и со мной. Надо сказать, что Л. Д. не всегда охотно допускала в свой круг новых людей, но у нас как-то быстро сложились теплые доверительные отношения, перешедшие в дружбу, которая продлилась 38 лет, до самого ее ухода.

В моей памяти Лидия Дмитриевна осталась красивой, интересной молодой женщиной с легким общительным характером, приветливой, всегда готовой прийти на помощь, если таковая требовалась, и даже если не особенно требовалась. Кстати сказать, это была одна из примечательных черт ее характера — она все время кого-то должна была спасать от различных жизненных неурядиц, сложных ситуаций и относилась к подобным бедам трепетно.

А молодой она осталась в памяти еще и потому, что никогда с ее стороны не было проявлений, обычно свойственных возрасту. И хотя на время нашего знакомства ей было уже немало лет, она не жаловалась ни на свое здоровье, ни на упадок интереса к чему-либо, или просто на упадок сил, никогда ничем не выдавала свои года, а порой и откровенно, по-женски, занижала их, в разговорах же выглядела вполне молодой. Примечательно, что, хотя Л. Д. не очень-то любила заводить новые знакомства, вокруг нее всегда было довольно много интересной молодежи, стремившейся проявить себя в творческой сфере — поэты, художники, музыканты, артисты... Она и сама активно проявляла интерес к их деятельности и даже к одной из пластинок известного исполнителя русских и цыганских романсов В. Б. Агафонова написала очерк о нем. Лидия Дмитриевна никогда не занималась саморекламой, как говорится, не выставлялась. Очень жаль, что она мало уделяла внимания своему поэтическому творчеству. У нее немалое литературное наследие, способное вдохновить многих

любителей и ценителей поэзии, которых, к сожалению, сегодня осталось немного. Лидия Дмитриевна прожила долгую, интересную и насыщенную жизнь, и мы, на правах друзей, часто подталкивали ее, чтобы она занялась, наконец, написанием мемуаров. Ей было что вспомнить. Но, к сожалению, все осталось в замыслах.

Ноябрь 2019

Е. Ю. Кучинский
поэт, журналист

«Пересыщенный раствор»

Не все на свете весело.
Не все на свете просто.
Жизнь с легкостью отвесила
Мне тяжесть не по росту...

Эти строчки из стихотворения Лиды Гладкой. Легко всплыли в памяти. Знаю, что его опубликовала в своем «Подступе к легенде» Лена Кумпан. Взял с «ближней» полки, полистал, оказалось, помню целиком. Может, еще вернусь к остальным строчкам, а пока ниточка памяти потянулась в конец пятидесятих.

Тучи собирались над Горным ЛИТО. Глеб Семенов оказался не только поэтом, педагогом... в первую очередь все-таки личностью, наверное. Или опять «время было такое»?.. — «опасно много» талантов сконцентрировалось «на один квадратный метр».

Приходит на ум аналогия из школьной химии: время — это пересыщенный раствор, Глеб Сергеевич — катализатор. Тогда любая «мелочь» может стать ядром кристаллизации — спровоцировать естественный рост тех самых талантов, а их среди горняков сконцентрировалось тогда опасно много. Кому-то бросилось в глаза. Вряд ли удивлю сверстников наличием в ответственных случаях (коллективах) особых сотрудников, назовем их наблюдателями. Почти легальными. Крутится фамилия Зверев, да не стоит он

фамилии. Интересовался в том числе и ЛИТО. Как-то стихотворение Лиды (или впрямь ситуация назрела) ассоциативно сопоставляется с началом разгона Глебгвардии Семеновского полка. Этаким залп «Авроры» переполнил чью-то чашу. Сейчас, шесть десятков лет спустя, не все пазлы хорошо укладываются в действительную тогдашнюю логическую картину. А что-то как раз не укладывалось там, при том что было привычным!

Хорошо, что они с Глебом Горбовским тогда «сослали» себя на Сахалин, оставив здесь дочку с бабушкой, по-моему, Марину.

Из Горного ЛИТО между тем кто-то прижился в ДК им. «Первой Пятилетки» — спасибо, даже низкий поклон, заведующей тамошней библиотекой Тамаре Кац...

И вдруг уже несколькими годами позже Лида появилась у меня в редакции (я тогда работал в газете «24 часа»), именно вдруг, настолько неожиданно, что не сразу и узнал ее:

— Ты откуда?

— Конечно с Севера, — она даже удивилась... — Приехала в Питер с заданием от «Северных просторов», с тем чтобы друзья-геологи дали для публикации в журнал свои стихи. Что нового в поэзии и прозе? Талантливых много? Ты кого-нибудь знаешь? Как наши поживают?

— Так и дружим до сих пор.

— Телефоны есть?

— Да. Олежки Тарутина, Лени Агеева, Тани Галушко, Гриши Глозмана... Кто-то еще. Андрюша Битов...

О чем-то еще поговорили, вдруг она спросила меня о Жене Рейне. Я удивился — он давно уже не ходил к нам, уехал в Москву. Потом появился в редакции «Вестей». Он с Бродским к Ахматовой перешли, и еще кто-то (не помню), человек пять.

К сожалению, это была, пожалуй, последняя встреча с Лидой Gladкой. Потом узнал, что Тане Галушко она не звонила, Гриша Глозман был в поле, до Лени Агеева и Алеши Тарутина дозвонилась, но была ли публикация — не знаю, они бы сказали.

Хочется привести здесь стихотворение, опубликованное полтора десятка лет назад в сборнике «Бикфордов шнур», автор посвятил его Горбовскому, но оно и о Gladкой; он (автор) больше знал как раз Лиду, чем Глеба. Вот оно:

Реальность

Г. Горбовскому

Годы как вода в стакане.
Годы словно океан.
Годы — капельки в тумане.
Время — Вера и Обман.

Где реальное богатство?
В капле можно потеряться.
Жизнь — невыпитый стакан.
Вера — Время и Обман.

Все по высшему разряду.
Все с заглавных, прописных.
Смерть дается как награда.
Жизнь — скамейка запасных.

О том, что она расставалась в 60-х с Глебом и теперь опять сошлась до конца своих дней, другие расскажут лучше меня. Скажу только и в связи с этим, и вообще: хороший она была человек, не для всех удобный, но хороший. Прямой, жертвенный, ответственный, вообще — хороший.

Декабрь 2019

П. Баженова

Уходит эпоха

Для меня уходит эпоха. Я всегда буду нежно помнить Лидию Дмитриевну, и как они весело с бабушкой, Ингой Петкевич (1935–2012), хохотали за столом. Эти были совершенно фантастические невообразимые истории из жизни, которые невозможно пересказать, а только слушать и слушать, как Лидия Дмитриевна эмоционально их повествует. А ты то с хохоту лежишь под столом, то обливаешься горячими слезами.

Я могла сутками развешивать уши. Однажды мы ночевали в Комарово, в номере Ахматовой, вместе с бабушкой и Лидией; и я бодрая до четырех утра наслаждалась общением с целой эпохой. Впитывала как губка, потому что отчетливо понимала — это последние редкие моменты. Скоро бабушки не стало.

А теперь не стало и ее близкой подруги. И, правда, обливаюсь слезами, потому что не успела приехать в гости, потому что больше не почувствую этого наслаждения от общения. Потому что Лидия искренне к нам относилась всегда, ценила. Мы могли по телефону болтать по два часа, и я не чувствовала, что у нас разница в возрасте больше пятидесяти лет.

На 80-летие, помню, подарили ей тетрадь в твердом переплете, и дед (А. Битов) попросил ее написать там что-нибудь для правнука Кости. Но так и замотались, не успели... Почему я не записывала видео? Почему? Ведь так хочется детям рассказать про жизнь, про невообразимые испытания и встречи.

Простите нас! Невосполнимая утрата... Пусть земля будет пухом... Вечная память.

Р. С. Фото в рамке с бабушкой Лидия Дмитриевна нам подарила при последней встрече...

Декабрь 2019

Л. К. Горшков
д. т. н., профессор,
заслуженный деятель науки России,
Союз писателей России

Встречи с любовью

Честно признаюсь, что встреч было немного, и чаще всего они были случайными и непродолжительными, но, как говорится, знаковыми.

Первое личное знакомство состоялось в середине 60-х в Горном институте, на вечере поэзии, где выступали Лидия Гладкая и Олег Тарутин. Если с Олегом я был уже немного знаком, то о Лидии

кое-что до этого узнал из второго сборника стихов членов лит-объединения Г. Семенова при Горном институте. Этот сборник, отпечатанный на ротаторе тиражом около 200 экз., еще не был переплетен, когда попал на «цензуру» в партком Горного и кому-то там не очень понравился, в результате чего был приговорен, беззащитный, к уничтожению, сожжению на костре (современное аутодафе. — Л. Г.).

Экзекуция проходила весной 1957 года на мощном бульжником дворики Горного института. Костер не очень охранялся, и некоторые экземпляры в виде слегка обгоревших пачек бумаги, к удивлению, были спасены и стали библиографической редкостью. Один из таких через несколько лет был подарен мне Андреем Битовым, тогдашним студентом Горного. Читая сборник, впервые познакомился со стихами Лидии Гладкой, студентки Горного института.

На первой встрече смотрел на нее и думал, как такая хрупкая с виду, небольшого росточка, по сути, девочка наговаривает на себя такие страсти — тяжести, но из ее новых, уже профессиональных стихов (по-геологически особенных, с привкусом романтики) вырисовывается образ волевой, целеустремленной геологини, знающей — не понаслышке! — цену дружбе, взаимопомощи, соучастию.

На геологическом же поприще и начались у Лидии романтические отношения с будущим светилом — питерским поэтом Глебом Горбовским. Об этой любви и совместной жизни в первые годы их отношений пишет сама поэтесса (цитирую по названному выше сборнику):

...Луна к нам заходит прямо в окошко,
В двери — заходят бродячие кошки...
А сковородка в течение недели
Серую жарит кудель вермишели —
Только раз в день,
Но здесь ни при чем сковородкина лень.
А наши ботинки и кашу бы съели:
Так в августе было,
Так будет в апреле...

Но счастье — с нами,
А нет — значит, близко:
Оно ведь у нас —
С постоянной пропиской!..

Из других встреч запомнились поэтические собрания в Доме геолога (бывшем здании Всесоюзного НИИ техники разведки месторождений полезных ископаемых, улица Весельная, д. 6, на Васильевском острове). На одном из таких собраний намечались выступления Глеба Горбовского и автора этих строк. Присутствовала на встрече и Лидия Дмитриевна — добрый ангел «окаянной головушки» Глеба Горбовского. Здороваясь со мною, она посетовала на то, что Вася (Василий Игоревич Литвиненко — заместитель директора Дома геолога) готовит стол для дружеской беседы после «поэтических трудов» и что она опасается за Глеба. Я постарался успокоить ее, говоря, что все будет хорошо и пристойно. И на самом деле, все получилось не только пристойно, но и достойно. А мне опять подумалось, какая все-таки добрая и участливая душа у Лидии — ведь они с Глебом давно в разводе, но оказалось, что они опять вместе, и теперь — до последних дней...

На той встрече Лидия предложила мне войти в редколлегию «Альманаха Дома геолога». Я, конечно, согласился, но наша работа в редколлегии очень быстро закончилась — с кончиной самого Дома геолога: по решению городских властей здание было отдано под общежитие восточных гастарбайтеров...

Были и другие встречи: юбилеи Горбовского, приезды Андрея Битова (проездами из Москвы в Нью-Йорк, как говорил он сам), выступления в Клубах любителей книги, в Горном институте, в Университете... И все эти встречи, беседы, литературные «тусовки» дали мне возможность оценить отношения Лидии с Глебом как большие, чем дружба, чем даже любовь, — практически, это была, по сути, материнская опека любящей женщины над большим, взрослым, талантливым и даже в чем-то гениальным ребенком, не очень приспособленным к современным жизненным отношениям.

При этом надо добавить, что и Глеб, несомненно, любил Лидию, но, по-моему, какой-то отстраненной, особой любовью, о чем говорят, например, следующие строки из его стихов «К облику любимой»:

Глаз вдвое больше, чем людей:
Найти — нелегкая задача.
Глаза, которых нет нигде,
А я нашел — моя удача...

Мне кажется, была удачей и для меня, и для других людей любая встреча с Лидией Дмитриевной Гладкой, питерской поэтессой, геологом, человеком большой души, для которой счастье и удача ближнего — ее радость и ее человеческая суть.

Январь 2020

Монахиня Гликерия

«Лида Митревна»

Когда мой папа (Макаров Сергей Георгиевич) стал совсем немощный, я забрала его из Великого Новгорода к себе, в Покрово-Тервенический монастырь. С одной стороны, он был рад, потому как оказался в деревне, на лоне непопираемой природы. С другой стороны, здесь он утратил связь со своей средой. Я подумала, что для адаптации ему надо бы общаться с кем-нибудь еще из приверженцев литературного творчества. Когда я спросила его о самых близких друзьях, первое названное имя было Лидия Гладкая. В интернете, в поисках, вышла на ее имя и стихи. Мне захотелось узнать больше. В YouTube нашла и ролики с Лидией Дмитриевной. <...> Мы с папой решились позвонить ей. Так я познакомилась с «Лидой Митревной».

Она обрадовалась нашим голосам и загорелась желанием проведать нас. Несколько раз планировала поездку, но занятость и преклонный возраст мешали. Когда я бывала в Петербурге, Лидия Дмитриевна всегда звала к себе в гости. Не было случая, чтобы она не упоминала о папином таланте, его стихах, уникальных, самобытных. При прощании нагружала от себя посылкой для «Сережи». Видно, благодарность была сердечным свойством ее натуры; помнила, как отец поддерживал ее, когда она осталась одна с детьми.

При общении она постоянно вспоминала Глеба, он был какой-то стержневой струной в ее жизни. Она искала и нанимала для него нянек, готовила ему, вела его литературные дела.

Летом в 2017 году папа лег в петербургскую больницу на обследование, а после мы с ним расположились в городской квартире. И тогда, Лидия Дмитриевна смогла свидеться со своим «Сереженькой». Приехала, нагруженная деликатесами, часа два они, взявшись за руки, о чем-то тихо говорили. И это была их последняя встреча, через два дня папа внезапно умер. Лидии Дмитриевне оставалось радоваться лишь тому, что она успела его увидеть.

Всем известно, как это ни прискорбно, что нынче у смерти реестр услуг чрезвычайно высок. И если бы не помощь Лидии Дмитриевны, ее сына Бориса, мне пришлось бы туговато. В больницу попрощаться с Сергеем Макаровым пришла писательская братия. Много добрых слов было сказано. Особенно проникновенно отозвалась о нем Лидия Дмитриевна: они ведь так хорошо знали друг друга, их объединяла общая работа над переводами, миропонимание, в чем-то и схожесть характеров.

Я увозила папу, чтобы похоронить его на монастырском кладбище, а с писателями договорились, что они приедут к нам на сороковины. И это случилось благодаря хлопотам Лидии Дмитриевны. В начале декабря группа писателей приехала в монастырь помянуть папу. После панихиды в церкви мы отправились на кладбище, и на могиле, припорошенной снежком, под двумя высокими елями звучали стихи в его память.

Дошла горькая весть о смерти Лидии Дмитриевны. Больно знать, что мы уже не увидимся в этой жизни. Но близкие и родные люди не умирают, с ними продолжаешь беседовать, потому что они живы.

Лидия Дмитриевна стала одним из тех редких людей в моей жизни, благодаря которым поддерживается вера в человеческую доброту, порядочность и надежность.

Январь 2020

Зарифмованная память

Геннадий Морозов
Союз писателей России

Полярные цветы

Живется им, неярким, горько:
Засыплет снег, исхлещет град...
Цветы! Откуда силы столько?!
Презрев буранные ветра,
Живете вы на воле дикой
Среди причудливых камней,
Где небеса свинцовым ликом
Страшат природу и людей.
Цветы — цветут! Цветы — не гнутся!
Цветы полярные — смелы!
Готов дыханьем их коснуться
Сквозь толщу зыбкой полумглы,
Чтоб их согреть... Что в жизни проще?
Но я и этого лишен!
Ведь с каждым годом жизнь все жестче,
Железо давит и бетон.
Асфальтом улицы залиты...
А в наших душах — боль и глушь...
Цветы! И я ищу защиты
От северных жестоких стуж.
Не то чтоб я у них в загоне,
Не то чтоб нудно бытие,
Но где шершавинка в бетоне,
Чтоб зацепиться за нее?!
4 февраля 1983



Далеких лиственниц и пихт —
таежных статуй — очертанья,
и ты, бродящая меж них,
боготворящая скитанья.
Я все гляжу на твой восток,
я все оглядываюсь чаще:
там где-то пестрый твой платок
затерян в выпавшейся чаще.
Тебя, наверно, любят все —
зверье, букашки, травы, люди...
Тебе приветы на крыле
несет любой из птичьих граждан.

...На круглой каменной земле
родилась женщина однажды!

Сахалиночка

Красивая, стояла в ватнике
И в валенках — почти как в ведрах.
Мужские брюки аккуратненько
Овалом выгнулись на бедрах.
Где надлежало шляпке виситься —
Торчал шалашиком платок...
Так в мертвых камнях, независимо,
На солнце светится цветок!

1959

о. Сахалин



Кто бы видел, как мы с ней прощались...
На ее лице кипели слезы.
На вокзале дискантом кричали
маленькие злые паровозы.
Шла узкоколейная дорога
к берегу песчаному разлуки.
Вы меня касались так немного,
жалобно протянутые руки.
Всколыхнулись шрамами царапин...
Я их знаю: это наши шрамы.
...Я стою, оставленный на трапе,
молча счастья взвешиваю граммы.
Мало! Как цветов на Антарктиде...
Женщина уходит при народе...
Женщина уходит... Посмотрите!
Женщина уходит
и уходит.

Слезы женские

Походный рюкзак за спиной,
и ноги — в сапожной резине...
Любимая женщина — мной —
завязла в болотной трясине.
На небе — звезды не найдешь...
Вода в сапогах леденела.
Клешнями сграбастала дрожь
красивое женское тело.
А в небе летел самолет,
двукрылый трещал «кукурузник».
Не знал, вероятно, пилот,
что ниже — в Советском Союзе,
в болоте, — с душой, с рюкзаком,

с любовью и с банкой консервов,
с раскусанным в кровь языком,
с разорванной пряжей нервов,
в зловонном болоте — жива! —
еще бесподобна и зряча,
торчала, крича, голова,
впервые... естественно плача!



Твой взгляд уходит в память остро,
И дай мне в лоб, коли совру...
Я вспоминаю Васин остров
И «бабылизину нору».
Твой день рождения поэты
Отметить — юные — пришли.
Они, влюбленные в рассветы,
Тебя рассветам — предпочли!
Твой свет лица был чистым, ясным,
Он шел из-под бровей тугих...
Как ты, дружок, была прекрасна
И не похожа на других!
...Потом легла дорога длинно —
В дальневосточный край — рывок.
Я вспоминаю Сахалина
Рыбообразный островок,
Где мы любили... Где расстались
И в омут жизни — с головой!
Теперь, когда мы тише стали,
Я рад узреть тебя — живой.
Живой, мятежной и похожей
Лишь на себя... И до конца.
Тебе не будет в тягость ноша
И не померкнет цвет лица!
28 июня 1997



Заиндевелые олени
тебя везут на край земли.
Огни призывные селений
уже не вызвездят вдали...
Пустыня кончится обрывом
в широкогрудый океан.

Твой воротник стоит, как грива,
твое шоссе — меридиан.
Какие ищешь ты алмазы,
когда они в твоих глазах?
А тьма набилась до отказа
во все ущелья в небесах.

В морозно-белом ореоле
твое лицо, как бы в венке.
Опять не я, а ветер в поле
тебя ласкает по щеке.
Заиндевелыми рогами
олени машут на бегу...
И все, что было между нами,
я уничтожить не могу.
1958

Юрий Тагиров



Что за женщина такая,
Эта Лидия Гладкая?

Она пашет, сеет, косит,
Из колодца воду носит.
И печет душистый хлеб —
Рады внуки, дети, Глеб.

Хочешь — чинит утюги,
Хочешь — борщ и пироги,
Может щи из топора,
В интернете — до утра!

Люди — есть особый сорт,
Смотрят компасом на Nord,
Их всегда друг к другу тянет,
Эти люди — северяне.

Пролетела наша Лида
От Невы до Сахалина,
Проплыла и прошагала
По Оби и до Ямала.

Знают Лиду ненцы, коми —
Все народы ей знакомы —
Ханты, манси, юкагиры,
Даже некто Ю. Тагиров!

Круг забот всегда огромный,
Опыт жизни — многотомный.
Пишет, книги издает,
Пусть душа не устает!

Мы грозим, насупив брови:
— Посерьезней со здоровьем!
Витамины, дача, лес
Будят к жизни интерес.

Закаляться, укрепляться,
Улыбаться, не сдаваться!
Нам побольше бы Гладких,
Где возьмешь теперь таких?!

2009

Раздумье

Ах, старость,
Ты тоже бываешь красивой.
Осталось
Лишь давностью поковырять.
Усталость...
О вечности думать наивно...
Мечтаешь —
До века рукою достать.

Ах, младость,
Ты чаще бываешь спесивой.
Все в радость —
И встречи, и гомон гульбы...
Казалось,
Что все будет в жизни по силам.
Смеялась,
Не веря в конечность судьбы.

Доверьтесь
Движенью старушки планеты.
Пусть ветер
Порой погоняет кнутом,
Поверьте
В свое дорогое бессмертье.
Бессмертье —
На свете и этом, и том.

2009



О чем хлопочет женщина вон та?
Почто ее обожествляют люди?
Она — сосуд, в котором высота,
Или огонь, мерцающий в сосуде?

Скажу вам, что она и то, и это —
Жена, хозяйка, мать, книгоиздатель.
Сама поэт и муза для поэта,
И классика для нас оберегатель.

Давно ль под «Воронихинские своды»
Она, как вихрь, ворвалась (не вошла),
Стихами о свободе-несвободе,
Страницами, сожженными дотла...

Но слово не погибло, уцелело,
Поэту — славой, времени — в укор,
Асфальтом будапештским слово грела
И правдой торжествует до сих пор.

В селеньях русских женщины рисковы,
И в городах типаж тот не изжит —
Она трамвай без страха остановит,
В горящий дом решительно вбежит!

Пусть, Лида, Бог тебя хранит подоле,
Удачами и счастьем одарит.
Поэт в тебе, как жаворонок в поле,
Младым стихом пусть вновь заговорит!

28 июня 2014



О, светлый миг! О, совершенство! —
Не мной произнесенных слов!
Какое чистое блаженство
Пьянеть от музыки стихов.

Но где потом найти отваги,
Чтоб, задыхаясь от тоски,
На белое лицо бумаги,
Как слезы, уронить стихи.

2017

Владимир Симаков
Союз писателей России



Звонят гитары, льются песни,
И жизнь идет сама собой.
Вдруг получаешь злые вести
И сразу — сбой!

Уходят люди. Круг знакомых
Сужает время, как петля,
И ты один все чаще дома —
Судьбу моля.

Все реже праздник, чаще тризны.
Весь мир меняется вокруг.
Но не услышит укоризны
Ушедший друг.

И как прошедшее не мерье:
Успех там был иль не успех...
Закон рождения и смерти —
Один на всех.
3 апреля 2018

Алина Мальцева
Союз писателей России



Лида живет в Петербурге,
Лида живет в Салехарде,
Лида живет на Руси.

Что же такое есть в Лиде,
В синих глазах удлинённых,
В взмахе медлительных рук?
Тот, кто вовек не в обиде,
Сердцем ее покоренный,
Избранный ею друг.

Я-то жила и не знала
Сердца такого накала,
Что в Петербурге, в Надыме,
В Мурманске — стылых — горит.

Длительно-легкое имя,
Сила живая такая —
Лидия, Лида Гладкая!

Словно гармошка играет,
Песню душа творит...

М. Астафьев

Николай Астафьев
Союз писателей России

19.11
2021

☞☞☞

«Не для меня журчат ручьи...» —

Еще недавно подпевала,
как будто сердцем прозревала
весны дремавшие лучи.

...И вот опять настал апрель,
снега обуглились и сжались,
а птиц раскованная трель
перебивает нашу жалость.

Они ликут и поют,
о жизни будущей хлопочут...

И ночь становится короче
еще на несколько минут.

5 апреля 2018

Годовщина

← не мол'

В обителях небесных
Восторженной душе
Ни чуточку не тесно...

Напротив — там уже
Ничто ей не мешает
Раскованно парить
И, на землю взирая,
С родными говорить...

О, этот голос звонкий!
Его мы узнаем

В веселой незнакомке
За дружеским столом.

За встречей поминальной

В апрельский этот час

Твой голос предпасхальный

Так утешает нас...

2 апреля 2019

Семейный альбом

Фотокопия нашей судьбы...



Все нам дорого — каждая малость,
Каждый миг в отдаленье любом.
Чтобы все это не потерялось,
Сохраните семейный альбом.

Михаил Танич

В семье Лидии Дмитриевны сохранились фотографии родственников по линии отца и матери, а также запечатлевшие разные моменты личной, общественной, профессиональной ее жизни. Что удивительно, несмотря на тяжелые выпавшие на долю перипетии, не увидим лица омраченного, не найдем следа отчаяния, не прочтем потаенные мысли. В открытом улыбчивом взгляде нет и намека на чувства чего-то бесценно утраченного, несостоявшегося; он прост и оптимистичен, даже несколько самолюбив, в нем легко улавливаешь отсвет радости и надежды — ведь она умела добиваться (за редким исключением) того, чего желала.



Матвей Гладкий —
дед Лидии Дмитриевны
по отцу.



Семья Гладких (начало XX в.).



Дмитрий Матвеевич с дочерью Лидой.



Военные годы. Фотография на память.
(Д. М. Гладкий с однополчанином).



Лев Александрович Биркенгоф
и Лидия Андреевна Дмитриева (Биркенгоф)
с детьми Андреем и Наталией.



Дмитриев Андрей Михайлович
(псевдоним «Барон Галкин»).



Андрей Львович Биркенгоф.



Наталья Львовна Биркенгоф
с дочерью Лидой.



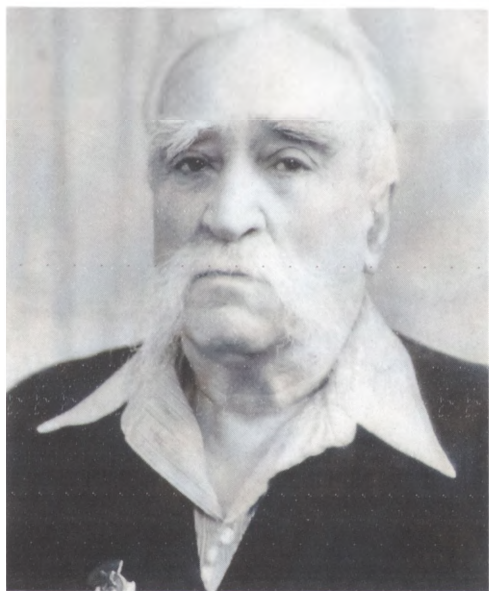
Начало войны. Наталья Львовна
Биркенгоф. 01.08.1941 г.



Лида с мамой после возвращения
из эвакуации.



Лида Гладкая в школьные
годы: «И жизнь хороша,
и жить хорошо!»



Лев Александрович
Биркенгоф. 28. 02. 1938 г.
На обороте надпись:
«Лидии и Глебу на добрую
память от деда Льва.
Живите так же, как я живу
с бабкой Лидой».



Глеб Горбовский, Лидия Гладкая
с товарищами сейсдобригады.
Северный Сахалин. 1958 г.



Лидия Гладкая. Выступление
в клубе «Восток».



«Сказочник» Б. Н. Сергуненков
с сыном на лесном кордоне. 1965 г.



Поэт Михаил Дудин с Борей
Сергуненковым. Приладожье.



Летние каникулы. Деревня Келло, Лужский район.
На скамье Б. Н. Сергуненков и Марина Горбовская;
перед ними Боря Сергуненков, Сергей Горбовский
с товарищем.



Журналист Лидия Гладкая в капитанской рубке. Северный морской путь.



Павел Антокольский, Глеб Горбовский, Лидия Гладкая в переполненном народом дворе Музея-квартиры А. С. Пушкина в день 140-летия кончины поэта (1977).



Поэт Л. В. Лапцуй, супруга
Е. Г. Сусой и дочь Марина.



В такой шубе никакие морозы
не страшны. Лидия Гладкая —
свой человек на ненецкой земле.



Знакомство журналистов
с ненецким обрядовыми
традициями. Поселок Питляр.
1989 г.



Лидия Гладкая и чета Харючи:
Сергей Николаевич и Галина Павловна.



Инга Петкевич и Лидия Гладкая — подруги со времен ЛИТО в Горном институте.



Лидия Гладкая и Андрей Битов — старинные друзья.



Поэтический вечер Глеба Горбовского с участием Лидии Гладкой в гимназии №2 (ул. Казанская,27).



Восстановленный союз:
Лидия Гладкая и Глеб Горбовский.
Санкт-Петербург, Загс Невского
района. 02.03.2007 г.



Глеб Горбовский с друзьями в Государственном музее им. А. С. Пушкина после вручения Пушкинской литературной премии. Москва. 26.05.2008 г.



Лидия Гладкая с сыном Борисом. Остров Коневец. 2013 г.



Лидия Гладкая у здания Русского географического общества. 25.05.2013 г.



Лидия Гладкая с губернатором Ямало-Ненецкого автономного округа Кобылкиным Д. Н. после вручения литературной премии. 10.12.2014 г.



Лидия Гладкая с друзьями из Салехарда;
Галина и Сергей Харючи, М. Я. Бармич
и путеводитель Николай Астафьев.



День рождения Лидии Дмитриевны. В гостях сын Борис,
невестка Вера, внуки Николай и Ольга. 28.06.2017 г.



**Остров Коневец. Александровская пустынь.
Часовня во имя Блгв. вел. кн. Александра Невского.**

Редакция благодарит всех, кто, узнав о намеченном проекте, откликнулся и прислал свои воспоминания.

Благодарность и тем, кто участвовал в подготовке материалов и в наборе текстов:

сына Л. Д. Гладкой Б. Б. Сергуненкова — автора идеи издания книги, а также Т. В. Петренко, Д. А. Леонова, А. Д. Суляева, Л. Я. Старикову, М. А. Аташикову, А. В. Смекалова, Г. Н. Соколова, И. В. Попова, Н. Бустынович, А. М. Любомудрова, Т. С. Шорохову.

Особую признательность выражаю архивам городов Ялты, Севастополя, Симферополя, Москвы, Новгорода, Санкт-Петербурга.

Редактор

Документально-художественное издание

ЛЮБО ЖИТЬ

Страницы жизни Лидии Гладкой

Редактор и составитель

Н. Н. Шумских

Корректоры

М. Л. Водолазова

Е. В. Шестакова

Верстка

И. В. Елистратова



Подписано в печать 02.11.2020. Формат 60х90¹/₁₆. Печать офсетная.

Условных печатных листов 18,25. Тираж 400 экз. Заказ № 1357.

Отпечатано в ООО «Аллегро».

196084, Россия, Санкт-Петербург, ул. Коли Томчака, 28;

тел. 388-90-00